Книжка 65

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

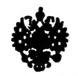
Подъ редакціею Предсѣдателя Этнографическаго Отдѣленія

В. И. Ламанскаго

и члена-сотрудника **Н. Н. Виноградова**

Выпускъ I | Годъ XVII

1908

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Тип. М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.
1908.

ОГЛАВЛЕНІЕ

«ЖИВОЙ СТАРИНЫ».

Годъ XVI (1907), вв. I—IV.

ОГЛАВЛЕНІЕ

журнала „Живая Старина", годъ XVI (1907), вв. I—IV.

ОТДѢЛЪ I.

Нечистая сила въ народныхъ вѣрованіяхъ.

(По даннымъ Смоленской губ.).

Лѣшій (Честной лѣса).

— „Заблудились,—лѣсовой насъ водилъ!“

— „А какой онъ съ виду?“

— „Водилъ-то онъ насъ, водилъ, да не приказалъ намъ говорить о себѣ ничего“.

Но иные сообщаютъ кое-что, хотя и неохотно, о наружности лѣшаго, объ его продѣлкахъ и образѣ жизни; наблюденія заблудившихся путниковъ въ разныхъ мѣстностяхъ Смоленской губерніи носятъ различный характеръ.

Лѣшіе въ Порѣчскомъ уѣздѣ, по воззрѣніямъ мѣстныхъ крестьянъ, имѣютъ видъ людей здоровыхъ и мужественныхъ.

Ростомъ лѣшіе бываютъ съ лѣсъ, а силу имѣютъ необыкновенную.

Начальникъ лѣшихъ называется „Честной лѣса“, лѣсной царь; роста онъ огромнаго, на цѣлую голову выше лѣса, надъ которымъ онъ владичествуетъ, на рукахъ и ногахъ у него закрюченные когти, похожіе на собачьи; борода у него длинная сивая, носитъ онъ её въ рукахъ.

Нѣкоторые видѣли лѣсного царя съ бѣлой, длинной бородой, какъ сидитъ онъ спокойно въ лѣсу и громко посвистываетъ, иной разъ онъ, при свѣтѣ луны, плететъ лапти.

Могучъ и страшенъ „Честной лѣса“, и волю его слѣпо исполняютъ лѣшіе, начальники отдѣльныхъ частей лѣса. И царь лѣсной и подчиненные ему лѣшіе, однако, не имѣютъ власти за предѣлами своего лѣса.

Полагаютъ также, что лѣшій имѣетъ видъ человѣка съ бѣлыми выпуклыми глазами; выраженіе лица у лѣшаго такое, какое бываетъ у сильно испуганнаго человѣка, когда онъ, по народному выраженію, „таращитъ свои бѣльмы“.

А то лѣсовикъ является людямъ въ видѣ обыкновеннаго сѣденькаго старичка, въ бѣлой одеждѣ; его можно узнать по тому, какъ онъ быстро растетъ, удаляясь отъ человѣка, и дѣлается огромнымъ великаномъ.

Лѣшій—оборотень: существенная его черта—что онъ измѣняется въ ростѣ и принимаетъ различные образы: въ лѣсу лѣшій идетъ—онъ съ лѣсомъ равенъ, на лугу или въ полѣ идетъ—онъ съ травой и былинкой равенъ. А иногда онъ прячется подъ былинку, цвѣтокъ или листокъ дерева; въ лѣсу лѣшій прячется въ дупло и подъ корнями вывороченныхъ бурей деревьевъ; вообще лѣшій примѣняется къ средѣ, его окружающей: является лѣшій и старичкомъ, и красной дѣвушкой, и красивымъ мужчиной, и звѣремъ, и птичкой, и увлекаетъ путниковъ за собой въ непроходимую чащу лѣса, изъ которой трудно выбраться.

Онъ гогочетъ, кричитъ дикимъ голосомъ, хлопаетъ кнутомъ; иногда, не показываясь изъ чащи, зоветъ прохожаго по имени знакомымъ голосомъ; прохожій свертываетъ съ дороги и идетъ на голосъ, который удаляется все дальше и дальше въ глубь лѣса, пока не заведетъ его въ глушь-чащу непроходимую.

По народному мнѣнію, есть такія проклятыя мѣста, гдѣ непремѣнно человѣкъ блудитъ.

Иногда трудно бываетъ отойти отъ выворoти [1]), отъ срубленнаго дерева. Ходишь, ходишь и все возращаешься на проклятое мѣсто: къ какой-нибудь кочкѣ или выворoти, излюбленному мѣстопребыванію или логову лѣшаго. И мѣста-то, кажется, все знакомыя—какъ тутъ заблудишься? Одинъ крестьянинъ не могъ отойти отъ вяза, пока не бросилъ срубленнаго имъ сука. „Видно, это дерево очень любилъ лѣшій“, рѣшилъ онъ.

Что же слѣдуетъ предпринимать, когда заблудишься, когда обойдетъ тебя лѣшій, или ты самъ попадешь на его логово и, вообще, озѣлитъ тебя, одурманитъ нечистая сила?

А поступай такъ, какъ совѣтуютъ старички и старушки.

Переодѣнь что-нибудь изъ одежды вверхъ изнанкой, разуй лѣвую ногу и обуй правую, поверни свою шапку на изнанку

---

[1]) Сваленное бурей и вывороченное съ корнями дерево. *Ред.*

кверху или поверни ее козырькомъ назадъ; прочти, если знаешь, воскресную молитву три раза; вспомни, что наканунѣ Новаго года варятъ свиную голову—этими средствами ты не дашь подшутить надъ собой лѣшему, который водитъ человѣка на самомъ краю лѣса и не даетъ ему узнать, къ какому онъ мѣсту вышелъ подлѣ селенія. А сердится на тебя придирчивый лѣшій за то, что случайно ты перешелъ его любимую тропу. Впрочемъ, иногда лѣшіе сбиваютъ съ пути тѣхъ, которые отправляются въ лѣсъ, не благословясь, т. е. не помолясь Богу; они также уводятъ дѣтей, оскорбившихъ мать и проклятыхъ ею въ полдень. Лѣсовые уносятъ по преимуществу мальчиковъ, лѣсовихи дѣвочекъ. Женщинъ лѣшіе уводятъ, больше строптивыхъ и плохо живущихъ съ мужьями.

Что̀ же дѣлается со взрослыми и дѣтьми, похищенными лѣсовыми и лѣсовихами?

Плѣненные лѣшимъ становятся невидимкою и странствуютъ съ лѣшимъ. Лѣсовой кормитъ ихъ губяшечкой или труташечкой, поитъ луговой водой.

А добрый лѣсовикъ кормитъ плѣнниковъ баранками, орѣхами, пряниками, только даетъ въ мѣру, очень не балуетъ. По мнѣнію народа, что̀ хозяинъ забудетъ или положитъ небрежно, то лѣсовой утащитъ—вотъ откуда у лѣсового берутся баранки и пряники, и пища человѣческая. Пряники лѣсового, принесенные въ обитаемое жилище, становятся труташками и листьями.

Лѣсовой водитъ свою жертву не только лѣсами и полями, но по городамъ и селеніямъ, по мѣстамъ хорошо извѣстнымъ заблудившемуся. Драматизмъ положенія сбившихся съ дороги и водимыхъ лѣшимъ заключается въ томъ, что они бываютъ близко около родныхъ, видятъ ихъ лица, слышатъ ихъ разговоры, бываютъ свидѣтелями безсильной скорби; заблудившіеся сами проливаютъ незримыя слезы и ноги у нихъ подкашиваются отъ сердечнаго горя. А между тѣмъ лѣсовой не позволяетъ несчастнымъ открыться роднѣ, высказаться, хоть словечко промолвить, а развѣ только, и то въ добрую минуту, пройти около родныхъ, и „тирнуться краемъ одежды“.

Жизнь похищеннаго лѣсовымъ—созерцательная. Кормитъ лѣсовой не часто, но зато дѣлаетъ невидимку свидѣтелемъ различныхъ житейскихъ сценъ-положеній, и при видѣ всего этого, въ поученіе заблудившемуся, лѣсовой дѣлаетъ свои выводы и поученія. Понятія у лѣсового такія, какъ у степеннаго домовитаго мужика. Вотъ нѣкоторые взгляды изъ этого домостроя.

По мнѣнію лѣсового, послѣ ужина слѣдуетъ молиться; ложиться спать надо, перекрестясь, и дѣтей на ночь надо перекрестить; слѣдуетъ быть аккуратнымъ и чистоплотнымъ и хозяину, и хозяйкѣ. Муку для хлѣба надо просѣвать, съ хлѣбомъ рекомендуется обходиться бережно и съ особымъ почтеніемъ: утворяя хлѣбъ, не мѣшаетъ процѣдить воду; хлѣбъ слѣдуетъ класть на столѣ—отнюдь не на лавкѣ. Рекомендуется въ закромахъ накрывать зерно покрышкой, чтобы оно не запылилось. Если пища изготовлена вкусно и опрятно, лѣсовой, пожалуй, отвѣдаетъ ее, отъ плохой пищи онъ отвернется, скривитъ свою морду—и уйдетъ.

Натура лѣсовика широкая и веселая, русская. Ему нравится веселый разгулъ ярмарки: гдѣ лѣсовой пройдетъ, тамъ живѣе торгъ идетъ, купцы наперебой сбываютъ товары, отъ задора дерутся даже—ради шутки лѣсовой сводитъ ихъ на драку.

Лѣсовой иногда принимаетъ близкое и непосредственное участіе въ скорбяхъ человѣка—онъ убаюкиваетъ больного ребенка, чтобы успокоить бодрствующую надъ нимъ мать и дать ей пріотдохнуть. Лѣсовой предвидитъ будущее, и напередъ судьба человѣка ему извѣстна; иной разъ онъ является въ роли предсказателя.

Долго, долго водитъ лѣсовой; иногда лѣтъ семь. И если онъ увелъ вслѣдствіе проклятія, то тогда только возвращаетъ ребенка родителямъ, какъ окончится срокъ проклятія и при извѣстныхъ характерныхъ обстоятельствахъ. Разъ въ полдень мать прокляла дочь; черезъ это проклятіе дочь ея сдѣлалась невидимкой и семь лѣтъ странствовала съ лѣшимъ. Мать, между тѣмъ, усердно молилась Богу о возвращеніи дочери и клала относы[1]) лѣсовымъ. Родители уже совсѣмъ потеряли надежду найти дочь. Разъ они были въ кабакѣ. Отецъ предлагалъ матери выпить стаканъ водки, а она все отказывалась и съ сердца выплеснула водку черезъ плечо—прямо въ глаза своей дочери, которая невидимо была въ кабакѣ и терлась вмѣстѣ съ лѣшимъ подлѣ своихъ родителей. Тотчасъ-же дочь перестала быть невидимкой и появилась предъ глазами удивленныхъ и обрадованныхъ родителей.

Возвращенію лѣсовыми уведенныхъ ими жертвъ способствуютъ относы. Относы кладутся на перекресткахъ дорогъ, гдѣ собираются лѣшіе. Относомъ можетъ служить кусокъ сала, горшокъ съ кашей, хлѣбъ съ солью, а то бабы напекутъ блиновъ или

[1]) Объ относахъ см. далѣе.

пироговъ, завернутъ эту снѣдь съ солью въ чистую тряпочку, перевяжутъ красной ниточкой, отнесутъ все это въ лѣсъ и положатъ на перекресткѣ лѣсныхъ дорогъ. Бабы, предлагая гостинецъ лѣсному царю, кланяются на всѣ четыре стороны, не крестясь, и говорятъ: „Честной лѣса, просимъ тебя: нашу хлѣбъ-соль прими, а нашего родного возврати". Вѣрятъ, что послѣ этого относа лѣшіе перестаютъ водить заблудившагося. По мнѣнію крестьянъ села Даниловичъ, ельнинскаго уѣзда, освобождаются дѣти, уведенныя лѣшимъ, отъ дьявольскаго плѣненія, если не вкусятъ дьявольской пищи. Когда за унесеннаго младенца служатъ молебны, то бѣсы мучатъ его щиплютъ, „щекотятъ", всячески тиранятъ и кормятъ углями и землей.

Унесенныя лѣшими дѣти, послѣ возвращенія, съ трудомъ привыкаютъ говорить и дичатся общества. Лѣшіе сами выносятъ ихъ и бросаютъ на то мѣсто, откуди взяли. Придя въ сознаніе, дѣти разсказываютъ, что, во время пѣнія молебновъ, они были или въ лѣсу на деревьяхъ, или въ селеніи на крышѣ избы своего родственника. Возвращаются отъ лѣсового уведенныя имъ жертвы блѣдныя, худыя, съ лицомъ, поросшимъ мохомъ, въ одеждѣ, напоминающей „трипятиння или пеpяпиpъ березы". Если блудившіе хворають какими-либо болѣзнями отъ голода, утомленія или страха, то родные для ихъ выздоровленія кладутъ относы въ томъ лѣсу, гдѣ они блудили. Часто пребываніе у лѣсового кладетъ особенный отпечатокъ: бывшіе у него отличаются особенною сосредоточенностью и серьезностью, и съ важностью передаютъ то, что видѣли и слышали. Многіе, наслышавшись отъ лѣсового всякой премудрости, становятся знахарями и знахарками и поддерживаютъ сношенія съ лѣсовыми, домовыми и всякой нечистою силой. Дѣвушки, жившія у лѣсовихи, называются лѣсными дѣвками; по выходѣ замужъ, онѣ теряютъ свое знаніе и связь съ міромъ сверхъестественнымъ.

Лѣсовые запрещаютъ вернувшимся отъ нихъ разсказывать кое-что: напр., о своей наружности, о своемъ житьѣ-бытьѣ. Въ этомъ отношеніи ихъ разсказы напоминаютъ видѣнія обмиравшихъ. И обмиравшіе, и водимые лѣсовиками, разсказавъ многое, при этомъ прибавляютъ: „а одно слово мнѣ не приказано говорить". Любопытство сильно подстрекается умолчаніемъ.

„Ну, скажи, скажи!"

— „Умру, не скажу. Ни за что въ свѣтѣ не скажу".—

Какъ обмиравшіе, такъ и уведенные лѣсовыми получаютъ иногда предсказанія относительно своей судьбы и судьбы близкихъ. Пропадавшій дровосѣкъ разсказывалъ подробно, какъ его

незнакомый старикъ завелъ въ непроходимый лѣсъ и все это время водилъ по лѣсу, показывалъ ему два колодца: въ одномъ были все змѣи, а въ другомъ вмѣсто воды кровь; предсказалъ, что онъ будетъ служить въ солдатахъ, а сегодняшнюю ночь привелъ его опять къ тому дереву, гдѣ былъ воткнутъ топоръ. На вопросъ, чѣмъ онъ питался все это время, крестьянинъ отвѣчалъ, что старикъ кормилъ его хлѣбомъ, который еще и теперь лежитъ у него за пазухой; но когда сталъ вынимать его, тотчасъ вмѣсто хлѣба оказались гнилушки и мохъ. Черезъ десять лѣтъ крестьянинъ умеръ, а жена его и двое дѣтей живы и теперь.

Сверхъестественныя знанія и богатство получаютъ отъ лѣсового тѣ, кто окажетъ какую-либо услугу его дѣтямъ, прикроетъ ихъ, найдя въ лѣсу нагими. Всѣмъ присуще вѣрованіе, что у лѣсовыхъ есть дѣти, а нѣкоторые видѣли ихъ: лежатъ они, голенькія, въ люлькахъ, привѣшенныхъ къ вѣтвямъ ели или сосны. Если увидишь такого ребенка, нужно что-нибудь съ себя снять, покрыть ребенка и нести. Явится женщина, которая будетъ убиваться, упрашивать отдать ей ребенка, обѣщая за него исполненія какого угодно, но только одного желанія. Сейчасъ вамъ и разскажутъ примѣръ, что, дѣйствительно, такой человѣкъ разбогатѣлъ, благодаря ребенку, найденному въ лѣсу, а такой получилъ чудесное знаніе или сдѣлался знахаремъ. Въ ельнинскомъ уѣздѣ, смоленской губерніи, арнищевской волости, деревни Блашевицахъ есть такое повѣрье: кто увидитъ лѣсовиху во время родовъ, тотъ долженъ что-нибудь набросить, не крестясь и не читая молитвы, на ея родившагося ребенка и тотчасъ же уйти. Лѣсовиха пойдетъ за этимъ человѣкомъ и все будетъ спрашивать, что ему нужно: денегъ или хорошей жизни. Кто попроситъ у ней денегъ, то она сейчасъ же насыплетъ ему цѣлый приполокъ денегъ, которыя, при выходѣ изъ лѣса, обращаются въ уголья. Но кто будетъ говорить, что ему ничего не нужно, тотъ всю жизнь будетъ пользоваться успѣхомъ во всѣхъ своихъ дѣлахъ. Поэтому народъ говоритъ про того, кто живетъ въ довольствѣ, что, вѣрно, онъ видѣлъ лѣсовиху во время родовъ. Только счастливый человѣкъ можетъ видѣть лѣсовика и лѣсовиху одѣтыми въ хорошую одежду; если кто увидитъ лѣсовика въ дурной одеждѣ, не будетъ счастья. Мужчины, увидѣвъ лѣшевиху и услышавъ ея голосъ, начинаютъ скучать и худѣютъ.

Приспанныя дѣти, по мнѣнію народа, не умираютъ, а ихъ уноситъ лѣсовой и кладетъ вмѣсто унесеннаго ребенка чур-

банъ или трупъ. Считается почему-то грѣхомъ колыхать пустую люльку—убаюкивать чорта. Говорятъ также: не тряси колѣномъ—не потѣшай чорта.

Слѣдуетъ избѣгать въ лѣсу лѣшаго и его кнута. Слѣды кнута лѣшаго остаются на травѣ и на грибахъ. За слѣды принимаются бороздки на поверхности грибовъ, оставленныя слизнями. Поэтому, маленькихъ дѣтей, посылая за грибами, очень часто научаютъ не брать грибовъ съ трещинами и не ругаться, чтобы не случилось какого несчастья. Нехорошо также ступить на волчій слѣдъ. Волки, какъ и прочіе звѣри собачьей породы, при встрѣчѣ другъ съ другомъ, расшаркиваются и, исполняя этотъ долгъ вѣжливости, сдираютъ съ почвы листья, оставляя при этомъ примѣтный слѣдъ на землѣ. Говорятъ: кто ступитъ на такой слѣдъ—заболѣетъ. Такъ про заболѣвшаго обыкновенно и говорятъ: онъ вступилъ въ „звѣриный скрабъ“. Звѣринымъ скрабомъ называется особая болѣзнь: по тѣлу появляются волдыри „кургонья“; больной испытываетъ нестерпимый зудъ.

Кто перейдетъ слѣдъ лѣшаго,—или блудитъ, или заболѣваетъ ломотою. Нехорошо въ лѣсу говорить громко и браниться: лѣсовой этого не любитъ. Разъ мальчикъ ведетъ на ночлегъ лошадей и разговариваетъ громко, къ нему подходитъ какой-то почтенный старикъ (вѣрно лѣсовой) и строго замѣчаетъ мальчику, что онъ не у себя дома, чтобы онъ велъ себя потише.

Старый охотникъ Марко приказываетъ своимъ дѣтямъ входить въ лѣсъ съ слѣдующимъ присловьемъ: „лѣсъ клястнэй, хозяинъ частнэй! Господи, Боже, благослови въ лѣсъ войти и съ лѣсу выйдить“.

Лѣсовой сердитъ и иногда непрочь бываетъ подраться. Одинъ крестьянинъ, блуждая по лѣсу, увидѣлъ около огня страннаго человѣка, котораго онъ принялъ за лѣсовика, лѣсовикъ оказался вспыльчивымъ и придирчивымъ, такъ что у встрѣтившихся завязалась драка. Незнакомецъ такъ ударилъ крестьянина по щекѣ, что тотъ пріѣхалъ домой со знакомъ и отъ испуга черезъ недѣлю умеръ. Но лѣсовой рѣдко вступаетъ въ открытую драку, а больше караетъ прогнѣвавшихъ его посѣтителей лѣса разными болѣзнями, ломотами, горячкою или такимъ помраченіемъ ума, отъ котораго человѣкъ блуждаетъ въ знакомомъ мѣстѣ. Для избавленія отъ всѣхъ этихъ бѣдствій, надо молиться лѣсовымъ и класть имъ относы.

Къ лѣсовому же обращаются съ просьбой вернуть заблудившійся въ лѣсу скотъ. Хозяинъ утраченнаго животнаго кладетъ на перекресткѣ десять яицъ, кусокъ сала, ковригу хлѣба и становится къ относу задомъ; знахарь очерчиваетъ его и заклинаетъ духовъ разными голосами; послѣ чего хозяинъ, не оборачивая головы, возвращается назадъ домой. А весной, во время перваго выгона лошадей въ поле—на ночлегъ,—крестьяне молятся лѣсному царю о сохраненіи лошадей отъ звѣря и всякаго случая: „Лѣсъ честной, царь богатый и многомилостивый! Спаси моихъ лошадокъ въ полѣ, за полями, въ лѣсу, за лѣсами, гдѣ онѣ ходятъ, гуляютъ, росу выпиваютъ,—тѣмъ онѣ сыты пребываютъ. Вотъ тебѣ, лѣсъ честной, хлѣбъ соль и низкій поклонъ“.

Лѣшій, или Честной Лѣса,—хозяинъ надъ всѣми звѣрями, а надъ волками по преимуществу. Волки — любимые звѣри лѣшаго. Въ народныхъ разсказахъ упоминается сивенькій старичекъ, съ предлинной бородой, пасущій волковъ. Этотъ старичекъ посылаетъ волковъ на скотъ и для единоборства съ собаками; старичку непріятно, если собаки справляются съ волками: старикъ вступается за своихъ „собачекъ“ и убиваетъ ихъ противниковъ волшебнымъ прутикомъ.

Въ стадѣ волковъ, пасомыхъ старичкомъ, есть бѣлый, какъ снѣгъ, волкъ. Въ нѣкоторыхъ разсказахъ волками предводительствуетъ бѣлый волкъ—это лѣсовой, принявшій волчиный видъ.

По народному мнѣнію, чтобы волки не нападали, при встрѣчѣ съ волчинымъ стадомъ, надо обратиться къ волкамъ съ рѣчью, называя ихъ молодцами: „Здрастуйтя, мыладцы! идитя вы, мыладцы, сваей дарогый, а я пайду сваей!“ Волки тогда посторонятся и пойдутъ, куда имъ нужно.

Въ Духовщинскомъ уѣздѣ полагаютъ, что у волковъ есть свой хозяинъ—царь, бѣлый волкъ; по другому повѣрью, лѣсовой принимаетъ видъ бѣлаго волка. Если этотъ волкъ бросается на человѣка, то и всѣ волки на него бросаются и наоборотъ. При встрѣчѣ со стадомъ волковъ, нужно поклониться до земли бѣлому волку, и волки не сдѣлаютъ никакого вреда. Одному крестьянину пришлось поздно ѣхать по лѣсу; вдругъ онъ видитъ огонекъ; подъѣзжаетъ ближе—видитъ вокругъ огня цѣлое стадо волковъ, а надъ ними—хозяинъ лѣсовой. „Оставайся, мужичекъ, у насъ ночевать, сказалъ лѣсовой, все будетъ цѣло и сохранно“.—Мужичекъ поблагодарилъ на ласковомъ словѣ. Онъ зналъ, что перечить хуже.

Мужику дали мѣсто у огня, а лошадямъ сѣна и соломы. Утромъ мужичекъ сталъ предлагать плату за ночлегъ.

„Мнѣ ничего не надо, возразилъ лѣсовикъ:—а вотъ моимъ волкамъ дай, чтò у тебя дома есть и чего тебѣ не жалко“.

Мужичекъ думалъ: „деревня моя далеко, и притомъ какъ же волки могутъ изъ хлѣва утащить корову—вѣдь теперь не лѣто: коровы не въ полѣ“. Черезъ нѣсколько дней пріѣзжаетъ мужичекъ домой.

— Ну, что у васъ все благополучно?—спрашиваетъ у домашнихъ.

— Все-то все! да вотъ на другой день, какъ ты уѣхалъ, погнали на водопой коровъ, и нашу лучшую корову разорвали волки—никакъ отбить не могли...

Молятся о сохраненіи стадъ не одному „Честному лѣса“, но и св. Егорію, а также и царю—бѣлому или сѣрому волку.

Водяной дѣдушка.

Водяного простой народъ представляетъ или старымъ дѣдомъ, у которого борода по колѣно, или же получеловѣкомъ, или полурыбой. Въ послѣднемъ случаѣ водяной называется „навпой.“

Водяной можетъ превратиться въ какую угодно рыбу. Подъ водой у водяного есть великолѣпный дворецъ, изъ котораго онъ въ извѣстное время дня и ночи выходитъ на дно рѣкъ и озеръ, и здѣсь въ какомъ нибудь омутѣ или вирѣ ожидаетъ добычи.

Спасать утопленика, т. е. отнимать добычу у водяного, боятся, дабы не разгнѣвить дѣдушку-водяного. Купающагося человѣка водяной часто хватаетъ за ноги и старается его залить.

Особенно опасно купаться и ловить рыбу, по мнѣнію крестьянъ, въ полдень и полночь. Залившихся дѣвицъ водяной обращаетъ въ русалокъ.

Иногда водяной живетъ подъ мельницей; если онъ захочетъ, можетъ воспрепятствовать постройкѣ мельницы. Одинъ помѣщикъ вздумалъ выстроить на Днѣпрѣ какую то особенную мельницу на плотахъ. Сначала работа шла очень успѣшно, но вотъ, однажды, просыпается помѣщикъ какъ-то на зарѣ и видитъ: по рѣкѣ, отъ лѣса, идетъ какой то высокій человѣкъ, весь въ бѣломъ; подходитъ довольно близко къ нему, да какъ ударитъ кнутомъ по плоту—гулъ пошелъ и шумъ кругомъ. Съ тѣхъ поръ пошли неудачи и постройка плотины осталась неоконченной.

Въ мѣстностяхъ болотистыхъ, по мнѣнію народа, водяной имѣетъ видъ горбатаго и бородатаго старика съ коровьими ногами и хвостомъ; не безопасно бродить по лѣсистому болоту во владѣніяхъ этого водяного. Этотъ водяной показывается людямъ, то въ водѣ, то близъ воды, въ видѣ сѣраго чудовища на четвереныкахъ.

Водяные далеко отъ своего мѣстожительства не отходятъ, людей пугаютъ громкимъ хохотомъ и сильнымъ хлопаньемъ въ ладони; надъ заблудившимся они смѣются.

Русалки.

Русалки—молодыя, красивыя женщины, съ длинными до пятъ косами; живутъ онѣ въ лѣсахъ, болотахъ, но главное пребываніе русалокъ въ рѣчкѣ, въ какомъ нибудь глубокомъ омутѣ. На берегъ русалки выходятъ рѣдко, а если и вылѣзаютъ, то далеко отъ воды не отходятъ; онѣ заманиваютъ къ себѣ проходящихъ мимо мужчинъ, которыхъ больше всего прельщаютъ красотой и стараются защекотать. Отъ нечего дѣлать русалки подшучиваютъ надъ рыбаками, скручиваютъ ихъ сѣти, вытаскиваютъ норота на берегъ, въ неводахъ выворачиваютъ матню.

Русалки—души утопленицъ, мертворожденныхъ, или же дѣтей, умирающихъ некрещеными. До Духова дня онѣ живутъ въ водахъ; на Духовъ день русалки выходятъ изъ своихъ жилищъ и плещутся на поверхности воды. Тогда русалки могутъ заходить и далеко отъ мѣста своего обитанія, въ лѣса и рощи.

Цѣпляясь волосами за сучья и стволы, если эти деревья согнуты бурею, онѣ качаются какъ на качеляхъ, съ крикомъ: „ре-л́й, ре-лий!“ или: „гутынькй, гу́тыньки!“

Заходятъ русалки въ поля и луга, заманивая прохожихъ поближе къ водѣ, чтобы потомъ ихъ утопить или защекотать до смерти. Во всякое мѣсто могутъ зайти русалки. Остерегаются купаться на Духовъ и Троицынъ день.

На Кривой недѣлѣ опасно ѣхать одному чрезъ засѣянное рожью поле: русалки могутъ напасть и замучить.

Русалокъ не трудно узнать издали: онѣ походятъ на женщинъ съ длинными распущенными волосами.

Чтобы избавиться отъ нихъ во время нападенія, нужно начертить на землѣ крестъ, который обвести кругомъ чертою; въ этомъ кругу и стать. Русалки тогда не подступятся; походятъ, походятъ около черты, а потомъ и спрячутся.

Въ одной изъ духовскихъ пѣсенъ дѣвушки просятъ бабушку очертить ихъ волшебнымъ кругомъ и обсыпать овсомъ и хмелемъ:

А ты, бабушка Купріяноўна,
Ты жъ обчарти насъ залатымъ нажомъ,
Ты жъ абсѣй насъ ярымъ аўсомъ

(с. Черепово Росл. у.).

Абсѣй-ка насъ ярымъ хмелемъ,
Абчарти насъ залатымъ нóжомъ!

(С. Скотинино См. у.).

Бабка обводитъ чертою дѣвушекъ, находящихся въ кругу, со словами:

„Хто ў чартѣ—то *наши*.
За чартою—то *ни наши!*"

Русалки, по народному представленію, существа жалкія, нуждающіяся въ пищѣ и одеждѣ:

На кривой бярёзи
Русалка сядзѣла,
Рубацёнки прасила:
— „Дзѣўки-маладухи,
Стойця, рубашку дайця:
Хушъ худу-худеньку,
Дакъ бялу-бяленьку."

Существуетъ повѣрье, что на Духовской недѣлѣ ходятъ по лѣсу нагія женщины и дѣти; при встрѣчѣ съ ними нужно непремѣнно набросить на нихъ платокъ или хоть какую нибудь тряпочку. Если же ничего съ собою нѣтъ, то нужно хотя оторвать рукавъ отъ платья и кинуть русалкамъ—въ противномъ случаѣ угрожаетъ неизбѣжная смерть. Въ подтвержденіе послѣдняго разсказываютъ, что одинъ мужикъ, встрѣтивъ въ лѣсу нагихъ дѣтей, хотѣлъ убить ихъ, но чуть поднялъ руку, какъ его скорчило, и онъ умеръ на мѣстѣ.

Повѣрье относительно русалочьихъ дѣтей, нагихъ, жалкихъ, стонущихъ, весьма распространено. Крестьянка с. Данькова Ѳекла Марковна мнѣ передавала слѣдущее:

„Я ѣхала черезъ лѣсъ со своимъ отцемъ; проѣзжая мимо одной большой ели, мы услышали жалкій стонъ, точно маленькія дѣти рыдали. Отецъ шепнулъ мнѣ на ухо:—„Это руса-

ночьи дѣти плачутъ!"—Мы прикрыли мѣсто около елки платочкомъ, и плачъ стихъ".

Русалки принимаютъ участіе вмѣстѣ съ дѣвушками въ гаданіяхъ на Духовъ и Троицынъ день. Дѣвушки сплетаютъ себѣ вѣнки изъ живительныхъ и чародѣйственныхъ травъ: буковицы, полыни, любистика, черемухи и березы. На Духовъ день послѣ обѣда дѣвушки съ пѣснями и плясками завиваютъ вѣнки. Онѣ несутъ въ лѣсъ разныя кушанья, между которыми непремѣнно должна быть яичница. Вѣнокъ остается завитымъ цѣлую недѣлю, впродолженіи которой къ нему не подходятъ изъ боязни, чтобы русалки, качающіяся не защекотали дерзкаго; если кому-либо встрѣтится крайность непремѣнно итти неподалеку—отнюдь не долженъ видѣть то мѣсто, гдѣ этотъ вѣнокъ находится.

По окончаніи Русальной недѣли, въ первое воскресенье послѣ Духова дня, русалки оставляютъ вѣнокъ; пора ихъ наслажденій кончилась, и дѣвки ужъ безъ страха отправляются развивать его и раскумливаться. А до этого—

Хто вянокъ разаўеть,
Таго у крюкъ сагнеть;
Акалѣить батька,
Аслѣпнить матка.

На заговины дѣвушки бросаютъ вѣнки въ воду и загадываютъ о женихахъ. Дѣвушка, вѣнокъ которой тонетъ, по народному повѣрью, должна умереть; по другому повѣрью, печальная участь постигаетъ ея жениха:

„А ўси вянки паверьхъ вады,
А мой патанулъ;
А ўси дружки съ вайны пришли,
А майго дружка нѣтъ!"

Въ селѣ Прыщахъ Рославльскаго уѣзда дѣвушки старались затянуть въ воду мужчину и выкупать его, если тотъ случайно приходилъ къ водѣ, къ мѣсту дѣвичьяго гаданія. Обычай этотъ, возникшій какъ-бы въ подражаніе русалкамъ, давно уже прекратился.

„Разъ мы, передавала одна женщина, покупали писаря и падмочили у него за пазухой какую-то бумагу. Писарь насъ затягалъ по судамъ, и мы бросили съ тѣхъ поръ купать мужчинъ."

На Семикъ крестьяне поминаютъ утоплениковъ, удавлениковъ, вообще людей, скончавшихся скоропостижно. Прежде и „проводъ" такимъ умершимъ отпѣвали только въ этотъ день.

Мыть бѣлье на рѣчкѣ въ Семикъ не принято въ угоду залившемуся, потому что, если не изъ близкихъ, такъ изъ дальнихъ родственниковъ кто-нибудь былъ утопленикомъ.

По мнѣнію крестьянъ Ельнинскаго уѣзда, русалки произошли отъ приспанныхъ дѣтей „присыпушей,“ вмѣсто которыхъ лѣсовые кладутъ чурбаны.

Одна крестьянка приспала нѣсколькихъ своихъ дѣтей и, чтобы не приспать послѣднюю дочь, не ложилась съ нею спать даже тогда, когда та стала взрослою дѣвушкою. Наконецъ, дочь, будучи уже замужемъ, пріѣхала въ гости къ своей матери, которая ей говоритъ:

„Дачушка, ни разу я съ тобою не спала; ляжемъ теперь поспать вмѣстѣ.“

Дочь согласилась; въ ту же ночь мать ее и приспала. Послѣ похоронъ мать была безутѣшна; разъ пошла она въ поле и слышитъ тамъ голосъ: „пойди на Благовѣщенье въ церковь и, когда запоютъ херувимскую пѣснь, стань въ притворѣ у дверей; въ это время будутъ выходить всѣ черти; между ними будетъ итти и твоя дочь. Ты пропусти всѣхъ чертей мимо, а дочь свою хватай и держи до тѣхъ поръ, пока выйдетъ священникъ и начнетъ ее отчитывать!“ Мать сдѣлала такъ и привела свою дочь невредимою.

По крестьянскому повѣрью, во время обѣдни „черти-присыпальнички“ находятся въ церкви по лѣвую сторону алтаря. Когда священникъ, при пѣніи херувимской пѣсни, отворяетъ царскія врата, черти испытываютъ страшное мученіе и спѣшатъ удалиться изъ храма, и, чтобы между присутствующими во храмѣ не спрятался чортъ, они должны въ это время стать на колѣни. Иногда и въ пропажѣ скотины бываютъ виноваты русалки. Погадаютъ дѣды и скажутъ, что для того, чтобы отыскать пропавшую скотину, нужно положить относъ русалкамъ. Относъ этотъ дѣлается такъ:

„Сплети лапти, сидя въ лѣсу на пнѣ; разорви новую женскую рубаху и сдѣлай изъ нея онучи, и, вмѣстѣ съ хлѣбомъ и солью, всё это заверни въ чистую тряпку, перевяжи красной лентой и отнеси на перекрестокъ въ лѣсъ. Тамъ, положивши всё это на какое нибудь дерево, поклонись до земли, не крестясь, на всѣ четыре стороны и говори:

„Прошу васъ, русалки,
Мой даръ примите,
А скотинку возвратите!“

Крестьяне увѣрены, что пропавшая скотина возвращается только благодаря подобнымъ относамъ.

По народному мнѣнію, русалку можно поймать и привести домой. Вотъ одна легенда: „Мой прадѣдъ, разсказываетъ крестьянинъ, пошелъ однажды на Русальной недѣлѣ въ лѣсъ лыки драть; на него тамъ напали русалки, а онъ быстро начерталъ крестъ и сталъ на этотъ крестъ. Послѣ этого всѣ русалки отступили отъ него, толька одна все еще приставала. Прадѣдъ мой схватилъ русалку за руку и втащилъ въ кругъ, поскорѣе набросивъ на нее крестъ, висѣвшій у него на шеѣ. Тогда русалка покорилась ему; послѣ этого онъ привелъ ее домой.

Жила русалка у прадѣда моего цѣлый годъ, охотно исполняла всѣ женскія работы; а какъ пришла слѣдующая Русальная недѣля, то русалка снова убѣжала въ лѣсъ. Пойманныя русалки, говорятъ, ѣдятъ мало—больше питаются паромъ и скоро безслѣдно исчезаютъ изъ человѣческаго жилища.

Русальная недѣля почитается крестьянами какъ праздникъ: во время этой недѣли крестьяне работаютъ по утрамъ, а съ полдня совсѣмъ ничего не дѣлаютъ. Всю недѣлю стараются избѣгать слѣдующихъ работъ: не пашутъ, не сѣютъ, не вьютъ веревокъ, не вяжутъ боронъ, не прядутъ, не городятъ изгородей. По повѣрію крестьянъ, кто будетъ пахать въ эту недѣлю, у того скотъ будетъ падать; кто будетъ сѣять, у того градомъ побьетъ хлѣбъ; кто будетъ прясть шерсть, у того овцы будутъ кружиться; кто будетъ городить изгородь, вить веревки, вязать бороны, тотъ зачахнетъ, и согнетъ того въ дугу.

Дѣти лицъ, нарушившихъ Русальную или Кривую недѣлю, родятся уродами; приплодъ скота у этихъ хозяевъ бываетъ ненормальный. Мальчики работали на русальной недѣлѣ; вдругъ пришла русалка и защекотала ихъ до смерти. На Русальной недѣлѣ не пускаютъ дѣтей бродить около воды.

В. Добровольскій.

Малорусская пѣсня XIX вѣка про убійство помѣщика.

Въ русской народной поэзіи крѣпостное право оставило по себѣ очень мало воспоминаній. Экономическое угнетеніе народа естественно сопровождалось духовною приниженностью его, и въ жизни крестьянства не оставалось мѣста для того, чтобы отвѣчать въ пѣснѣ на явленія крѣпостного быта. Наиболѣе характерныя произведенія великорусской народной поэзіи, касающіяся крѣпостной жизни народа, носятъ лакейскій отпечатокъ. Это плоды творчества полуграмотнаго двороваго, именно съ точки зрѣнія помѣщичьей дворни и разсматривающаго вопросъ. Едва ли не самымъ выдающимся произведеніемъ въ такомъ смыслѣ является напечатанная Н. С. Тихонравовымъ вирша „Плачъ холоповъ XVIII вѣка“, написанная подъ вліяніемъ силлабическаго стихосложенія [1]).

Въ малорусской народной поэзіи пѣсни, отражающія жизнь народа въ эпоху крѣпостной зависимости, носятъ болѣе общій характеръ. Въ нихъ слышится голосъ всей народной массы, страдающей подъ игомъ панскаго произвола и, пожалуй, еще болѣе подъ игомъ „полупанковъ“-экономовъ и другихъ ближайшихъ помощниковъ помѣщика. И картина экономическаго и нравственнаго угнетенія крестьянъ получаетъ тѣмъ болѣе яркій тонъ, что въ нихъ прорываются воспоминанія о жизни свободной, независимой отъ панскаго гнета.

Но въ общемъ и въ малорусской народной поэзіи пѣсни временъ крѣпостной зависимости по количеству своему немногочисленны и не представляютъ богатства сюжетовъ.

Въ настоящемъ очеркѣ мы остановимся на одной изъ этихъ пѣсенъ, занимательной по обстановкѣ, въ которой она появи-

---

[1]) „Починъ“, сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности.

лась. Это пѣсня про убійство въ селѣ Дорогинкѣ Монастырищенской волости, Нѣжинскаго уѣзда, Черниговской губ. помѣщика Селивановича. Пѣсня представляетъ въ литературномъ отношеніи тѣмъ большій интересъ, что сложилась она во второй половинѣ XIX вѣка, вѣроятно, предъ самымъ освобожденіемъ крестьянъ и сложилась въ старыхъ формахъ народнаго творчества. Фактъ, достойный примѣчанія, такъ какъ обычно принято думать, начиная еще съ перваго собирателя украинскихъ пѣсенъ князя Н. А. Цертелева (1819 года), что въ XIX вѣкѣ украинская народная поэзія уже не развивалась въ смыслѣ созданія новыхъ сюжетовъ и поэтическихъ образовъ.

Село Дорогинка находится въ 20-ти верстахъ отъ города Нѣжина и стоитъ на болотной рѣчкѣ Удаѣ. Нѣжинскій уѣздъ вообще одинъ изъ глухихъ уѣздовъ Черниговской губерніи, но потому и болѣе богатый этнографическими особенностями населенія. А тотъ уголокъ, въ которомъ находится Дорогинка, преимущественно отличается патріархальностью и до послѣдняго времени былъ очень устойчивъ въ сохраненіи стараго народнаго быта. По сосѣдству съ Дорогинкою находится село Андреевка вся окруженная лѣсами, удерживающими вторженіе въ село городского вліянія.

Панъ Саливонъ, о которомъ поетъ пѣсня, принадлежалъ къ богатымъ и старымъ помѣщикамъ села Дорогинки. Въ рукописномъ „Топографическомъ описаніи городовъ Чернигова, Нѣжина и Сосницы съ ихъ повѣтами“, относящемся къ 1783 году [1]), среди пяти помѣщиковъ, владѣвшихъ крестьянами въ Дорогинкѣ, показанъ также коллежскій ассесоръ Константинъ Селивановичъ, имѣвшій 529 душъ крестьянъ мужескаго и женскаго пола. Онъ владѣлъ большимъ числомъ душъ, чѣмъ всѣ остальные помѣщики, и почти половиною всего населенія Дорогинки, треть котораго составляли свободные казаки.

И вотъ одному изъ потомковъ Константина Селивановича пришлось испить горькую чашу возмездія возмущенныхъ крестьянъ. Можетъ быть, подъ вліяніемъ этого событія наслѣдники убитаго продали свое имѣніе, такъ какъ уже давно въ Дорогинкѣ нѣтъ помѣщиковъ Селивановичей.

Пѣсня про убійство пана Селивановича, или Саливона, какъ его называетъ пѣсня, была записана въ трехъ различныхъ редакціяхъ, причемъ одна изъ нихъ была записана въ двухъ

---

[1]) Труды Черниговской Губ. Архивной Ком., 1902 г., вып. IV, стр. 193.

варіантахъ. Эта редакція была напечатана въ сборникѣ пѣсенъ Б. Д. Гринченко:

1. За горою за крутою косарыкы косять;
2. У пана Салывона соби хлиба просять.
3. Ой косылы косарыкы пивторы недили,—
4. Не бачылы косарыкы хлиба ни скорыны.
5. Ой косылы косарыкы та радылы раду,—
6. Та й убылы Салывона за усю громаду.
7. А въ нашого пана плетени тыны,
8. Оце тоби, вражый пане, хозяйськы сыны.
9. У нашого пана побыти колочкы,—
10. Оце тоби, вражый пане, хозяйськыйи дочкы.
11. У Кыйиви огонь горыть, въ Дорогынци дымно;
12. Якъ убылы Салывона,—усѣмъ панамъ дывно.
13. Въ його дочкы Галюточкы на голови стричкы,—
14. Куды тяглы Салывона, кровьяныйи ричкы.
15. Въ його дочкы Галюточкы въ подинкахъ мережкы,—
16. Куды тяглы Салывона, кровьяныйи стежкы.
17. Ой убыто, вбыто, на ввесь двиръ простягся,—
18. Його сынокъ Иванюша за серденько взявся.[1])

Варіантъ этой пѣсни вноситъ два новыхъ стиха, служащихъ началомъ пѣсни:

Ой на гори пшеныченька, у долыни жыто.
Славне село Дорогынка,—Салывона вбыто.

Въ селѣ Андреевкѣ нами была записана другая редакція этой пѣсни со словъ козака Филиппа Скрипки, бывшаго жителя Дорогинки, но перешедшаго въ Андреевку на житье къ своему тестю.

1. Що въ Кыйиви на Подоли ой тамъ же бо дымно;
2. Якъ убылы пана Салывона, усимъ панамъ дывно.
3. У Кыйиви на Подоли розсыпано карты;
4. Мынулыся пану Салывону диводькыйи жарты.
7. У Кыйиви на Подоли ой тамъ же бо жаръ, жаръ;
8. Якъ убылы пана Салывона, усимъ панамъ жаль, жаль.
9. Йиде, йиде нашъ пане-отаманъ ажъ на сывій кобыли;
10. Уже мы пану Салывону панщыну одробылы.
11. У його дочкы Галюточкы у подинкахъ мережка;
12. Куды неслы пана Салывона, все кривавая стежка.

---

[1]) Этнографическіе матеріалы, собранные въ Черниговской и сосѣднихъ съ ней губерніяхъ, т. III, стр. 638. № 1474.

Различие между первою и второю редакціями пѣсни въ томъ, что первая редакція содержитъ эпическую часть—разсказъ объ обстоятельствахъ убійства; вторая—ничего не говоритъ объ этомъ и представляетъ собою только лирическое выраженіе чувства мести по отношенію къ убитому. Но то, что обѣ редакціи, кромѣ того, что содержатъ нѣкоторые общіе стихи и обладаютъ одинаковымъ размѣромъ, напоминаютъ одна другую по своему художественному построенію,—можетъ доказывать, что обѣ редакціи вышли изъ одной пѣсни, которую можно возстановить такимъ образомъ. Въ началѣ ея въ видѣ запѣва поставимъ два первые стиха второго варіанта первой редакціи, а послѣ десятого стиха послѣдней, вмѣсто стиховъ 11—12,—десять стиховъ второй редакціи, и мы получимъ связное, послѣдовательное и въ логическомъ, и въ художественномъ отношеніяхъ лиро-эпическое произведеніе. Такою могла быть та первая редакція пѣсни про убійство Селивановича, которая возникла непосредственно за самымъ событіемъ.

Пѣсня, повидимому, передаетъ фактъ убійства близко къ дѣйствительности. Филиппъ Скрипка также говорилъ, что пана Саливона убили косари, при чемъ разсказалъ, что послѣ того, какъ панъ былъ убитъ, крестьяне приказали своимъ женамъ, чтобы каждая изъ нихъ „хочъ разъ деркачемъ (вѣникомъ) вдарыла мертвого пана“. Такъ велико было чувство озлобленія крестьянъ противъ помѣщика. Да и немудрено. Одна андреевская женщина, забывшая всю пѣсню про пана Салывона, припоминала однако слѣдующіе стихи:

Ой выоравъ винъ людямы городъ на табаку,
И убылы Салывона, пропавъ за собаку.

Подобное издѣвательство надъ людьми, конечно, скорѣе могло послужить причиною убійства помѣщика, чѣмъ жизнь впроголодь, какъ говоритъ пѣсня. Голодъ, которымъ Саливонъ морилъ косарей, вѣроятно, только переполнилъ чашу терпѣнія крѣпостныхъ его.

Въ литературномъ отношеніи также интересно то обстоятельство, что въ народѣ сохраняется память объ авторѣ пѣсни. Филиппъ Скрипка, отъ котораго мы записали вторую редакцію пѣсни, разсказывалъ, что пѣсню про убійство пана Саливона сочинилъ „изъ своеи губы“ житель села Дорогинки Андрій Саранчукъ. Когда дочь Саливона услыхала про эту пѣсню, она позвала Саранчука и стала спрашивать, кто его научилъ этой пѣснѣ. Саранчукъ отвѣчалъ: „самъ изъ своеи головы столку-

вавъ". Тогда дочь Саливона дала Саранчуку десять рублей и приказала ему больше не пѣть своей пѣсни.

Андрій Саранчукъ—дѣйствительное лицо. Присутствовавшіе при нашемъ разговорѣ съ Филиппомъ Скрипкою андреевцы, какъ и самъ Скрипка, говорили о Саранчукѣ, какъ объ извѣстномъ имъ человѣкѣ, умершемъ въ Дорогинкѣ сравнительно не такъ давно.

Пѣсня про пана Саливона въ Андреевкѣ считалась запрещенною начальствомъ. Вещь вполнѣ возможная. Сельская полиція вообще всегда старалась искоренять пѣніе пѣсенъ по малорусскимъ селамъ. Въ данной же пѣснѣ та́къ остро ставится вопросъ объ отношеніи помѣщиковъ къ крестьянамъ, что полиція непремѣнно должна была обратить на нее особенное вниманіе и принять мѣры къ ея забвенію среди населенія. Дѣйствительно, по крайней мѣрѣ, въ Андреевкѣ эту пѣсню знаютъ только немногіе пожилые люди.

Кромѣ приведенной пѣсни о Саливонѣ, о немъ же въ Андреевкѣ отъ восьмидесятилѣтней старухи была записана другая пѣсня:

Була Польща, була Польща, да стала Рюссія.
Не заступыть сынъ за батька, а батько за сына.
Що батько йде у степъ косыть, а сынъ молотыты,
А йихъ дочкы паняночкы тютюну садыты,
А йихъ маты старенькая на ланъ жыто жаты.
Посидалы отдыхаты блызько перелазу,
Оглянуться назадъ себе, ажъ яконовъ иззаду.
Ище жъ винъ не дойизжае и ногайку выймае:
„О чому васъ, враже люде, по трое немае?"
— А якъ же намъ, яконове, по трое ходыты?
Покынулы малыхъ дитей,—никому глядиты.
Посіялы жыта,—никому робыты.—
Що въ нашого яконова да била кобыла;
Побыла насъ, яконове, лыхая годына.
Що въ нашои яконовшы сребрени сережкы;
Ишлы дивкы изъ тютюну, не бачылы стежкы.
Що въ нашои яконовшы червона спидныця;
Ишлы дивкы изъ тютюну, якъ зійшла зирныця.
Дожылыся наше люде въ свого пана ласкы,
Що у хлопцивъ штанивъ нема, а въ дивчатъ запаскы.
Ходыть дьячокъ по церковци, у кныжку чытае:
„Ой чому васъ, салывонци, у церкви немае?"

— Ой якъ же намъ, отче дяче, у церковъ ходыты,
Загадають що недили въ клуни молотыты.
Що ярыны по пивторы, а жыта по копи:
Ой треба жъ увертатыся да й доброму хлопу.—
Ой выоравъ Салывонъ городъ на табаку,
И убылы Салывона, пропавъ за собаку.

Слѣдуетъ отмѣтить одну бытовую подробность этой пѣсни, которая скрашивается поэтическими пріемами народной поэзіи, но очень характерна для крѣпостныхъ порядковъ.

У экономши, говоритъ пѣсня, и серебряныя серьги, и червоная сподница (родъ юбки), а у дѣвушекъ работницъ нѣтъ запасокъ (куски холста, замѣняющіе юбку), и онѣ полунагія, стыдясь встрѣчаться съ людьми, возвращаются съ табачной плантаціи ночью, „якъ зійшла зирныця“, и идутъ не по дорожкамъ, а окольными путями, „не бачать стежкы“.

Пѣсни съ содержаніемъ, подобнымъ приведенной пѣснѣ, но безъ отношенія къ мѣстной дорогинской жизни, встрѣчаются часто. Приводимъ одинъ изъ варіантовъ изъ сборника Гринченко (т. III, № 1468).

Добре жъ було добре
Нашимъ батькамъ житы,
Що не знали нашы батькы
Панщыны робыты.
А тепера въ недиленьку
У вси дзвоны дзвонять,—
Осаула съ козакамы
На панщыну гонять.
Була Польща, була Польща,
Та стала Россія,
Не одбуде сынъ за батька,
А батько за сына.
Ой побыла теперъ же насъ
Лыхая годына!
Живуть люде зъ бидочкою;
Гонють матиръ на ланъ жаты
Разомъ изъ дочкою.
Скоро прыйшлы до ланочку,
Силы обидаты.
Ой, обиде—обидочку,
Гиркый нашъ обиде,
Оглянуться назадъ себе,
Ажъ яконовъ йиде.
Не дойизжа до ланочку,
Батигъ роспускае:
„Ой чомъ же васъ, катъ вашу мать,
По трое немае?“
— Ой якъ же намъ, добродію,
По трое ходыты:
Одно старе, друге мале,—
Никому робыты.
Отъ недили до недили
Гонять на роботу;
Увесь тыждень на панщыни,
Шарваровъ въ суботу.
А ввечери по вечери
Ще й гонять на варту,—
Выпьемо кварту изъ жарту
Да й пидемъ на варту.
А въ недилю по обиди
Зойшлыся въ громаду,

Сталы соби совитувать
Велыкую раду.
Ходымъ, браття, воюваться,
Поможы намъ, Боже,
Пресвятая недилонька,
Велыка госпоже!
Въ понедилокъ ранесенько
Гонять молотыты.
Ой, Боже нашъ мылостывый,
Не можемъ зробыты.
Озымыны по пивторы,
А орнауты копу,—
Треба йийи змолотыты
Та доброму хлопу.

Варіанты этой пѣсни записывались много разъ [1]). Кромѣ того, стихи 21—24 послѣдней пѣсни о Саливонѣ помѣщены у Чубинскаго (стр. 1065, № 195) въ V томѣ въ видѣ отдѣльной пѣсни:

Ходыть попыкъ по церковци,
Святу кныжечку чытавъ;
Пытаеться людей божыхъ:
„Чомъ васъ багато въ церкви не бувае?"
— Ой чы жъ есть часъ намъ, батюшка,
До церквы ходыты?
Якъ чорный вилъ въ свято и недилю
Мусымъ панщыну робыты.—

Но, судя по отрывочности данной пѣсни, надо думать, что она должна была входить въ составъ приведенной пѣсни о панщинѣ.

Такимъ образомъ вторая пѣсня о панѣ Саливонѣ ничто иное, какъ распространенная пѣсня о панщинѣ, воспринявшая мѣстныя черты. Явленіе въ народной поэзіи довольно обычное.

Если теперь мы попробуемъ отвѣтить на вопросъ, почему убійство пана Селивановича нашло такое живое отраженіе въ народной поэзіи, въ одномъ случаѣ создавъ цѣлую пѣсню въ нѣсколькихъ варіантахъ, а въ другомъ случаѣ повліявъ на содержаніе уже ранѣе сложившейся пѣсни, то причины этого слѣдуетъ искать въ мѣстныхъ условіяхъ.

Населеніе Дорогинки состояло не только изъ крѣпостныхъ крестьянъ, среди которыхъ поэтическое творчество было подавлено тягостными условіями жизни и моральною забитостью, но почти наполовину изъ козаковъ. По описи Нѣжинскаго повѣта 1783 года въ Дорогинкѣ насчитывалось 32,5% козаковъ. И болѣе всего вѣроятно, что именно среди козаковъ, людей свободныхъ и не потерявшихъ нравственнаго чувства, возникла

[1]) Въ „Этногр. матеріалахъ" Гринченко на стр. 635 указаны варіанты.

эта пѣсня, отразившая отношенія народа къ помѣщикамъ. Нѣкоторое подтвержденіе этому мы находимъ въ разсказѣ Филиппа Скрипки объ авторѣ пѣсни Андріи Саранчукѣ. Дочь Саливона платитъ деньги Саранчуку, чтобы онъ не пѣлъ своей пѣсни про убійство ея отца. Очевидно, Саранчукъ былъ независимъ отъ помѣщика, потому что врядъ ли въ противномъ случаѣ помѣщица стала бы просить его и даже награждать его деньгами за молчаніе.

Что убійство Селивановича произвело сильное впечатлѣніе на все мѣстное населеніе, это такъ естественно для такой глухой мѣстности, какою намъ извѣстна Дорогинка и сосѣднія съ нею села. Въ селѣ Андреевкѣ, отстоящей отъ Дорогинки на пять верстъ, были въ нашу бытность тамъ (1900—1903) люди, никуда не ѣздившіе дальше Дорогинки. Тамъ доживали свои послѣдніе дни старые малорусскіе сельскіе типы, какихъ уже не будетъ въ Малороссіи, и которые сами по себѣ представляли какъ бы поэтическія созданія народа.

Помнится однажды въ Дорогинкѣ случилось убійство мужемъ жены. Мужъ апрѣльскою ночью на Страстной недѣлѣ позвалъ свою жену итти съ нимъ изъ Дорогинки въ Андреевку подъ предлогомъ, что хочетъ отвести ее къ родственникамъ, такъ какъ они жили неладно, и по дорогѣ утопилъ ее въ полой водѣ Удая. Какъ взволновало это убійство все окружное населеніе! Въ теченіе мѣсяца оно было почти единственнымъ предметомъ разговоровъ въ четырехъ-пяти селахъ. Объ убійствѣ говорили съ большими подробностями, передавали даже разговоръ между убійцею и покойною, когда они шли ночью по дорогѣ въ Андреевку, разсказывали, какъ бѣдная женщина передъ смертью на берегу Удая обнимала колѣна мужа и умоляла не губить ее ради сына-ребенка, словомъ, разсказывали такія подробности, которыхъ никто не могъ ни слышать, ни видѣть, и о которыхъ самъ преступникъ и подавно не склоненъ былъ говорить. Конечно, всѣ эти разсказы создавались подъ сильнымъ, если и не исключительнымъ вліяніемъ взволнованнаго воображенія, и являлись зародышами народнаго творчества.

Убійство помѣщика Селивановича, случившееся въ пятидесятыхъ годахъ, при большей патріархальности народной жизни и ограниченности мѣстныхъ интересовъ, должно было представлять событіе, подавляющее умы, и потому естественно отразилось въ поэтическомъ творчествѣ народа.

В. В. Даниловъ.

Очерки Бѣлоруссіи.

V. Каўтунъ (колтунъ).

„Колтунъ вѣроятно... обязанъ своимъ происхожденіемъ какому-нибудь микроорганизму, свойственному болотамъ Полѣсья и здѣсь, при извѣстныхъ условіяхъ, попадающему въ организмъ человѣка". Россія. Верхнее Поднѣпровье и Бѣлоруссія, т. IX, стр. 26.

Кому пришлось бывать въ болотистыхъ мѣстахъ Бѣлорусскаго Полѣсья, расположеннаго по притокамъ рѣки Припяти, тотъ, вѣроятно, обратилъ вниманіе, что у многихъ жителей этого края волосы на головѣ сбиты въ отдѣльныя войлокообразныя косички или образуютъ одинъ огромный „каўтўнъ" (колтунъ). Въ наукѣ по вопросу о причинахъ появленія колтуна существуетъ два мнѣнія: одни изслѣдователи склонны допустить, что колтунъ обязанъ своимъ происхожденіемъ неизвѣстному еще какому-нибудь микроорганизму, попадающему изъ болотъ въ кровь человѣка; другіе же наоборотъ—приписываютъ появленіе колтуна всецѣло нечистоплотности мѣстныхъ жителей. Послѣднее мнѣніе, кажется, преобладаетъ среди врачей. Во всякомъ случаѣ вопросъ о причинахъ появленія колтуна пока остается открытымъ.

Колтунъ или по мѣстному „каўтўнъ"—такая болѣзнь, свойственная Полѣсью, при которой въ извѣстной стадіи ея развитія, волосы на головѣ человѣка какъ-то сразу, неожиданно становятся жирными, маслянистыми, сбиваются въ видѣ войлока и висятъ отдѣльными косичками или образуютъ одну сплошную свалявшуюся массу. Надо замѣтить, что такому измѣненію подвергается только часть волосъ, тогда какъ остальные сохра-

няются въ прежнемъ видѣ. Обыкновенно въ косички сбивается только нѣсколько прядей волосъ. Эти волосы растутъ, и колтунъ постепенно становится все длиннѣе и длиннѣе. Иногда онъ даже у мужчинъ достигаетъ до пояса и ниже. У жены священника Чеховича, проживавшей возлѣ озера Князь (или Жидъ) Мозырскаго у. Минской губ., былъ такой огромный колтунъ, что лишалъ несчастную женщину возможности ходить, и она, какъ разсказываютъ очевидцы, оставалась въ кровати около тридцати лѣтъ. Колтунъ, достигшій необычайныхъ размѣровъ, лежалъ тутъ же на стулѣ рядомъ съ больной. Однажды мнѣ пришлось видѣть молодую дѣвушку лѣтъ 17, у которой нѣсколько сбитыхъ въ косички прядей волосъ достигали ступней. Колтуны были темно-желтаго грязноватаго цвѣта, тогда какъ остальные волосы напоминали свѣтлыя пряди льна. Колтунъ боятся срѣзывать изъ опасенія заболѣть. По народному воззрѣнію, при всякомъ насильственномъ удаленіи колтуна, развиваются самыя разнообразныя болѣзни. Удалить колтунъ безъ вреда для организма могутъ только люди свѣдущіе, такъ называемые знахари или колдуны. Появленіе колтуна, какъ думаютъ полѣшуки, благотворно вліяетъ на организмъ, зараженный колтуннымъ ядомъ, такъ какъ послѣдній уходитъ въ волосы, не вызывая болѣзненныхъ симптомовъ. Это своего рода громоотводъ или предохранительный клапанъ. Народной мудростью подмѣчена взаимная связь между колтуномъ и нѣкоторыми болѣзненными состояніями организма. Очевидцы, слова которыхъ заслуживаютъ довѣрія, приводятъ много примѣровъ такой взаимной связи. Для иллюстраціи приведу нѣкоторые изъ нихъ. Одинъ, еще молодой человѣкъ, нѣсколько лѣтъ страдалъ сильно зловонными гнойными ранами на голеняхъ. Эти раны то покрывались струпьями, то вновь гноились, а иногда открывались и новыя. Были испробованы всѣ домашнія средства,—ничто не помогало: раны зіяли и распространяли такое зловоніе, что даже полѣшуки, привыкшіе къ всевозможнымъ запахамъ, не могли оставаться вблизи больного. Прошло нѣсколько лѣтъ. Но вотъ неожиданно, въ одну ночь на головѣ у больного появился колтунъ. Вслѣдъ за нимъ въ одну недѣлю раны закрылись и совершенно исчезли. Прошло 3—4 года; колтунъ выросъ до пояса. Надоѣло тому человѣку возиться съ длинной косой, а тутъ еще сосѣди начали надъ нимъ насмѣхаться, называя его „каўтунаватымъ“. Разсердился онъ, пошелъ къ кузнецу и разсказалъ о своемъ желаніи отрѣзать колтунъ. Кузнецъ накалилъ желѣзо и отжегъ колтунъ почти у самаго корня.

Съ тѣхъ поръ, говорятъ, у того человѣка опять открылись раны на ногахъ и были до тѣхъ поръ, пока не выросъ новый колтунъ.

Разсказываютъ еще такой случай. Молодой парень, лѣтъ пятнадцати, сынъ зажиточнаго крестьянина занимался пастьбой скота. На Полѣсьѣ скотъ пасутъ по лѣсамъ и преимущественно по грязнымъ моховымъ болотамъ. Пастьба начинается съ ранней весны и продолжается до поздней осени. Болота все время покрыты гнилой, стоячей водой. Пастухи цѣлые дни стоятъ по колѣно въ водѣ или грязи. Надо удивляться выносливости этихъ злосчастныхъ людей, которые весною, когда едва растаетъ ледъ, проводятъ полъ сутокъ въ холодной водѣ. Само собою разумѣется, что это не проходитъ даромъ: въ большинствѣ случаевъ пастушескія занятія разстраиваютъ здоровье на всю жизнь. Болотныя лихорадки, ревматизмы, всевозможныя раны на ногахъ и т. п. болѣзни не покидаютъ пастуховъ. Такъ и тотъ парень разболѣлся весною и хворалъ все лѣто. Прежде у него была ломота въ костяхъ, общее недомоганіе, головныя боли и судорожныя подергиванія лицевыхъ мускуловъ; потомъ ноги ниже колѣнъ покрылись мокрыми злокачественными лишаями. Призванный на помощь знахарь далъ какихъ-то снадобій и велѣлъ ими смочить больному волосы. Лишь только больной смочилъ волосы, какъ они сбились въ войлокъ и образовали колтунъ. Тогда только всѣ поняли, что бѣднягу мучилъ „патаѐмны каўту̀нъ", т.-е. скрытая форма колтуна. Съ появленіемъ на головѣ колтуна всѣ болѣзненные припадки мало-помалу начали ослабѣвать и скоро совсѣмъ исчезли.

Полѣшуки передаютъ безчисленное множество аналогичныхъ случаевъ, указывающихъ на то, что скрытая форма колтуна причиняетъ людямъ цѣлый рядъ недомоганій и другихъ болѣзненныхъ явленій, которыя исчезаютъ, когда свивается колтунъ и появляются вновь при его насильственномъ устраненіи. По народному воззрѣнію, нѣтъ опредѣленныхъ симптомовъ скрытной формы этой болѣзни, она принимаетъ самые разнообразные виды болѣзненныхъ явленій и общихъ недомоганій: болитъ голова—простолюдины говорятъ: „ма̀быць у гôлаў уплю̀нуўса каўту̀нъ"; появится ли общее недомоганіе или ревматическія страданія, а то ломота въ костяхъ—все это приписывается скрытной формѣ колтуна. Золотуха, злокачественные лишаи и упорныя, не поддающіяся лѣченію домашними средствами гнойныя зловонныя раны являются, по понятіямъ полѣшуковъ, несомнѣнными признаками колтуна. Въ такихъ

случаяхъ уже обращаются за помощью къ знахарямъ. По лѣченію колтуна и „рожы“ (рожистое воспаленіе) имѣются спеціальные знахари и знахарки. Любопытно, что лѣченіемъ колтуна занимаются въ большинствѣ случаевъ знахари и знахарки, принадлежащіе къ крестьянской средѣ, тогда какъ „аткрыэсываюць рожу“ (лѣчатъ рожистыя воспаленія) больше лица, составляющія, такъ называемую, сельскую интеллигенцію, какъ-то: помѣщики, священно и церковнослужители, чиновники и т. п. Обыкновенно при упорныхъ и продолжительныхъ заболѣваніяхъ неопредѣленнаго характера обращаются прежде всего къ своему брату—знахарю. Тотъ опрашиваетъ больного, выдергиваетъ у него три волоса, обрѣзываетъ на мизинцахъ ногти и все это опускаетъ въ стаканъ воды. Долго и пристально смотритъ знахарь въ эту воду, предлагаетъ больному разные вопросы и наконецъ объявляетъ результаты своихъ наблюденій и изслѣдованій. Онъ говоритъ, какая тутъ болѣзнь—„каўтўнъ“, или „рóжа“. Когда сдѣланъ діагнозъ, знахарь приступаетъ къ лѣченію болѣзни заговорами, травами и другими средствами. Но, когда при изслѣдованіи находитъ, что болѣзнь не его спеціальности, напр. „рожа“, а не колтунъ, знахарь заявляетъ объ этомъ больному и направляетъ его къ другому специалисту. Если же болѣзнь сложная, т.-е. та и другая вмѣстѣ, чтò обыкновенно находятъ знахари, то они лѣчатъ только по своей специальности, напр. колтунъ, а для изцѣленія отъ „рожы“ отсылаютъ больного къ другимъ свѣдущимъ лицамъ. Такой пріемъ вполнѣ гарантируетъ довѣріе больныхъ къ цѣлительнымъ способностямъ знахаря. Послѣ авторитетнаго опредѣленія рода болѣзни ищутъ специальныхъ цѣлителей „рожы“. Таковыми, какъ мною замѣчено выше, въ большинствѣ случаевъ являются „господа“, которые хотя и получили кое-какое образованіе, но остались не менѣе крестьянъ суевѣрными и невѣжественными въ области медицины.

Въ ихъ средѣ, кромѣ универсальныхъ цѣлителей, есть еще специалисты по лѣченію отдѣльныхъ болѣзней, какъ-то: рака, рожи, волчанки, эпилепсіи и др. Характерно, что эти господа, подобно знахарямъ и колдунамъ, лѣченіе медикаментами и разными секретными средствами сопровождаютъ заговорами и чародѣйственными обрядностями. Такъ, при лѣченіи „рожы“ надъ головою больного при помощи огнива кресаютъ огонь, произнося соотвѣтствующія случаю заклинанія, потомъ зажигаютъ свѣчу, обносятъ ее три раза вокругъ пациента и ставятъ ему на макушкѣ. Всѣ эти пріемы сопровождаются заговорами, ко-

торые сохраняются въ тайнѣ. Это называется „аткрэсаць рожу". Къ подобнымъ манипуляціямъ прибѣгаютъ при лѣченіи и другихъ болѣзней.

Какъ уже было сказано выше, болѣзнь колтунъ въ скрытомъ видѣ не имѣетъ строго выраженныхъ признаковъ; всякое упорное и продолжительное недомоганіе почитается „патаемнымъ" колтуномъ. Для избавленія отъ такого недуга, кромѣ знахарей, огромной популярностью пользуются нѣкоторыя „прощы" (чудотворныя мѣста, какъ-то: камни, ключи, деревья и т. п.). Въ эти чудотворныя мѣста стекается множество различныхъ больныхъ, чающихъ исцѣленія, но больше всего здѣсь попадаются страдающіе колтуномъ. Одни добиваются, чтобы колтунъ свился въ волосахъ и такимъ образомъ, вышелъ изъ организма; другіе же ищутъ способовъ, чтобы безъ вреда для здоровья избавиться отъ лишней обузы, большого колтуна, который нерѣдко стѣсняетъ при работахъ. Вообще, эта, столь распространенная среди полѣшуковъ болѣзнь, причиняетъ имъ много страданій и стоитъ большихъ жертвъ.

VI. Запасваніе гаўяда.

Обширные лѣса и огромныя болота въ Полѣсской части Бѣлоруссіи являются благопріятными факторами для разведенія скота. И дѣйствительно, скотоводство составляетъ здѣсь главнѣйшую отрасль крестьянскаго хозяйства. Но скотъ тутъ не обновляется лучшими породами, а изъ-покон вѣка разводится все одно и то же мелкое полѣсское „гаўядо". Тоже надо сказать и относительно коневодства и овцеводства. Доморощенныя лошади здѣсь маленькія, малосильныя, но отличаются большой способностью долго быть безъ корма и перевозить человѣка черезъ такіе „грэбли" (плотины), броды и болота, куда хорошая лошадь не сдѣлала бы и одного шага. Полѣсская „кабылка" зимой питается только жесткимъ болотнымъ сѣномъ, а съ ранней весны и до поздней осени побирается тѣмъ скуднымъ подножнымъ кормомъ, какой попадается возлѣ деревни, а въ дорогѣ—по пути. Мнѣ какъ-то надо было изъ с. Комаровичъ съѣздить въ с. Глушкевичи. Хотя эти села находятся въ одномъ и томъ же Мозырскомъ у., но разстояніе между ними по полѣсскимъ проселочнымъ дорогамъ доходитъ до 200 верстъ. Путь лежалъ черезъ самыя глухія полѣсскія дебри. Была лѣтняя пора во время жатвы. Жители заняты работой;

нанять перекладныхъ лошадей невозможно; пришлось ѣхать на долговыхъ. Мой возница не взялъ съ собой никакого корма для лошадей, хотя мы отправлялись въ дорогу на цѣлую недѣлю. Дѣйствительно, всякіе запасы корма для лошадей оказались бы излишними, такъ какъ наши „клячи" довольствовались тѣмъ скуднымъ подножнымъ кормомъ, какой попадался при остановкахъ на „папа́съ жіўёла" (пастьба животныхъ). Овцы здѣсь тоже не прихотливы; онѣ зимой питаются тѣмъ же жесткимъ болотнымъ сѣномъ, а лѣтомъ пасутся по лѣсамъ или даже вмѣстѣ съ прочимъ скотомъ по болотамъ. Волна на полѣсскихъ овцахъ жесткая, грязная, испачканная смолою.

Но, нужно отмѣтить, что простолюдинъ любитъ свой скотъ и всѣхъ домашнихъ животныхъ, дѣлится съ ними послѣднимъ кускомъ хлѣба, иногда самъ долгое время остается голоднымъ, гдѣ-нибудь въ полѣ или въ лѣсу съ тою цѣлью, чтобы накормить свое рабочее „гаўя́до". Убѣленные сѣдинами и умудренные житейскимъ опытомъ старики, обыкновено говорятъ молодымъ, въ видѣ наставленій и совѣтовъ: „Самъ не і͡эшъ (ѣсть), а каню́ дай. Даглéцъ каня́ дóма, та ёнъ цебé ў дарóзе (дагледзиць). Вала́ першъ пакармú, тагды́ даймú (требуй работы). У дарóзе не ку͡óнь везé, а аўёсъ. Якъ дагледа́ў (гаўядо), такъ и Буогъ даў. Гаўя́до бы дзиця́: гóладно—не ска́жэ". Дѣйствительно, мѣстные жители большую долю своего труда затрачиваютъ на добываніе корма и уходъ за домашними животными. „Е гаўя́ду сі͡эно",—говорятъ бѣлоруссы—„будзе й хлі͡эбъ". Въ описываемой мною мѣстности Бѣлорусскаго Полѣсья, по среднему теченію рѣкъ Лани, Морочи, Случи, Оресы и Птича, крестьяне разводятъ сравнительно много домашняго скота мелкой породы. Такъ, у нѣкоторыхъ зажиточныхъ домохозяевъ бываетъ 30—40 шт. рогатаго скота, 3—4 лошади, 10—20 овецъ и нѣсколько свиней, а то и козъ. Само собою разумѣется, что для прокормленія въ зимнее время такого количества „жывьёлы" требуется много корма, на заготовку котораго затрачивается полѣшукомъ огромный трудъ. Вотъ почему простолюдины съ такой радостью встрѣчаютъ наступленіе весны и такъ торжественно обставляютъ „запасване гаўя́да", т.-е. первый выгонъ скота на подножный кормъ.

Въ самомъ дѣлѣ, каждый хорошій, предусмотрительный хозяинъ долженъ лѣтомъ заготовить такой запасъ сѣна, чтобы его оказалось въ достаточномъ количествѣ и въ запоздалую весну.—Да Юрья (23, IV) трэ, кабъ было и ў дурня (сѣно).— Если къ трудности заготовки сѣна прибавить еще трудность

его перевозки съ топкихъ, не всегда замерзающихъ болотъ, по которымъ приходится предварительно протаптывать дорогу, чтобы она замерзла, то станетъ понятнымъ радость простолюдина, когда его скотъ получаетъ возможность добывать себѣ кормъ безъ всякой затраты человѣческаго труда. Конечно, тутъ являются новые враги полѣшука въ лицѣ волковъ и медвѣдей, которые портятъ и загрызаютъ скотъ въ лѣсу во время пастьбы. Но такъ какъ, по народнымъ возврѣніямъ, всякое несчастье насылается лихими (злыми) людьми, имѣющими сношеніе съ нечистою силою, то волковъ и медвѣдей не считаютъ истинными виновниками, а на нихъ смотрятъ, какъ на орудіе въ рукахъ темной силы, противъ которой и принимаютъ необходимыя мѣры при „запа́свани гау̑яда“.

„Запа́сване“ является настоящимъ праздникомъ всей семьи и пастуховъ по преимуществу. Обставляется этотъ праздникъ цѣлымъ рядомъ обрядностей и сопряженъ съ множествомъ суевѣрныхъ примѣтъ и предразсудковъ. На обрядностяхъ этого дня я остановлюсь нѣсколько подробнѣе. „Запасваню гау̑я́да“— рогатаго домашняго скота предшествуетъ, нѣкоторымъ образомъ, семейный совѣтъ, состоящій изъ домохозяина и всѣхъ членовъ семьи. Обсуждаются вопросы—своевременно ли „запасваяць гау̑ядо?“ Подходящій ли день въ недѣлѣ и по фазамъ луны? Нѣтъ ли какихъ-либо дурныхъ примѣтъ? Кто назначается въ пастухи? Все ли готово къ совершенію обряда? и т. п. Надо замѣтить, что понедѣльникъ и пятница почитаются несчастливыми днями, почему ихъ избѣгаютъ для начала какого бы то ни было предпріятія. Запасываніе скота, какъ и другія начинанія, приноравливаютъ ко днямъ, приближающимся къ полнолунію,—„кабъ усе́ было по́уно“. Кромѣ того, присматриваются къ примѣтамъ, не указываютъ ли онѣ на какое-либо неблагополучіе. Такъ напр., упавшая со стола ложка предвѣщаетъ несчастье; когда бьется посуда—быть худу; погасшій въ „ямцэ“ (загнѣтъ) огонь знаменуетъ приближеніе бѣды; когда курица поетъ по пѣтушиному, то будетъ несчастье— и много другихъ подобныхъ примѣтъ. Особенно наблюдаютъ, чтобы въ этотъ день кто-либо изъ сосѣдей не взялъ изъ печи огня или не занялъ какой-либо вещи. Существуетъ повѣрье, что при помощи взятаго огня или какого-либо предмета лихой человѣкъ можетъ перетянуть къ себѣ „спу̑ръ“, т.-е. прибыльность отъ того или иного предпріятія. Запасываютъ скотъ предъ полуднемъ. Вся семья выходитъ изъ дома во дворъ; тутъ старики, женщины и дѣти—всѣмъ хочется посмотрѣть на

торжество. Хозяинъ переодѣвается въ чистое бѣлое бѣлье и въ чистую праздничную „свиту“ (верхняя одежда), обуваетъ новые лапти съ бѣлыми онучами, вѣшаетъ черезъ плечо „то́рбу“ (пастушья сумка), въ которую кладетъ краюху хлѣба, соль, „хрэ́щыкъ“ (крестъ изъ хлѣба, спеченный на хрэсцы — въ среду на четвертой недѣлѣ великаго поста), три небольшіе камешка, ножъ, замо́къ, безменъ, топоръ, куриное яйцо, „грамничную“ (освященную 2 февраля) свѣчу и торжественно, съ непокрытой головой идетъ къ хлѣвамъ выпускать во дворъ весь домашній рогатый скотъ, лошадей, овецъ и свиней. Потомъ хозяинъ вытягиваетъ изъ крышъ сараевъ три пучка соломы, черпаетъ въ колодцѣ полнымъ-полно ведро воды, обходитъ съ нимъ по солнцу вокругъ скота, перебрасываетъ черезъ все стадо камень, а водой обливаетъ скотъ. Потомъ опять идетъ за водой и во второй разъ обходитъ кругомъ стада. Этотъ обрядъ хозяинъ повторяетъ три раза. Потомъ онъ закапываетъ у воротъ въ землю замокъ, безменъ, топоръ и яйцо и разводитъ на этомъ мѣстѣ небольшой костеръ, въ который бросаетъ вытянутую изъ крышъ солому. Когда все готово, хозяинъ передаетъ „торбу“ пастуху, который, пощелкивая кнутомъ, выгоняетъ черезъ огонь весь скотъ со двора на улицу и въ поле или лѣсъ. Хозяинъ и почти вся семья слѣдуютъ за скотомъ за околицу. Въ первый день скотъ остается въ полѣ самое короткое время, почему хозяинъ и вся семья тутъ же встрѣчаютъ скотъ, возвращающимся съ пастбища.

Перегоняютъ скотъ черезъ огонь для того, чтобы освятить его и предохранить отъ нечистой силы и лихихъ людей. Если закопанное въ землю яйцо окажется цѣлымъ, то это хорошая примѣта: въ теченіе лѣта весь скотъ будетъ цѣлъ и невредимъ. Замокъ кладутъ для того, чтобы запереть пасти волкамъ и медвѣдямъ. Безменъ кладется съ тою цѣлью, чтобы скотъ жирѣлъ и увеличивался въ вѣсѣ. Какое значеніе имѣетъ топоръ, мнѣ не могли объяснить сами бѣлоруссы на мѣстѣ. Но мною замѣчено, что простолюдины берутъ съ собою топоръ во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ, какъ-то: при запасываніи скота, при заарываніи, засѣвкахъ и т. п. Скотъ обливаютъ водой для того, чтобы онъ былъ чистъ отъ лишаевъ и струпьевъ и чтобы не боялся комаровъ, мошекъ, оводовъ и здроковъ. Вытянутая изъ крышъ солома имѣетъ силу тянуть скотъ домой. Переброшенные черезъ стадо камни ограждаютъ скотъ отъ звѣрей и нечистой силы.

Покровителемъ скота считается Св. Георгій (23, IV). Запасываніе скота приноравливаютъ къ этому дню, но если весна ранняя, то обрядъ „запасваня" совершается раньше, а въ день Св. Георгія утромъ выгоняютъ скотъ „на росу", т.-е. очень рано, чтобы не опала роса, выгоняютъ скотъ на озими, хотя бы онѣ были уже и большія. Простолюдины думаютъ, что это полезно для хлѣбовъ и для скота. Нѣкоторыя женщины, которыхъ считаютъ „віедзьмами", утромъ, раздѣвшись до нага, бѣгутъ съ подойникомъ и полотенцемъ въ поле и такъ собираютъ съ озимей и съ травы росу. Существуетъ повѣрье, что вѣдьмы такой манипуляціей перетягиваютъ къ себѣ „спўбръ" съ хлѣбовъ и съ того скота, который пройдетъ по тому мѣсту, гдѣ собрана роса въ Юрьевъ день. За такими вѣдьмами строго наблюдаютъ въ Юрьевъ день и жестоко съ ними расправляются. Конечно, подобнымъ чародѣйствомъ занимаются не только вѣдьмы, но и „чарадзіейники", которые найдутся въ каждомъ селеніи. Уже одна встрѣча съ „чарадзіейникамъ" во время „запасваня гаўяда" или въ иномъ подобномъ случаѣ крайне тягостна для простолюдина и можетъ вызвать продолжительное угнетенное состояніе духа. По этому „чарадзіейникаў" стараются всѣми мѣрами задобрить и расположить въ свою пользу. Не даромъ говорятъ: „Бога хвали, але й чорта не гнiевй, бо лихое й Бога перемагáе".

А. Сержпутовскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Особенности психическаго міра якутовъ Колымскаго округа въ зависимости отъ ихъ культуры.

В. Ирэръ.

Разряженіе по отношенію къ обществу людей. Сопоставленіе культуръ Разряженіе и болѣзнь.

I.

Родчево 1903 г. Молодой скромный якутъ Николай Чемченъ женился на Маріи Тепеле. Марія была дѣвушка тихая, скромная, ищущая любви. Она очень любила отца.

— „Отецъ старъ, мать стара,—что будетъ съ тобою, что будетъ съ нами? женись!“ уговариваютъ они меня—говоритъ она.

Слезы у нея на глазахъ, она готова плакать и дѣйствительно расплакалась. Дѣвочкой до 13—14 лѣтъ она спала, прижавшись къ отцу. Она очень полюбила якута Дмитрія. Ревновала его къ другой якуткѣ, съ которою жилъ Дмитрій.

Чемченъ боялся, что его семейное счастіе можетъ быть нарушено.

— Я возьму жену и пойду жить въ горы, въ лѣсъ.

У него есть исходъ. Онъ молодъ и уже довольно опытный промышленникъ. Въ лѣсу на горной рѣчкѣ онъ загородитъ черезовое [1]), наставитъ петель, плашекъ, будетъ промышлять дикихъ оленей, зайцевъ, лисицъ. У него есть реальный выходъ спасти свое семейное счастье, выйти изъ затруднительнаго положенія.

---

[1]) Чéрэзъ, черэзовò, черезовá ловля—общественный рыбный промыселъ, причемъ рѣка перегораживается черезомъ (плетнемъ) во всю ширину (Богоразъ, Област. слов. колымскаго русск. нарѣчія, стр. 156).

Ред.

1890—1906 г. Родчево, весна.

Акулина Хоспохъ въ волненіи; ея психическій міръ вышелъ изъ равновѣсія...

— Отъ моего рожденія этого не было... Считать пищу!.. Ѣсть и считать, ѣсть по счету... Я умру, я не могу такъ жить!

Нервы ея напряжены. Она сидитъ за камелькомъ. Слезы текутъ изъ глазъ. Она всхлипываетъ...

— Я брошу тебя, брошу все, уйду въ лѣсъ, возьму съ собой дѣтей!

Прежде были хорошіе рыбные промыслы. Жирная хорошая рыба была въ изобиліи. Пищу не надо было считать. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ промыслы изъ года въ годъ все болѣе и болѣе оскудѣваютъ. Пришлось теперь разсчитывать пищу.

„Уйти въ лѣсъ“—значитъ жить вдали отъ всякой бѣды, жить самостоятельно,—промышлять и ѣсть то, что промыслишь... Расчета не нужно...

Еще нѣсколько неудачъ. Онѣ гнетутъ душу Акулины... Неопредѣленное безъ отношенія къ лицу раздраженіе накопляется. Оно, это психическое раздраженіе, ищетъ выхода. Я не замѣчаю этого накопленія. Не даю ему выхода въ нѣжной ласкѣ, во вниманіи къ ней. (Хоспохъ—моя жена).

Проходитъ еще нѣсколько времени, она становится болѣе раздражительной, придирчивой.

Вечеръ; въ юртѣ покойно. Задумчиво сидитъ передъ камелькомъ Акулина Хоспохъ. Она обособилась ото всего со своими безсознательными думами, со своимъ гнетущимъ положеніемъ...

Передъ ней что-то проясняется. Настроеніе приподнятое... Отъ сильнаго напряженія непонятнаго чувства она закрываетъ глаза...

Акулина Хоспохъ нашла выходъ. Она побѣдитъ все, гнетущее ея душу... Она теперь сильный духъ... Она начинаетъ менерячить „Шаманитъ“—говорятъ якуты. Послѣ разряженія—слабость, успокоеніе...

Въ лѣсъ итти не надо.

1903. Татьяна Сыкыма, дѣвушка 23—24 лѣтъ. Молодой якутъ Федоръ Чемерисъ говорилъ ей, что возьметъ ее замужъ. Когда приходилось ему, Чемерису, ночевать въ юртѣ Акулины Хоспохъ, матери Сыкымы, онъ не снималъ при Хоспохъ своей обуви; дѣлалъ это такъ, чтобы не видала Хоспохъ его ноги безъ обуви; это ясно показывало, что въ этой юртѣ есть мать дѣвушки, которую онъ намѣревается взять въ жены... И его

слова, и соблюденіе обычая убѣждаютъ дѣвушку, что Чемерисъ ее любитъ, что онъ говоритъ правду, когда говоритъ, что возьметъ ее замужъ...

Татьяна полюбила Чемериса... Она лелѣетъ мысль о семейномъ счастьи съ нимъ... Проходитъ слухъ: Чемерисъ сватаетъ другую. Слухъ подтверждается...

Я ни за кого не выйду замужъ—рѣшаетъ Татьяна. За нее сватаются, она отказываетъ... Вѣра въ людей, надежда на людей подорвана. Нарушена наивная психика дѣвушки...

Отчимъ её очень любитъ. Она знаетъ это. Она тоже очень любитъ отчима.

Отчимъ берётъ въ помощницы своей жены сироту 16—17-лѣтнюю Матрену Чычахъ... Онъ, отчимъ, хочетъ показать, что Чычахъ не раба наемная, а равноправный членъ семьи... „Эта дѣвушка тоже моя дочь, моя новая дочь“—говоритъ отчимъ при Татьянѣ и своей женѣ; онъ ласкаетъ Чычахъ, какъ свою падчерицу Татьяну... Такъ же будитъ ее рано утромъ, гладя рукой по головѣ или поцѣлуемъ въ лобъ, какъ и Татьяну. Якуты любятъ дѣтей. Отношенія ихъ къ дѣтямъ полны трогательной нѣжности...

— Я могу любить и цѣловать дѣвушку, какъ отецъ, пока ей не исполнилось 20 лѣтъ; тогда ей нужна другая любовь—говоритъ отчимъ при Татьянѣ.

— Мнѣ 24 года — соображаетъ Татьяна — отецъ меня больше не любитъ такъ, какъ прежде...

Она начинаетъ слѣдить за каждымъ словомъ и движеніемъ отца, какъ опытный охотникъ за звѣремъ, желая его поймать, достигнуть цѣли. Она ревнуетъ отчима.

Она убѣждаетъ себя, что отчимъ пересталъ ее любить. На ея чувствительную натуру это производитъ сильное дѣйствіе. Во второй разъ подорвана наивная вѣра въ людскія хорошія отношенія. Дѣвушка томится, временами тоскуетъ...

— У меня кружится голова, путаются мысли—жалуется матери дѣвушка...

Проходитъ нѣсколько дней. За нею мать слѣдитъ незамѣтно. Вечеръ. На дворѣ порывистый вѣтеръ шумитъ о стѣны юрты, шумитъ объ изгородь, шумитъ въ трубѣ камелька. Тихо въ юртѣ... Семья Хоспохъ поужинала, дѣти улеглись спать. Хоспохъ куритъ трубку. Она сняла обувь. Чычахъ починяетъ свою обувь. Въ рукахъ Татьяны трубка. Она взяла лучину закурить и задумалась... „Взглядъ сталъ мутнымъ (куһаганъ харакъ)“—передавала Акулина потомъ, съ картинной подробностью, всѣ

мелочи этого факта и его обстановки отчиму (т. е. мнѣ). Мать замѣчаетъ разстроенный взглядъ, сердце матери чувствуетъ страданіе дочери. Мать насторожѣ... Дѣвушка безсознательно встаетъ и выходитъ изъ юрты.

Прошло немного времени, дочери нѣтъ. Акулина надѣваетъ обувь. Обращается къ Чычахъ, предлагаетъ ей итти за Татьяной.

— „Татьянѣ скверно, пойдемъ".

Обѣ вышли изъ юрты. На бѣломъ фонѣ дѣвственнаго покрова зимы видна удаляющаяся черезъ озеро темная фигура дѣвушки. Вдали за открытымъ полемъ видна черная полоса лѣса... Съ яркаго синяго неба блѣдный свѣтъ луны заливаетъ бѣлоснѣжную поверхность озера, юрту на пригоркѣ озера, отдаленный лѣсъ и три фигуры,—освѣщаетъ картину: Чычахъ и Хоспохъ быстро нагоняютъ Татьяну, медленно подвигающуюся къ черной полосѣ лѣса, выступающей вдали, на бѣломъ фонѣ. Мать нѣжно обнимаетъ свою дочь... Молча возвращаются домой... Ласки матери успокаиваютъ Татьяну...

На другой день сообщаютъ мнѣ. Я глажу нѣжно свою падчерицу по головѣ, плечамъ, спинѣ; прижимаю ее голову, цѣлую въ лобъ... Она, какъ ребенокъ, довольна лаской...

— „Моя хорошая дочка, что ты выдумала? я тебя люблю, какъ любилъ, и всегда буду любить...

Желаніе уйти въ лѣсъ, безсознательное, больше не повторялось у Татьяны... Татьяна—сильная, рослая дѣвушка, хорошая мастерица, усердный промышленникъ—рыболовъ. Она не омерякъ.

1901. Матрёна Машина. Дѣвушка стройная, высокая; усидчивая мастерица,—ей 18—20 лѣтъ... Живетъ у брата, старосты. Отецъ и мать умерли. Братъ женатъ. Его жена была бы красавицей... Одинъ у нея глазъ вытекъ—это портитъ ее анфасъ. Въ профиль она очень красива... Въ ея характерѣ эгоистическое непониманіе страданія ближняго. Она не заражается несчастьемъ другого, не радуется радостью ближняго; у нея есть зависть... Она должна всегда помнить, что у нея нѣтъ одного глаза... Ей, чтобы сохранить пріятное впечатлѣніе на другихъ, нужно стараться держаться къ людямъ стороной съ глазомъ... Въ этомъ глазѣ всегда есть примѣсь испуга и жестокости...

У дѣвушки Машины нѣтъ родственной теплоты къ семьѣ, гдѣ она живетъ... Она видитъ тепло семейной жизни кругомъ себя; она всѣмъ чужая. Часто на ея лицѣ можно услѣдить исканіе чего-то...

— „Машина больна третій день, сидитъ на оронѣ, ничего не ѣстъ. Ей говоришь—не отвѣчаетъ"—докладываетъ ея братъ Бурдустаръ, когда проѣзжаетъ объѣздомъ докторъ, Сергѣй Ивановичъ Мицкевичъ. Докторъ прописываетъ ей бромистый натръ... Оставляетъ мнѣ порошковъ, чтобы разводить и давать ей пить, когда будетъ „нервный припадокъ"...

— Давайте теперь, пока не успокоится,—говоритъ мнѣ Сергѣй Ивановичъ,—три раза въ день по столовой ложкѣ.

Докторъ уѣхалъ... Я исполнялъ предписанія, наблюдалъ за дачею трехъ разъ въ день по столовой ложкѣ. Натръ не могъ дать любви и теплоты отношеній. Онъ парализовалъ нервы. Проводники — рабы психическаго міра — отказались служить. Психическій зарядъ не былъ разряженъ. Дѣвушка грустная, подавленная, сидѣла на одномъ и томъ же мѣстѣ... Она покорно принимала лѣкарство сначала; потомъ отклоняла ложку. Бурдустаръ, какъ староста, аккуратно исполнялъ предписаніе доктора: кончалась одна бутылка—онъ приходилъ ко мнѣ за другой. Чисто вымывалъ я стклянку, всыпалъ бромистый натръ... Предписанія исполнялись съ точностью. Черезъ недѣли двѣ дѣвушка умерла тихо, молча, выпивъ съ перерывами три-четыре стклянки бромистаго натра...

Въ культурѣ взаимной равной нужности, гдѣ еще нѣтъ обособленія этой нужности отъ человѣка, нервы и чувства такъ тѣсно взаимно связаны, что опасно разъединять эту связь, парализовать нервы, чтобы не дать мѣста демонстративному разряду чувствъ. Это можетъ привести къ прекращенію нервной дѣятельности—къ смерти...

Михайло Тюканъ, сынъ Чемогороя. Онъ хорошій промышленникъ... У него страсть играть въ карты...

— „Не играй въ карты"—говорю я ему.

Онъ часто приходитъ ко мнѣ, приноситъ пушнину, беретъ деньги, чай, табакъ и другіе нужные предметы... Ко мнѣ относится съ чувствомъ нѣкотораго родства, я къ нему съ теплотою родственника.

— „Не будешь играть въ карты—будетъ у тебя лошадь, корова... Сколько ты проигралъ „Бурдустару", сколько проигралъ „Парнишкѣ"—можно было бы купить лошадь.

— „Я брошу играть..."—говоритъ онъ.

Я беру съ него слово, что онъ больше не будетъ играть въ карты...

Прошло четыре-пять мѣсяцевъ. Опять Тюканъ вернулся съ промысла. Онъ промыслилъ хорошо бѣлокъ. Опять Парнишка

и Бурдустаръ обыграли его. Опять приходитъ ко мнѣ. Я его журю. Ему досадно. Онъ чувствуетъ себя виновнымъ передо мною. Ему досадно: лошадь ушла съ его горизонта...

— „Я могъ бы выиграть... Я тогда купилъ бы лошадь“...— оправдывался Тюканъ передо мною...

— Ты не можешь выиграть... Ты плохо играешь; ты боишься проиграть. Они опытные игроки; тебя всегда обыграютъ...

Та же исторія повторилась опять. Наконецъ, мнѣ удалось убѣдить его настолько, что онъ, боясь проиграть, пришелъ ко мнѣ съ бѣлками, крадучись отъ Бурдустара и Парнишки. Онъ купилъ лошадь, корову; часть денегъ далъ, часть обѣщалъ уплатить.

Жаль было ему теперь проигранныхъ денегъ. Въ первый разъ онъ увидалъ, что онъ терялъ, желая насчетъ выигрыша поправить свои дѣла... Доказательство налицо—у него лошадь и корова...

Онъ холостъ. Сваталъ дѣвушку. Вышло недоразумѣніе. Сватая дочь, онъ „спалъ“ съ матерью... Мать забеременѣла... Жениться на дочери оказалось невозможнымъ. Все случилось для него непонятно, не такъ, какъ онъ разсчитывалъ. Онъ хотѣлъ выиграть и проигрывалъ... Хотѣлъ жениться—не удалось... Его не обманывали; виновнаго нѣтъ. Его гнетутъ эти неудачи... Онѣ въ обществѣ людей... Въ лѣсу онъ торжествуетъ, онъ побѣждаетъ. Прійдетъ изъ лѣса—терпитъ пораженія... Въ лѣсъ! Въ лѣсъ къ удачамъ... Тамъ нѣтъ пораженія. Съ ружьемъ, съ топоромъ, подстилкой, одѣяломъ, котелкомъ онъ идетъ въ бой съ жизнью, одинъ, самъ, и онъ побѣждаетъ. Весь этотъ процессъ проходитъ путемъ безсознательнаго мышленія отъ начала до конца. Само рѣшеніе лишено сознанія. Онъ съ своимъ сознаніемъ подчиняется ему, какъ року, внѣ его находящемуся... Его куда-то тянетъ этотъ властный рокъ... Путь для безсознательнаго выхода тотъ же, куда направляется его сознательная дѣятельность за пищевыми средствами, за пушниной... Этотъ извѣстный ему хорошо путь—путь въ „лѣсъ“.

Тюканъ пропалъ... Тюканъ ушелъ „въ лѣсъ“... Его не было нѣсколько дней. Потомъ его отыскали. Ему не говорили, гдѣ онъ былъ, пока онъ совершенно не успокоился. Скоро послѣ этого онъ сошелся съ дѣвушкой. Женился на ней.

Отецъ Тюкана, Меркурій Чомогорой — промышленникъ-поэтъ... Явится у него мысль промыслить рыбу изъ чужихъ сѣтей, когда мимо ихъ, чужихъ сѣтей, онъ проѣзжаетъ на лодкѣ—онъ ее сейчасъ приведетъ въ исполненіе... Рыба изъ чужой сѣти—въ его лодкѣ...

Проѣзжаетъ мимо урасы. Его тянетъ любопытство: „что̀ есть въ урасѣ?“.. Ураса Акулины Хоспохъ... Она ушла изъ промысла...

— „Ураса завязана клячей. Значитъ, въ урасѣ юкола есть“...—соображаетъ Чомогорой.

Возможность поѣсть жирной юколы раздражаетъ его аппетитъ. Удержаться нѣтъ возможности. Онъ зоркимъ глазомъ окидываетъ окрестность... Далеко внизъ тянется лента широкой Колымы, никого не видать... Смотритъ онъ вверхъ по теченію, до Сьенъ-Тамаха; на Сьенъ-Тамахѣ и дальше еще съ версту никого не видать. Лодка Меркурія маленькая, скользитъ безслышно близъ берега, гдѣ тоня Акулины; онъ проѣхалъ тоню, проѣхалъ протоки, причалилъ къ берегу. На верху крутого берега ураса... Онъ развязалъ веревку. Въ урасѣ виситъ юкола надъ потухшимъ очагомъ... Въ углу закрыто берестой лукошко; въ немъ около полупуда рыбы... Все оказалось скоро въ лодкѣ Чомогороя. Ураса завязана. Чомогорой тутъ же разводитъ огонь, варитъ чай, рыбу; насыщается...

Рѣдко когда Чомогорою удается скрыть слѣды преступленія. Его всегда ловятъ, уличаютъ. Дѣлаютъ выговоръ:

— Нужно тебѣ было, ну, взялъ бы одну-двѣ юколы, съѣлъ бы... Нѣтъ, тебѣ надо всѣ... Ты другого человѣка оставилъ голоднымъ... это не хорошо! Сюр! сюр киhи! [1]).

Иногда присуждаютъ вознаградить пострадавшаго въ двойномъ количествѣ.

Чомогорой былъ молодъ. Въ окрестности его знали. За такого „сюр киhи“ дѣвушка врядъ ли пошла бы...

Онъ ѣдетъ внизъ, сплавляетъ дрова; тамъ узнаетъ, гдѣ есть невѣста, принаряжается, выдаетъ себя за богатаго человѣка... Беретъ себѣ дѣвушку въ жены...

Культъ взаимной равной нужности воспитываетъ чувство вѣры другъ въ друга. Чомогорой его широко эксплоатируетъ... Дѣвушка стала женой. Пустая разоренная юрта Чомогороя прибрана. Приданымъ заполнена пустота юрты... Внутренній міръ жены нарушенъ... Она, жена Чомогороя, хорошая работница, сильна, молода; дѣтей родила мало. У нея было огромное преимущество передъ мужемъ. Онъ нарушилъ культъ взаимной вѣры и всегда чувствовалъ это. Въ семейныхъ сценахъ нарушеніе культа отнимало у него энергію;—онъ терпѣлъ пораженія.

---

[1]) „Сюр“ (ужасный человѣкъ) здѣсь употребляется въ смыслѣ человѣка, не считающагося съ интересами другого, интересами наслега in concreto... „Киhи“—человѣкъ.

Матрена, жена Чомогороя, уже стара. Лѣто она косила сѣно вмѣстѣ съ мужемъ на Родчевскомъ полѣ. Сѣно косила не для себя, не для своихъ коровъ. Своихъ коровъ уже нѣтъ. За долги несуразнаго мужа пошли коровы, осталось немного коннаго скота... И теперь она коситъ сѣно богатому якуту за долгъ мужа, за забранный въ кредитъ товаръ.

Мужу ея даютъ въ кредитъ не такъ, какъ другимъ якутамъ; надъ нимъ подсмѣиваются и не дадутъ, сколько проситъ, а всегда меньше, съ улыбками не то сожалѣнія, не то презрѣнія.

Работать надо, пища плохая, силы растрачены. Жизнь ушла. Она—старуха. Прежде она была не такая. Она—дочь почетнаго якута. Прошедшее идеализируется бѣдной женщиной... Сопоставленіе его съ настоящимъ окончательно разстраиваетъ ее... Работящая женщина усиленнымъ трудомъ заглушаетъ, пополняетъ недочетъ своего нравственнаго міра...

Работа окончена... Сѣно смётано въ стога... Женщина сидитъ одна въ юртѣ, въ самой бѣдной обстановкѣ... Вездѣ разрушеніе... Нѣтъ возстановленія... Чайникъ красной мѣди, старый, измятый; котелокъ мѣдный съ прогорѣлыми краями; обнажился желѣзный обручъ; мѣстами просвѣты около обруча. Чтобы не выливалась жидкость и не заливала огня, онъ, котелокъ, стоитъ накрененный на сравнительно цѣлую сторону...

Смотритъ женщина усталыми глазами на чайникъ, на потухающій камелекъ, и ей рисуется картина прежняго довольства.

Пепломъ покрылись угли и головешки дровъ... Камелекъ не грѣетъ... Женщина чувствуетъ усталость. И въ то же время чувствуетъ, что нѣтъ выхода. Смотрятъ глаза въ одну точку и ничего не видятъ. Она медленно встаетъ, выходитъ изъ юрты...

Приходитъ Чомогорой, жены нѣтъ. Онъ раздуваетъ огонь, варитъ чай, варитъ пищу... Проходитъ день, другой—жены нѣтъ. Пришла и прошла зима, жены нѣтъ. Весной якуты-сосѣди сплавляли лѣсъ внизъ по рѣкѣ... Отъ жителей, ниже Салгытара, мѣстожительства Чомогороя, верстъ на 200, они узнали, что найдены кости человѣка на берегу рѣки... Это кости Матрены, жены Чомогороя...

Такъ можно нарисовать картину пропажи и гибели Матрены, жены Меркурія Чомогороя. Женщина встала; ей представилась прежняя ея достаточная жизнь въ домѣ почетныхъ родителей. Ее тянуло къ этой жизни. Она шла къ ней загипнотизированная своимъ прошлымъ, она перестала чувствовать настоящее. Она шла и шла. Вышла на Колыму, вошла въ воду... Вода по

колѣно, по поясъ, по грудь. Она ничего не чувствуетъ. Настоящаго для нея нѣтъ. Оно ей не нужно... Она идетъ въ прошедшее, возвращается вспять... Она уже не старуха. Она— та юная, сильная, молодая дѣвушка, за которую сватается „пріѣзжій человѣкъ“, прослышавшій о хорошей дѣвушкѣ... Пріѣзжій человѣкъ говоритъ покойнымъ солиднымъ тономъ о ея добродѣтеляхъ, какъ онъ слышалъ отъ другихъ; говоритъ о своемъ достаткѣ... Теперь она, эта сильная дѣвушка, она истрачиваетъ свои послѣднія старческія силы, чтобы стать сильной дѣвушкой... Она, можетъ-быть, поетъ въ увлеченіи своей пропавшей молодостью, сильнымъ голосомъ... Вода уже подходитъ къ шеѣ. Силы ея не могутъ сопротивляться теченію... Теченіе её сноситъ, воды Колымы закрываютъ её...

Это еще не сумасшествіе. Это еще не сомнамбулизмъ. Это еще не самоубійство. Съ развитіемъ культуры, съ развитіемъ сознанія это перейдетъ черезъ сомнамбулизмъ или въ самоубійство, или въ сумасшествіе. Когда, съ развитіемъ жизни человѣчества, явится сознаніе болѣе стройное внутри субъекта, оно обособитъ его отъ внѣшняго міра, станетъ отвлеченнѣе. Потеря связи этого отвлеченнаго сознанія съ фактами внѣшняго существованія и есть психическое разстройство — сумасшествіе... Пока сознаніе образно, конкретно, стихійно, пока не отвлечено отъ внѣшняго міра—есть заряженіе этимъ внѣшнимъ субъекту существованіемъ и стремленіе разрядиться вовнѣ въ дѣйствіи; еще нѣтъ сумасшествія и самоубійства.

Я не знаю ни одного сумасшедшаго за всё слишкомъ 18-лѣтнее близкое знакомство съ психическимъ міромъ якутовъ.

Одинъ фактъ самоубійства прошелъ передо мною.

Имя якута я забылъ.

Жилъ онъ хотоннымъ якутомъ у богатаго сородовича.

Онъ былъ въ экспедиціи Миддендорфа переводчикомъ; его портретъ помѣщенъ въ числѣ типовъ якутскихъ у Миддендорфа.

Этого якута коснулась высшая культура. Онъ часто бывалъ у меня, когда я жилъ въ Жулейскомъ наслегѣ Ботурусскаго улуса Якутскаго округа въ 1885 году.

Въ концѣ 1885 или въ январѣ 1886 г. онъ повѣсился въ юртѣ, послѣ сцены съ женою, укорявшею его въ бѣдности.

Отъ него перваго я услыхалъ характерную фразу якутовъ Якутскаго округа:

— Богатый человѣкъ—хорошій человѣкъ, бѣдный человѣкъ— не хорошій человѣкъ...

Эта фраза—лебединая пѣснь охотничьей мирной культуры, отступающей въ вѣчность предъ призракомъ Бога и земледѣліемъ...

Съ лѣвой стороны въ Колыму впадаетъ рѣка Ясачная, въ Ясачную Нельмина... Сюда на Нельмину прикочевывали ламуты и юкагиры. Построили свой поселокъ... Источникъ ихъ жизни—охота, рыбный промыселъ, постройки карбасьевъ. Казенный грузъ муки, соли, пороха изъ Якутска до Верхне-Колымска шелъ вьюкомъ. Здѣсь его грузили на карбасья, и онъ, грузъ, водою шелъ до Средняго и Нижняго Колымска. Постройка карбасьевъ для сплава казеннаго груза и самый сплавъ давали юкагирамъ и ламутамъ изрядный доходъ. Съ конца 1890-хъ годовъ грузъ пошелъ другимъ путемъ—черезъ Олу на Буюнду, притокъ верховьевъ Колымы... Тамъ, на Буюндѣ, строили большіе паузки на сотни пудовъ, а потомъ и на болѣе тысячи, и сплавляли на этихъ паузкахъ грузъ и казенный и купеческій. Медленно, торжественно эскадра, паузковъ 4—6, поднявъ огромныя весла вверхъ, спускалась по Колымѣ. Паузки проходили мимо ламутовъ и юкагировъ, уходившихъ съ марта или апрѣля на верховья Колымы или Корходона дѣлать карбасья, вѣтки и стружки. Покойно проплывавшіе паузки входили новымъ фактомъ въ жизнь юкагировъ и ламутовъ.

Съ начала 1890 г. стали постепенно падать пушные, звѣрные, пищевые и рыбные промыслы. Количество омулей, главной пищи ламутовъ и юкагировъ, уменьшилось. Омули въ 1900 году дошли до верховьевъ Колымы въ небольшомъ количествѣ. Изъ сотенъ тысячъ ихъ начали промышлять уже десятки. Въ 1903 г. омули не дошли до Нельминой; ихъ главная масса дошла до Зарянки, впадающей ниже Ясачной въ Колыму. Ламуты и юкагиры еще раньше, съ 1900 года, терпѣли нужду. Нужда не уменьшалась съ годами, а всё увеличивалась и увеличивалась и перешла въ 1904 году въ голодъ. Систематически увеличиваются гнетущія условія. Они, условія эти, давили на психику юкагировъ и ламутовъ. Появилось нервное, возбужденное состояніе. Возбужденіе дошло въ 1903 году до высокаго напряженія. Нужно было ему разрядиться. Появились ирэры... На сто семей—4—6 ирэровъ. Прежде не было или рѣдко бывалъ 1 случай, какъ исключеніе.

Очень многіе якуты верховья Колымы торгуютъ съ ламутами и юкагирами. Ихъ достатокъ былъ связанъ съ благосостояніемъ ламутовъ и юкагировъ. Омули и для якутовъ также имѣютъ большое пищевое значеніе, звѣрные промыслы тоже... Торговля велась въ кредитъ; промыселъ обезпечиваетъ кредитъ.

Василій Винокуровъ Околуръ, человѣкъ состоятельный, уже старикъ, пріобрѣлъ свое состояніе промысломъ и торговлей съ ламутами. Онъ очень близко стоялъ къ ламутамъ. У него взрослые сыновья. Онъ и его сынъ Петръ тоже подверглись этой формѣ психическаго разряженія—стали ирэрами.

— Какъ Пёчука (такъ называли Петра, сына Околура) поѣдетъ къ ламутамъ, такъ ему и плохо—говорили якуты.

Околуръ чувствовалъ себя легче, когда удалялся съ своего мѣста подальше отъ ламутовъ...

II.

1900 годъ. Мартъ. Эмяхъ.

Авдотья Дьячкова Ненявяй стоитъ на оронѣ. Ея руки скручены ремнями, она привязана къ стѣнѣ. Она съ ножомъ гонялась за женою своего брата, хотѣла её убить.

Два года съ лишнимъ она уже ирэръ. Ей 23 — 24 года. Дѣвушка она очень чувствительная, ищетъ сильныхъ ощущеній. Одна изъ немногихъ якутокъ, играющихъ въ карты; хорошая хозяйка и промышляетъ рыбу.

Лѣтомъ, во время сѣнокоса, умерла ея мать. Смерть матери для дѣвушки невознаградимая потеря. Кругомъ ходятъ, движутся люди. Они ей чужіе. Они, люди, не хотятъ любить её. Она сердится на нихъ, недовольна ими. Эти процессы идутъ безсознательно. Люди помогаютъ другъ другу въ бѣдѣ. Это она видитъ изъ ежедневнаго опыта жизни. Ей не хотятъ помочь; не хотятъ её любить. Недовольство растетъ,—растетъ съ каждымъ новымъ фактомъ взаимной помощи и взаимной любви, проходящимъ передъ ея глазами. Она хочетъ взаимной любви, ея внутренній міръ требуетъ ея, этой любви. Любви нѣтъ. Дѣвушка озлобляется на людей за то, что они не даютъ ей того, чего хочетъ ея любящая чувствительная натура. Она хочетъ убить этихъ окружающихъ её безсердечныхъ людей; убить за то, что они не любятъ ея. Дѣвушка становится сосредоточенной, разсѣянной, безсознательная мысль гнететъ её.

— „У нея плохіе глаза“ — говорятъ наблюдательные якуты.

Отъ нея начинаютъ прятать ножи, топоры. Дѣвушка слѣдитъ за людьми. Они прячутъ ножи и топоры. Этотъ пріемъ людей подсказываетъ ей образъ дѣйствій: она безсознательно начинаетъ искать ножей, топора, пешни, пальмы. Воруетъ эти вещи и тоже прячетъ. Сознанія нѣтъ. Озлобленіе не дошло до

послѣдней степени напряженія. Психическій зарядъ разряжается въ приготовленіи къ чему-то. У нея въ рукахъ спрятанный подъ рубаху ножъ замѣтили. Ножъ хотятъ отобрать. Старшаго брата нѣтъ въ юртѣ. Старшій братъ, Николай Кягякъ, мягкимъ любящимъ голосомъ уговорилъ бы её, она отдала бы ножъ; такъ бывало не разъ. Она любитъ брата своего Николая. У нея хотятъ отобрать ножъ, совершить насиліе. Она защищается. Убить человѣка не въ курсѣ жизни якутовъ Колымскаго округа. Необходимость обороны, озлобленіе нарушаютъ курсъ. Нянякяй съ безумнымъ взглядомъ бросается на женщинъ съ ножомъ въ рукѣ. Сознательнаго желанія убить нѣтъ. Она, вѣроятно, не убила бы. „У страха глаза велики". Тырахы Спиридонъ, ея братъ, хватаетъ её сзади, обезоруживаетъ, связываетъ ремнями и привязываетъ къ стѣнѣ.

Въ такомъ положеніи застаемъ мы её, пріѣхавъ, проѣздомъ въ городъ, ночевать въ странно пріимную юрту Спиридона Тырахы. Въ юртѣ, кромѣ насъ, т.-е. меня и писаря Ковынина, еще Чемеристъ, молодой якутъ съ пріятнымъ умнымъ лицомъ, родственникъ Спиридона и Нянякяй.

— „Зачѣмъ хочешь ты сдѣлать зло людямъ?.. Ты хорошая, смирная дѣвушка; тебя всѣ любятъ. Напрасно ты думаешь, что тебя не любятъ"—уговариваю я её. Она бываетъ у меня, я её знаю.—„Что это ты хочешь дѣлать?"

— „Почемъ я знаю, что̀ я хочу... Я ничего не знаю"— отвѣчаетъ она.—„Меня привязали къ стѣнѣ. Я отъ роду не видала, чтобы людей привязывали къ стѣнѣ"—жалуется Нянякяй...

Говоритъ она спокойно, симпатичнымъ, глубокимъ голосомъ. Видно, что мысль ея еще занята какимъ-то планомъ, неопредѣленнымъ, безсознательно бродящимъ въ головѣ...

— „Она дѣвушка хорошая, развяжите её, она ничего не сдѣлаетъ дурного"—уговариваю я Спиридона по-якутски.

— „У нея плохіе глаза"—шепчетъ мнѣ сосѣдъ Чемеристъ.

— „Нѣтъ, она ничего не сдѣлаетъ дурного"—настаиваю я.— „Напрасно она думаетъ, что ея не любятъ; её любятъ всѣ"— говорю я громко, больше по ея адресу...

Соглашаются её развязать.

Она развязана, свободна.

Николай Кягякъ полулежитъ на оронѣ. Ножъ якутскій въ ножнахъ привязанъ снаружи къ штанамъ правой ноги немного выше колѣна.

Нянякяй подходитъ къ брату, ласкается, полуложится

около него, облокачивается на ногу брата. Ласкаясь старается вытащить ножъ изъ ноженъ.

— „Не надо“—говоритъ тихо Кягякъ, нѣжно отклоняя руку сестры.

— „Я хочу курить,—мнѣ нужно накрошить табаку“—говоритъ сконфуженно дѣвушка.

У нея въ рукахъ пустая трубка съ „богулкой“ (ламутскимъ кисетомъ).

— „Дай“—говоритъ Кягякъ, протягивая руку за трубкой—„я тебѣ накрошу“.

На ночь всѣ размѣстились по оронамъ.

Нянякяй положили съ Чемеристъ на одномъ оронѣ... Чемеристъ полушопотомъ что-то говорилъ Нянякяй.

— „Она его послушаетъ“—тихо сказалъ Спиридонъ.—„Она его любитъ, онъ ея родственникъ“.

На утро Нянякяй была здорова.

Прошло три-четыре мѣсяца. У Нянякяй опять разрядъ недовольства. Изъ юрты всѣ ушли—кто за дровами, кто за чѣмъ. Нянякяй осталась одна. Въ почетномъ углу просторной, высокой, чистой юрты образъ Божіей Матери. Каждый день семья братьевъ Дьячковыхъ утромъ и вечеромъ молится передъ образомъ.

— „Богъ помогаетъ всѣмъ въ несчастіи“—говоритъ священникъ.—„Проси, вѣрь, и Онъ, Великій Единый Богъ Создатель, поможетъ тебѣ“.

Совершать требы во время объѣздовъ прихода священникъ останавливается въ просторной юртѣ Спиридона. Спиридонъ уменъ, зажиточенъ; онъ же и староста... Нянякяй слушаетъ службу священника, короткія поученія; видитъ сборы за службу, требы, поученія. Нянякяй одна. Она опять возмущена. Она не удовлетворена, ея не любятъ, какъ она хочетъ. Въ юртѣ, кромѣ нея и Бога, никого нѣтъ...

— „Богъ всё можетъ. Онъ не хочетъ дать, что мнѣ нужно“—говоритъ безсознательное мышленіе дѣвушки.

Въ ея мозгу запечатлѣлись слова священника о силѣ, могуществѣ, всевѣдѣніи Бога, о Его благости, добротѣ. И этотъ самый благій (берть ючюгяй саналахъ) Богъ ничего не дѣлаетъ для нея. Всѣ эти процессы мысли идутъ безсознательно въ головѣ дѣвушки. Ея простая жизненная логика говоритъ ей:

— „Если Богъ мнѣ не помогаетъ—Его мнѣ не надо“.

Приходятъ, возвращаются якуты въ юрту. Нянякяй сидитъ въ особенномъ возбужденномъ состояніи, какъ человѣкъ излившій свою душу, свое озлобленіе въ фактѣ.

Спрашивать Нянякяй безполезно. Она ничего не знаетъ, что она дѣлаетъ... Вопросъ ей задаютъ всё-же, больше для порядка...

— „Что я знаю? Я ничего не знаю... Кто знаетъ?"— отвѣчаетъ Нянякяй обычными фразами, выражающими полное невѣдѣніе.

Искали въ камелькѣ, въ золѣ, слѣдовъ Бога—слѣдовъ Бога не оказалось, не могла Нянякяй бросить его въ воду,—Онъ, Богъ деревянный, плавалъ бы; не могла изрубить въ щепки,— наблюдательные якуты узнали бы щепки „дерева съ юга" въ массѣ щепокъ...

Нянякяй взяла Бога и унесла его далеко въ лѣсъ, положила подъ мохъ или подъ толстое гнилое дерево, чтобы Онъ не былъ въ ея юртѣ,—въ юртѣ, гдѣ живетъ она, страдающая, а онъ, всесильный и всеблагій, не хочетъ помочь ей.

Пріѣхалъ ко мнѣ Николай Кягякъ „посовѣтоваться".

— „Нашъ отецъ" (такъ называютъ якуты священника) хочетъ послать Нянякяй на покаяніе въ городъ"—заключилъ свое обстоятельное сообщеніе Кягякъ—„Ты какъ посовѣтуешь?"

Я успокоилъ Кягяка, что за это ничего быть не можетъ...

Потомъ мы рѣшили найти Нянякяй хорошаго человѣка и выдать замужъ. Она была самостоятельная богатая невѣста... Молодой якутъ Хонхолой Поповъ, не глупый, „кӧрсюӧ киhи" (разсудительный человѣкъ), былъ, по нашему мнѣнію, человѣкъ подходящій. Мои отношенія къ Попову Хонхолою были теплыя. Я переговорилъ съ нимъ, указалъ на Нянякяй, какъ на хорошую неглупую дѣвушку, ищущую любви. Хонхолой по характеру былъ семьянинъ, томился безъ семьи, безъ теплаго своего угла, для котораго онъ работалъ бы... Онъ любилъ играть въ карты. Я помогалъ избавиться отъ этой страсти. Скоро ихъ обвѣнчали.

Первое время Нянякяй была покойна. Новость положенія она приняла за любовь. Потомъ мужъ сталъ ей ненавистенъ, она хотѣла его убить, она чувствовала дѣланность его любви, не находя въ ней самоотверженія материнской любви,— любви, которую она потеряла со смертью матери. Хонхолой уѣхалъ въ городъ; опять игралъ въ карты и проигрывалъ. Еще разъ пришелъ ко мнѣ „посовѣтоваться". У него началась любовь къ своей молодой женѣ. Они опять жили вмѣстѣ. Прямая натура Нянякяй почувствовала искренность любви Хонхолоя... Нянякяй нравственно была удовлетворена...

Появленіе паузковъ и паденье рыбныхъ промысловъ нару-

шили психическое равновѣсіе—усилились проявленія психическаго напряженія и психическаго разряда въ формѣ ирэръ, на счетъ менериковъ и омеряковъ.

Давно, юношей (въ 1865—66 гг.), читалъ я о разныхъ формахъ проявленія субъективнаго настроенія, какъ протеста противъ давленія общества на внутренній міръ человѣка.

Меня заняло одно проявленіе у дикарей Полинезіи. Это проявленіе сильнаго негодующаго протеста, если мнѣ не измѣняетъ память, называли дикари „помали".

Съ ножомъ въ рукахъ бѣжитъ дикарь по улицѣ посёлка. Онъ хочетъ убить перваго встрѣчнаго. Его предупреждаютъ дикари. Съ крикомъ несутся за нимъ вооруженные дубинами и убиваютъ его, какъ бѣшеное животное.

Психика этого несчастнаго теперь, при изслѣдованіи ирэровъ и исторіи ихъ разряженія, мнѣ становится ясна. Онъ недоволенъ обществомъ людей. Чѣмъ недоволенъ—онъ не даетъ еще себѣ отчета. Недовольство сильное, стихійное, не обращено на частное лицо, не вызвано частнымъ фактомъ. Онъ живетъ въ культурѣ, гдѣ человѣкъ не рабъ факта. Онъ тоже—не приниженный культурной средой рабъ культуры. Съ ножомъ въ рукахъ онъ вызываетъ на бой всю культуру въ образной формѣ перваго попавшагося человѣка, какъ члена общества, какъ мирящагося съ культурой. Онъ не сумасшедшій; онъ—герой, вызывающій на бой то, что давитъ его. Это эмбріонъ нашихъ максималистовъ... Онъ будетъ сумасшедшимъ, когда онъ будетъ жить въ культурѣ, гдѣ культурная среда создала сознательное отношеніе къ своимъ чувствамъ, гдѣ наука замѣнила традицію наслѣдственныхъ знаній, гдѣ наука создала строго разсчитанную цѣлесообразную дѣятельность, основанную на знаніи... Ни бромистые препараты, ни холодные души не помогутъ „помали". Ему нужна побѣда, торжество, или смерть, если нѣтъ иного способа разрядить свой сильный зарядъ психическій.

У мирныхъ якутовъ „ирэры" остаются живы.

У воинственныхъ дикарей Полинезіи убиваютъ „помали".

У насъ, людей высшей культуры, лѣчатъ психически разстроенныхъ людей, и они умираютъ въ психіатрическихъ больницахъ въ состояніи крайней апатіи или буйнаго умопомѣшательства.

Дѣвушка хочетъ любви. У якутовъ она, оскорбленная „наслегомъ" въ конкретной формѣ нужнаго ей человѣка, или безсознательно идетъ въ лѣсъ отъ общества людей, теперь ей не-

нужнаго, или ненавидитъ людей, не желающихъ дать ей изъ своей среды любящаго человѣка. Она вооружается ножомъ. Она не убьетъ. Не было убійства „ирэрами". Рѣдки случаи легкихъ пораненій. Рука мирнаго якута не привыкла къ убійству.

Дѣвушка сама не знаетъ, чего она хочетъ. Еще желанія не имѣютъ конкретизаціи. Она ищетъ чего-то. Тамъ, въ далекомъ до-историческомъ прошломъ, она уходила въ лѣсъ, ища въ лѣсу друга своему сердцу... Теперь её въ тиши ночи поражаетъ свѣтъ луны. Она идетъ на мягкій свѣтъ луны—искать въ немъ чувствъ успокоенія и милаго... Это—генерація отъ „лѣса", полнаго реальности,—лѣса, въ былыя времена низкой культуры населеннаго бродячими людьми,—до нашего умопомѣшательства.

Между этими двумя формами, формою якутовъ и сомнамбулизмомъ, еще можетъ быть и форма—вообще уйти со своимъ безпокойнымъ неопредѣленнымъ желаніемъ изъ своего дома,—искать безсознательно внѣ дома себѣ мужа, какъ въ древніе вѣка себѣ искалъ жены Іаковъ.

За сомнамбулизмомъ начинается область власти бромистыхъ аппаратовъ, промываній. Сознаніе побѣждаетъ инстинктъ. Болѣзни нервовъ побѣдить можетъ лѣченіе. Для психическаго заряда безсознательнаго нужно разряженіе.

В. Даниловъ.

Отрывки изъ наказа двинскому воеводѣ о встрѣчѣ королевича Вальдемара датскаго въ Архангельскѣ и по дорогѣ до Москвы.

I.

Предлагаемый мною отрывочный матеріалъ о встрѣчѣ королевича Вальдемара найденъ на оборотѣ одного изъ столбцовъ Приказнаго стола [1]). Отрывки датированы 1642 г., а какъ разъ въ этомъ году, въ апрѣлѣ, изъ Москвы были отправлены въ Данію послы: окольничій Степанъ Матв. Проестевъ и дьякъ Ив. Патрикѣевъ, которые должны были уговорить королевича Вальдемара вторично пріѣхать въ Москву. Разсчитывая, вѣроятно, заранѣе на удачу посольства, московское правительство рѣшило доставить Вальдемара въ Москву черезъ Архангельскъ и Вологду [2]).

По прибытіи королевича Вальдемара въ Архангельскъ, предполагалось встрѣтить его рѣчью черезъ толмача. Къ сожалѣнію, въ отрывкахъ наказа уцѣлѣло только начало рѣчи, содержащее титулъ московскаго царя, датскаго короля и обычное привѣтствіе королевичу Вальдемару.

Въ отрывкахъ этого наказа есть подробныя указанія двинскому воеводѣ [3]) о продовольствіи королевича Вальдемара и

---

[1]) Московскій Архивъ Министерства Юстиціи, столбецъ № 1881, л. 30—34, оборотъ.

[2]) Посольство оказалось неудачнымъ, т. к. королевичъ Вальдемаръ отказался пріѣхать. Во второй разъ онъ пріѣхалъ послѣ того, какъ къ нему было отправлено новое посольство во главѣ съ Петромъ Марселисъ. Въ Москву онъ прибылъ въ январѣ 1644 г., когда, конечно, черезъ Архангельскъ нельзя было ѣхать, а потому его маршрутъ былъ на Вильно, Псковъ, и Новгородъ.

[3]) Стольникъ кн. Иванъ Никитичъ Хованской, двинскій воевода 1642—43 г. Архангельскъ былъ лѣтней резиденціей двинскихъ воеводъ.

его свиты въ дорогѣ. Приказано было давать королевичу „по 2 колача крупичатыхъ, да по 2 хлѣбца ржаныхъ, ситныхъ, бѣлыхъ". Колачи крупичатые приказано „готовить нарочно, будетъ мочно крупичатые муки добыть". Свитѣ же полагалось хлѣба и колачей „сколько надобно, какъ мочно сытымъ быть". Мясные продукты: „яловицы, бораны, куры и полти ветчины" приказано было давать „смотря по людемъ, сколько надобно". Этихъ продуктовъ, какъ и хлѣба, очевидно, было много въ запасѣ, да и на мѣстѣ можно было достать. Совсѣмъ иначе обстояло дѣло съ отпускомъ яицъ, масла, сметаны, крупъ, уксусу, свѣчей сальныхъ и восковыхъ и т. д. Хотя и приказано было выдавать все это„ сколько надобно и смотря по людемъ, чтобы было нескудно", но тутъ же предлагалось приставамъ смотрѣть, чтобы „лишнево бы на сторону не шло". Относительно же пьянаго зелья, если что попроситъ королевичъ, приказано было „давать, что мочно добыть, чего добыть немочно и въ томъ отговариватца, что приходъ ихъ учинился вскорѣ и вѣдома про королевича и про пословъ не было".

Не забылъ наказъ и про питье для королевича и его свиты. Приказано было давать Вальдемару вино перепускное, ренское, и медъ паточный, и пиво доброе сколько нужно. Если же онъ попросилъ бы какихъ-нибудь другихъ напитковъ, то давать „што мочно добыть". Датскимъ посламъ полагалось питья „противъ королевича вполы". Дворяномъ королевскимъ и королевичевымъ „лутчимъ людемъ по 4 чарки вина добраго, по чети ведра меду, по ведру пива человѣку доброво". Посольскимъ же рядовымъ людямъ по 2 чарки вина, по „полведерка пива человѣку, а худово бъ питья не было".

Кормы и питье велѣно было послать въ дорогу съ цѣловальниками „съ кѣмъ пригоже, по росписи". Относительно денегъ на дорожные расходы было сдѣлано распоряженіе ассигновать необходимую сумму „изъ нашихъ, исъ четвертныхъ, [1]) изо всякихъ доходовъ" съ такимъ разсчетомъ, „чтобы однолично скудости ни въ чемъ не было".

Королевича Вальдемара до Вологды предполагали везти вод-

[1]) Доходы четвертные—группа доходовъ Московскаго государства, составлявшаяся изъ дани и оброка. Мнѣнія о происхожденіи ихъ названія расходятся. Одни полагаютъ, что эти подати могли быть названы четвертными, какъ платившіяся съ „четвертной пашни"; другіе, что они названы такъ по мѣсту своего поступленія, въ Четверти. Къ этому мнѣнію присоединяется и П. Н. Милюковъ въ своемъ трудѣ „Государственное хозяйство Россіи".

нымъ путемъ, а потому въ наказѣ предписывалось устроить для королевича и пословъ „суда... добрые съ чердаки“. Кормщиковъ и гребцовъ должны были дать „какъ мочно поднятца“, да кромѣ того провожатыхъ до Вологды „стрѣльцовъ двѣсти человѣкъ или сколько пригоже“ съ сотникомъ. Вмѣстѣ съ королевичемъ и послами велѣно было отпустить и пословъ нашихъ: окольничаго Степ. Матв. Проестева и дьяка Ив. Патрикѣева со всѣми людьми.

Особенное вниманіе воеводы наказъ обращаетъ на своевременное сообщеніе въ Москву дня и числа, когда пріѣдутъ въ Архангельскъ королевичъ Вальдемаръ, наши и датскіе послы; сколько съ ними будетъ „королевскихъ дворянъ и королевскихъ лутчихъ, и всякихъ людей порознь, и сколько будетъ посольскихъ, и дворянскихъ людей“; сколько будетъ дано корму, питья, струговъ, кормщиковъ, гребцовъ и провожатыхъ; что королевичъ и послы съ приставами и воеводою будутъ говорить. Обо всемъ этомъ наказъ предписывалъ отписывать и кормовую подлинную роспись прислать въ Москву „наскоро съ рѣзвымъ гонцомъ“. Во время поѣздки королевича Вальдемара приказано было принять надлежащія мѣры для поддержанія порядка и безопасности въ дорогѣ, а потому каждый приставъ долженъ былъ получить именной наказъ, въ которомъ упоминалось „чтобъ они, ѣдучи дорогою, къ королевичу Вальдемару и къ посломъ, и къ дворяномъ, и къ ихъ людемъ держали честь и береженье великое, и ни отъ кого бы имъ никакого безчестья, ѣдучи дорогою и по городамъ, не было; такъ же бы и отъ нихъ русскимъ людемъ никакова насильства не было“. Весь этотъ наказъ архангельскому воеводѣ носитъ характеръ секретной переписки, такъ какъ въ концѣ его имѣется такая приписка: „а сеѣ нашу грамоту ты, князь Иванъ, держалъ бы еси у себя тайно, нихто бы еѣ опричь васъ иной невѣдалъ“.

Первые два отрывка (30—31 л.л.) кончаются слѣдующимъ: „У подлинной государевы грамоты и у росписи припись дьяка Григорья Львова. Подалъ государеву подлинную грамоту Архангельсково города пятидесятникъ стрѣлецкой Ѳедька Григорьевъ августа въ 25 день 7150[1]) году“.

Третій отрывокъ[2]) имѣетъ слѣдующую дату: „Писанъ на Москвѣ лѣта 7150, августа въ 13 день“.

---

[1]) 1642 г.
[2]) 32 л. и 33 л.

II.

Отъ Архангельсково города по станомъ до Вологды послать, смѣтя въ сколько денъ мочно поспѣть, а деньги на тѣ королевичевы и посольскіе кормы давать изъ четвертныхъ изъ двинскихъ доходовъ.

Королевичу Вольдемару по 2 колача крупичатыхъ да по 2 хлѣбца ржаныхъ, ситныхъ, бѣлыхъ, а велѣть про королевича колачи крупичатые готовить нарочно, будетъ мочно муки крупичатые добыть.

Датцкимъ посломъ и дворяномъ королевскимъ, и королевичевымъ, сколько ихъ будетъ, и посольскимъ, и дворянскимъ хлѣбовъ и колачей давать сколько надобно, какъ мочно сытымъ быть.

Королевичю же и посломъ, и дворяномъ, и людемъ ихъ давать яловицы и бораны, и куры, и полти ветчины, смотря по людемъ, сколько надобно.

Яицъ и масла коровья, и сметаны, и крупъ, и соли, и луку, и чесноку, и капусты, и уксусу, и на свѣчи восковые и сальные давать сколько надобно и смотря по людемъ, чтобъ было нескудно, а беречи и смотрѣть того велѣть приставомъ, чтобъ худово и скудости въ кормѣхъ не было, а лишнево бы на сторону не шло. (30 л.).

А пряные зелья и въ запросъ, чего королевичъ и послы попросятъ, давать, что мочно добыть, а чего добыть не мочно и въ томъ отговариватца, что приходъ ихъ учинился вскорѣ и вѣдома про королевича и про пословъ не было.

А питье королевичу Вольдемару давать: вино перепускное, и ренское, и медъ паточный, и пиво доброе, сколько надобно и въ запросъ, чево попроситъ, давать, што мочно добыть.

А датцкимъ посломъ питья противъ королевича вполы.

Дворяномъ королевскимъ и королевичевымъ лутчимъ людемъ по 4 чарки вина доброго, по чети ведра меду, по ведру пива человѣку доброво.

Посольскимъ рядовымъ людемъ, сколько ихъ будетъ, по 2 чарки вина, по полведерка пива человѣку, а худово бъ питья не было.

У подлинной государевы грамоты и у росписи припись дьяка Григорья Львова.

Подалъ государеву подлинную грамоту Архангельсково го-

рода пятидесятникъ стрѣлецкой Ѳедька Григорьевъ августа въ 25 день, 7150 году. (31 л.).

. . против поденного вдвое, а поденный кормъ давали бы есте нескудно и въ запросъ, чево королевичъ похочетъ, давали, что мочно добыть. И отъ Архангельсково города отпустили бы есте ихъ къ намъ, къ Москвѣ, а въ приставехъ съ королевичемъ послали того жъ голову стрѣлецкаго, а зъ датцкими послы сотника лутчего; и кормы, и питье поденное въ дорогу про нихъ послали съ цѣловальники, съ кѣмъ пригоже, по росписи, а давати бъ есте велѣли и сверхъ росписи сколько надобно; и денегъ на посольскіе на всякіе росходы послали изъ нашихъ, исъ четвертныхъ, изо всякихъ доходовъ нескудно, чтобы однолично скудости ни въ чемъ не было. А суды подъ королевича велѣли устроить добрые съ чердаки и подъ пословъ также суды добрые и кормщиковъ, и гребцовъ велѣли имъ дать, какъ мочно поднятца, и провожатыхъ съ ними до Вологды послали съ сотники стрѣльцовъ двѣсти человѣкъ или сколько пригоже. И нашихъ пословъ: окольничего Степана Матвѣевича Проестева да дьяка Ивана Патрикѣева со всѣми нашими людьми, которые съ ними посланы, отпустили бы есте отъ Архангельсково города къ намъ, къ Москвѣ, съ королевичемъ же и зъ датцкими послы вмѣстѣ и суды, и кормщиковъ, и гребцовъ велѣли имъ дать, какъ мочно поднятца. А которого числа королевичъ Вольдемаръ и наши, и датцкіе послы къ Архангельскому городу пріѣдутъ и сколько съ ними королевскихъ дворянъ и королевскихъ лутчихъ, и всякихъ людей порознь, и сколько будетъ посольскихъ и дворянскихъ людей, и что королевичъ и послы съ приставы, съ тобою стольникомъ нашимъ и воиводою королевичъ Вольдемаръ поговоритъ, и котораго числа и отъ Архангельсково города къ намъ, къ Москвѣ, отпустите, и что имъ поденного корму и питья дадите, и сколько подъ нимъ струговъ и кормщиковъ, и гребцовъ отпустите, и сколько провожатыхъ пошлете, и вы бы о томъ о всемъ отписали и кормовую подлинную роспись прислали къ намъ, къ Москвѣ, наскоро съ рѣзвымъ гонцомъ напередъ ихъ отпуску, чтобъ намъ про то про все вскорѣ было вѣдомо, а приставомъ наказали бы есте и въ наказъ написали имъ имянно, чтобъ они, ѣдучи дорогою, къ королевичу Вольдемару и къ посломъ, и къ дворяномъ, и къ ихъ людемъ держали честь и береженье великое и ни отъ кого бы имъ никаково безчестья, ѣдучи дорогою и по городамъ, не было; такъ же бы и отъ нихъ русскимъ людемъ никакова насильства не было, а сеѣ нашу грамоту ты,

князь Иванъ, держалъ бы еси у себя тайно, нихто бы еѣ опричь васъ иной не вѣдалъ.

Писанъ на Москвѣ лѣта 7150, августа въ 13 день (32—33 л. л.).

Какъ королевичъ Вольдемаръ прiѣдетъ къ Архангельскому городу, и въ которомъ мѣстѣ приставу встрѣчать королевича, молыть рѣчь толмачомъ: Божiею милостью великого государя, царя и великаго князя, Михаила Ѳеодоровича всеа Русiи самодержца Владимерского, Московского, Новгородцкого, царя Казанского, царя Астраханского, царя Сибирского, государя Псковскаго и великого князя Тверскаго, Югорского, Пермского, Вятцкого, Болгарского и иныхъ, государя и великого князя Новагорода, Низовскiе земли, Резанского, Ростовского, Ярославского, Бѣлоозерского, Удорского, Обдорского, Кондинского и всеа Сѣверные страны повелителя и государя Иверскiе земли Карталинскихъ и Грузинскихъ царей, и Кобардинскiе земли, Черкасскихъ, Горскихъ князей, и иныхъ многихъ государствъ государя и облацателя, его царскаго величества стольникъ и воевода князь Иванъ Никитичъ Хованской велѣлъ мнѣ Христiянуса короля Датцкого, Норветцкого, Вендѣйского, Готцкого, арцуха Шлезвицкого, Голштенского, Стормарского и Детмарского, граѳа Олденбурского и Делменгорского и иныхъ, его королевского величества сына, тебя, королевича Вольдемара . . . . . . (34 л.),

П. Зенбицкiй.

Фаллическій памятникъ Котахевскаго монастыря.

Нѣкогда широко-распространенные въ Закавказьѣ фаллическіе культы и доселѣ остаются въ народной толщѣ въ видѣ явныхъ слѣдовъ фаллизма. Иногда эти слѣды выражаются извѣстными пережитками быта; иногда же являются вещественными памятниками, явно относящимися къ почитанію производительной силы. Для примѣра упомяну, хотя бы о каменной многогранной призмѣ, вывезенной изъ Ахалкалакскаго уѣзда Тифлисской губерніи и хранящейся (подъ № VI/8) въ Тифлисскомъ Церковномъ Музеѣ при Сіонскомъ Соборѣ. По языку грузинской надписи на этой призмѣ, ее относятъ къ XI-му вѣку; изъ надписи же слѣдуетъ (какъ объяснилъ мнѣ хранитель Музея), что призма эта имѣетъ фаллическое значеніе. Добавлю еще, что высота ея около 2,5 м.

Настоящая замѣтка имѣетъ цѣлью указать на доселѣ неизвѣстный превосходный памятникъ, также имѣющій фаллическое значеніе. Памятникъ этотъ—весьма хорошей работы, вытесанъ изъ грубаго бѣлаго известняка и имѣетъ высоту около 1 м. Общій его видъ—выемчатая цилиндрическая колонна на пьедесталѣ, представляющемъ нѣчто вродѣ усѣченной пирамиды, при чемъ сверху эта колонна увѣнчивается эллипсоидальною округлостью съ небольшимъ углубленіемъ на вершинѣ. Не смотря на нѣкоторую стилизацію, это изображеніе фалла

весьма реалистично, такъ что не можетъ быть сомнѣній въ его смыслѣ. Къ реалистическимъ чертамъ (а не къ несовершенству ваятеля) нужно отнести и нѣкоторую ассиметрію относительно вертикали, а именно: колонна поставлена нѣсколько наклонно, и ось полу-эллипсоида въ свою очередь наклонена къ оси колонны (но въ той же вертикальной плоскости), такъ что дырочка наверху не приходится на концѣ оси колонны.

Мѣстонахожденіе описываемаго памятника таково: монастырь *Котахéви* или, другое названіе, *Зеленый* Тифлисской губерніи (между станціей *Ксанкою* и урочищемъ *Маньлисъ*, за 7 верстъ отъ села *Кавтысхеви*). Памятникъ просто стоитъ на землѣ, такъ что нужно предполагать, что теперешнее его состояніе не соотвѣтствуетъ первоначальному, когда необдѣланный низъ его (основаніе) былъ, вѣроятно, вмазанъ въ какую-то каменную кладку. Достойно вниманія то обстоятельство, что помѣщенъ онъ противъ алтаря, внутри храмовой ограды.

Удивительно то, что мѣстные жители не понимаютъ уже смысла этого далеко не символическаго изваянія. Однако, благоговѣйное почитаніе его, сохраняющееся и понынѣ, доказываетъ, что онъ былъ предметомъ культа. Мѣстные жители говорятъ, что это—„могила святого"; дѣйствительно, подъ фалломъ что-то вродѣ могилы. Безплодныя женщины приходятъ въ Котахевскій храмъ, славящійся своею древностью, нѣкоторыми событіями своей исторіи и чудотворною иконою Божіей Матери—иконою чудной работы!—и, помолившись въ храмѣ, садятся на памятникъ обнаженнымъ тѣломъ, чтобы такимъ образомъ имѣть дѣтей.

Такъ какъ въ данной мѣстности былъ весьма распространенъ культъ бога *Армазú*, т.-е. мѣстнаго Ормузда, то можно полагать, что описываемый фаллъ (какъ сказано, едва ли первоначально находившійся на своемъ теперешнемъ мѣстѣ) привезенъ въ *Котахеви* изъ какого-нибудь ближайшаго капища, напримѣръ съ высотъ *Кáвта*.

Среди окружающаго Котахеви населенія (напримѣръ, въ селѣ *Кавтысхеви*) бываютъ иногда *фаллофоріи*. Во время за-

сухи грузинскіе крестьяне пекутъ слѣпленную изъ тѣста куклу, изображающую человѣка и имѣющую *фаллъ* размѣрами превосходящій самую куклу (величина послѣдней—около 0,5 м.). Хлѣбную куклу носятъ по селу, имѣя въ виду вызвать этими фаллофоріями дождь,—всемірно-распространенное представленіе о дождѣ, какъ о небесномъ сѣмени, оплодотворяющемъ землю, и столь же всемірно-распространенный пріемъ первобытной магіи склонить бога къ подражательной дѣятельности. Куклу эту жители называютъ почему-то „*Лазаремъ*". Къ сожалѣнію, я не знаю, происходитъ ли послѣ пріобщеніе ею фаллофоровъ.

Павелъ Флоренскій.

ОТДѢЛЪ II.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

Записаны со словъ бывшей крѣпостной Алены Григорьевны Шехавцевой.

Со стороны матери Алена Григорьевна происходитъ изъ духовнаго сословія: дѣдъ ея, Протопоповъ, былъ дьякономъ села Грушки, Курской губерніи.

Предаваясь часто неумѣренному употребленію спиртныхъ напитковъ и кутежамъ въ обществѣ помѣщика сосѣдняго села, Пушкарева, онъ однажды въ состояніи невмѣняемости продалъ дочь свою Ксенію за одонокъ хлѣба (30—40 коп.) этому помѣщику съ тѣмъ условіемъ, чтобы ее обвѣнчали съ дворовымъ человѣкомъ, Клюевымъ. Григорій Клюевъ былъ главнымъ кучеромъ у Пушкарева, но, когда наступала страдная пора, ему также наравнѣ съ другими приходилось исполнять всевозможныя полевыя работы, и сверхъ того домашнія. Семья его состояла изъ 8-ми душъ дѣтей: 3 сыновей и 5 дочерей, въ числѣ которыхъ была Алена Григорьевна.

Жена Клюева за господской работой (ей приходилось жать хлѣбъ, вязать снопы, прясть и ткать) рѣшительно не имѣла никакой возможности не только присмотрѣть, но даже накормить, какъ слѣдуетъ, своихъ дѣтей; по ночамъ обшивала, обмывала она ихъ и варила имъ скудный обѣдъ на слѣдующій день, чтобы они не ходили совсѣмъ голодными.

До семи-лѣтняго возраста Алена Григорьевна жила съ родными въ такъ называемой общей избѣ, гдѣ ютилось нѣсколько семействъ дворовыхъ, среди которыхъ она была любимой баловницей, благодаря замѣчательной рѣзвости и бойкости своего характера. Эти качества, вѣроятно, пришлись по вкусу помѣщицѣ, которая взяла отъ родителей расторопную, смышленную дѣвочку и отдала ее въ услуженіе къ своему любовнику, лѣсничему, въ Курскъ на три года.

Здѣсь дѣвочка должна была слѣдить за порядкомъ и чистотою комнатъ, но въ дѣйствительности, на дѣлѣ она больше играла и рѣзвилась, къ чему хозяинъ, добрый человѣкъ, относился снисходительно.

Одиннадцати лѣтъ Алена Григорьевна была взята обратно барыней—въ домъ, гдѣ ее стали обучать женскимъ работамъ и рукодѣлію: учили ткать и прясть, шить, вязать и вышивать; заставляли драть перья, въ свободное отъ этихъ занятій время посылали на лугъ пасти молодые выводки домашней птицы, а иногда, рѣже, — свиней и телятъ.

Строгая барыня, считавшаяся, однако же, добрѣе помѣщика, любила Алену Григорьевну по своему: она никогда не била, не наказывала за шалости, не заваливала работой ее; но, съ одной стороны, видимо жалѣя ее и часто избавляя отъ необузданнаго гнѣва и наказаній барина, она въ то же время придиралась къ ней за всякій пустякъ и бездѣлицу: то не такъ стала, не такъ взглянула, ежеминутно грозила розгами и держала дѣвочку въ постоянномъ страхѣ и трепетѣ.

Съ 11 лѣтъ помѣщикъ сталъ посылать Алену Григорьевну на полевыя работы и, не смотря на столь малый возрастъ, вмѣнялъ ей въ обязаность жать ежедневно по 2 копны хлѣба (въ копнѣ 52 снопа).

Обладая хорошимъ, „звонкимъ“, по ея выраженію, голосомъ, Алена Григорьевна еще подросткомъ часто по общей просьбѣ дѣвушекъ и молодицъ водила хороводы, запѣвала и такимъ образомъ задавала нѣкоторый тонъ на гуляньѣ.

„Вотъ нашъ соловей голосистый“, говорила о ней дворня и не разъ по окончаніи пляски и пѣнія подбрасывала ее съ другими лучшими взрослыми пѣвуньями на воздухъ, какъ бы въ награду за то оживленіе и бодрость, которыя поющая и пляшущая молодежь вносила на мгновенье въ холодный мракъ ихъ жизни. И барыня тоже любила слушать ея пѣнье, въ особенности въ длинные зимніе вечера...

Обращеніе помѣщика съ крѣпостными, въ частности съ родными Алены Григорьевны, было самое звѣрское. Его жестокость еще болѣе усилилась съ тѣхъ поръ, какъ ему стало извѣстно, что Клюевъ тайно хлопочетъ о дарованіи ему и его семьѣ вольной. Дѣло въ томъ, что отецъ Алены Григорьевны былъ незаконнорожденный и, по увѣреніямъ вольноотпущенныхъ, могъ получить свободу, стоило ему только подать прошеніе, куда слѣдовало, что̀ онъ и сдѣлалъ.

За это онъ и подвергся страшному преслѣдованію со стороны помѣщика. Долго его мучили, подвергая безчеловѣчнымъ истязаніямъ, заваливая непосильной, самой тяжелой работой. А однажды, послѣ особенно мучительнаго наказанія, когда его, привязаннаго за руки и ноги къ доскамъ, избили до такой степени, что кожа съ мясомъ во многихъ мѣстахъ отдѣлилась отъ костей, а во рту не доставало нѣсколькихъ зубовъ, Клюевъ потерялъ послѣднее мужество и терпѣніе, не оправившись вполнѣ отъ побоевъ, простился съ женой и дѣтьми и бѣжалъ отъ своего тирана къ вольноотпущеннымъ, проживающимъ въ 17-ти верстахъ отъ барской усадьбы, въ деревнѣ Пристѣнской.

Первое прошеніе осталось безъ всякаго результата. Тогда Клюевъ рѣшилъ подать вторично, но, при выходѣ изъ зданія палаты въ Курскѣ, неожиданно столкнулся лицомъ къ лицу съ своимъ властелиномъ. Въ ужасѣ онъ бросился бѣжать за городъ, опасаясь погони Пушка-

рева; выбѣжалъ въ поле,—дѣло происходило весной, во время половодья, когда обширныя пространства въ поляхъ были залиты вешней водой; семь верстъ бѣжалъ Клюевъ по водѣ, дѣйствительно преслѣдуемый помѣщикомъ, котораго, однако же, остановила невозможность дальнѣйшаго преслѣдованія бѣглеца, перебравшагося на другой берегъ рѣчки, Клюевъ промокъ, простудился и умеръ въ горячкѣ, такъ и не дождавшись вольной. Послѣ неудачной попытки несчастнаго Клюева получить вольную, для его семьи настало тяжелое время, время господской опалы.

Помѣщица тоже, забывъ, повидимому, прежнюю привязанность къ любимицѣ, Аленѣ Григорьевнѣ, дала волю своему барскому гнѣву: она собственноручно отрѣзала Аленѣ Григорьевнѣ и ея сестрамъ громадныя косы—до пятъ и велѣла ихъ выбросить за ворота въ навозъ, что̀ считалось величайшимъ позоромъ для дѣвушекъ въ то время, и выдрала руками на головѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ волосы, такъ что образовалась плѣшь. Мать же Алены Григорьевны она такъ энергично хватила мѣднымъ безменомъ по лбу, что бѣдную женщину замертво вынесли изъ комнатъ (вдова Клюева дерзнула просить небольшой прибавки къ тому ничтожному количеству хлѣба, которое отпускалось на ихъ громадную семью [1]). Брата ея, подпаска, 14-ти лѣтняго слабаго, болѣзненнаго мальчика, помѣщикъ ударами кулака въ високъ убилъ наповалъ на опушкѣ лѣса, за то, что тотъ не досмотрѣлъ, какъ волки утащили въ лѣсъ трехъ телятъ.

Алену Григорьевну два раза откачивали на полотнѣ послѣ усердной порки барина. Вообще жизнь ея у помѣщиковъ съ тѣхъ поръ стала сплошнымъ мученіемъ: она и теперь вспоминаетъ о ней, крестясь и плача.

Послѣ манифеста, когда была объявлена свобода и даны крестьянамъ права и, между прочимъ, было сказано, что каждая женщина или дѣвушка вольна наниматься на работу для себя, помѣщикъ Пушкаревъ все-таки упорно пытался плетью „о 6-ти концахъ" заставить прежнихъ дворовыхъ женщинъ даромъ работать для себя.

Такъ однажды, завидѣвъ 16, работавшихъ по вольному найму, дѣвушекъ въ полѣ у сосѣднихъ помѣщиковъ, онъ вздумалъ плетью загнать ихъ къ себѣ въ усадьбу и держалъ ихъ до тѣхъ поръ, пока депутація отъ женщинъ и дѣвушекъ, въ лицѣ Алены Григорьевны и ея подругъ, не отправилась къ посреднику съ жалобой на Пушкарева, своеволію котораго вскорѣ послѣ этого былъ положенъ конецъ.

Черезъ годъ послѣ освобожденія крестьянъ Алена Григорьевна вышла замужъ за николаевскаго солдата, Петра Анисимова Шеховцева, пришедшаго на побывку въ родную деревню на три мѣсяца, послѣ 15-ти лѣтней службы.

Послѣ трехъ мѣсяцевъ совмѣстной жизни, она должна была разстаться съ своимъ мужемъ на 10 лѣтъ, до отбытія имъ полнаго срока воинской повинности.

Послѣ мужа дѣтей у нея не было; все время, пока онъ служилъ, она жила въ довольствѣ и не маломъ почетѣ у свекра. По воз-

[1]) $3^1/_2$ пуда житной муки на 8 человѣкъ,—этого количества хлѣба должно было хватить на мѣсяцъ.

вращенiи мужа со службы, ей пришлось прожить съ нимъ только 8 лѣтъ, и за этотъ перiодъ времени у нихъ было 6 дѣтей, изъ которыхъ въ живыхъ осталось только два сына. Мужъ ея умеръ, какъ она говоритъ, отъ лихорадки въ Кубанской области, куда онъ перевезъ свою семью.

Овдовѣвъ, Алена Григорьевна сильно бѣдствовала съ двумя малолѣтними дѣтьми; она билась, какъ рыба объ ледъ,—ей приходилось жить въ прислугахъ, ходить на ссыпку хлѣба, на мойку—полоскать шерсть, работать въ виноградникахъ, фруктовыхъ садахъ, въ степи на бахчахъ; ткать ковры, вязать чулки на заказъ, и сыновья ея уже съ девятилѣтняго возраста должны были сами зарабатывать себѣ деньги. Несмотря на то, что она была женой николаевца, имѣвшаго георгiевскiй крестъ за храбрость и отличiе въ Кавказской войнѣ, она не получила никакого пособiя. Въ настоящее время она проживаетъ въ Кубанской обл. у своего младшаго сына, который совсѣмъ не заботится о ней, такъ что ей и теперь приходится вести трудовую жизнь, неся на старческихъ плечахъ не только всю тяжесть домашнихъ заботъ по хозяйству, но еще безпокоясь и о заработкѣ.

Бывшая крѣпостная, свидѣтельница постыдной эпохи русской жизни, Алена Григорьевна Шеховцева сама по себѣ интересна, какъ типъ стараго, крѣпкаго духомъ и тѣломъ человѣка, не лишеннаго къ тому же свѣтлаго ума и многихъ способностей, къ сожалѣнiю оставшихся не развитыми.

Несмотря на старческiй возрастъ, на пережитыя бѣдствiя и невзгоды въ далекомъ прошломъ и безотрадную жизнь въ настоящемъ, эта бодрая и привѣтливая женщина сохранила замѣчательную живость и удивительную для своихъ лѣтъ ясность ума и памяти: остроумныя замѣчанiя, шутки, поговорки и прибаутки, проникнутыя духомъ стараго времени, буквально не сходятъ съ ея языка. Она и теперь цѣлыми днями, работая въ хатѣ, въ огородѣ или во дворѣ, поетъ пѣсни или, по ея словамъ,—„всё спѣваетъ“.

Словоохотливости ея нѣтъ конца; любя погружаться въ воспоминанiя прошлаго, она охотно повѣствуетъ о своей жизни, со слезами разсказываетъ о мукахъ и ужасахъ крѣпостничества; восторженно, какъ большая любительница природы, съ увлеченiемъ, но не совсѣмъ умѣло, описываетъ красоту природы Курской губ. съ ея величавыми лѣсами, гдѣ водилось въ то время множество дикихъ звѣрей, привольными лугами, рощами и цвѣтущими барскими усадьбами; съ веселымъ смѣхомъ разсказываетъ она о забавныхъ приключенiяхъ и проказахъ своей молодости и вообще замѣчательно живо передаетъ обо всемъ пережитомъ и видѣнномъ на своемъ долгомъ жизненномъ пути.

Л. Семилуцкая.

Семейныя пѣсни.

1.

Вышла Маша за новыя ворота;
Стала Маша злѣ точеной верей.
Чево въ Машиньки заплаканы глаза,
У красавицы затерты рукавомъ?
Три недѣли во пастели лежала,
На четвертаю здароваю устала,
А на пяту во зеленай садъ пашла.
Въ саду шь она шляхъ-дарожиньку нашла.
Знаю (2) кто дарошку протарилъ,—
Мой любезный да къ и дѣвушкѣ ходилъ,
Многа злата, многа сѐребра насилъ,
За то ево рȯдный батюшка бранилъ,
А все то это за худыи за дѣла,
За худыи за дѣла, за позніи вечира.

2.

Нарву хмѣлю ярава,
Наварю пива пьянава (2),
Напаю мужа старава,
Старава, неудалава,
Еще не чукавава,
Палажу спать на холаду,
На холаду, на погребу.
Пастилю пастелюшку,
Пастелюшку мягкаю;
Салому гречишнаю,
Сверху пашеннишнаю.
Падожгу тую саломушку:
„Гари, мая саломушка,
Гари жаркимъ поламемъ".
Закричу громкимъ голосомъ:
„Сусѣди, вы сусѣдушки,
Сусѣди вы блискаи,
Перилазушки нискаи!
Не видаля-ли, какъ туча ишла?
Не слахаля-ли, идѣ громъ гримѣлъ?
Маво мужа громъ убилъ,
Старава моланья́ сожгла.
Мене шь Богъ памилавалъ:
Съ кравати-шь я свалилася,
Доскою накрылася,
Рукавомъ зашитилася,
Рукавомъ калинкоровымъ".

3.

Пайду я вдоль да по рощици,
По рощици, па зиленинькай.
Приведу каня къ и кусту:
Къ и калини, и къ малини,
Коню, мой конь!
Изволь калинушку пакушать,
Какова горька калина,
Какова сладка малина?
Такаво житье за старымъ (2),
За стараю галавою,
За сѣдою борадою.
Пойду млада за водою (2),
Возьму старава съ сабою,
Всажу въ прорубь галавою (2),
Въ трисину шь борадою.
Аставайся—чертъ съ табою! (2)
Ни наругайся надо мною,
Надо мною маладою.

4.

Дочки мои павы,
Горе мене съ вами!
Сыны мои, сыны,
Сыны саловейки:
Чѐмъ вы мене ни кидали,
Какъ были малѐньки?
Стали подростать,
Стали пакидать.
А кто шь мене, старѐнькаю,
Будитъ годовать?
Одинъ говоритъ:
„Ни буду, ни буду“.
Другой говоритъ:
„Я думать забуду“.
Третій говоритъ:
„Пашей, мама, сумку,—
Она тебѣ сдасца“. (Приказка).

5.

Пріѣхалъ братицъ къ сестрѣ въ гости,
Поставилъ коника на новамъ памости.
Ужъ ты, коникъ, коникъ мой,
Не топай ногой, ни качай галавой,
Не звени уздой —
Пущай поговоритъ братицъ съ сестрой.
„Сестра, моя сестра!
Младая перепеличка,

Чему въ тебѣ потускнѣло бѣлае личко?
Чи ты сына женила?
Чи дочку отдавала?
Я сына не женила
И дочки не отдавала.
Састарили мине думки горьки да гадки,
Да мои недостатки,
Мои недостатки, да чужіи хатки.

6.

Пайду я, молоденька,
Во зеленъ-садъ, рощу.
Ахъ, найду я, молоденька, (2)
Кленовае древо.
Подрублю тые я древо (2)
Подъ самый подъ коринь.
Раскалю я тые древо (2)
На двое, на трое,
На усѣ, на четыри.
Я выстражу, я выглажу
Тоненько, гладѐнько
И сдѣлаю, малоденька,
Звончатыи гусли;
Гусли-мысли звончатыи,
Струны залатыи.
Поиграйте, гусли-мысли,
Вы ладна и складна, (2)
И тонка, и звонка;
Позабавьте маво гостя;
Гостя, гостя дарогова,
Батюшку раднова.
Онъ ни часто въ гости ѣздитъ,
По немножечку гостюнтъ, (2)
По одной ночки ночуитъ, (2)
Подъ окошкамъ лажица,
Часто окошко вскрываитъ, (2)
Свѣта дожидаитъ.
Вовсе (2) расвилося,
Заря занилася;
Ой, зорюшка занилася,
Солнышко восходитъ.
Атколь солнышко восходитъ,
Оттоль, милай мой приходитъ.
Запрягай, милый, карету,—
Я сяду, паѣду;
Запрягай, милый, другую,
Сяду у любую.
Запрягай, милый, третью,
Садись, лакей, съ плетью,

Посвистывай, похлыстывай,
Пагоняй поскарѣй,
Штобъ батюшка не видѣлъ,
Какъ ево родное чадо плачитъ.

7.

Свадебная пѣсня.

На зарѣ рано синіе море играло.
Ой, ни адно ано играла—
Са тихимъ Дунаемъ.
Вална подбиваитъ,
Пески подмываитъ, (2)
Таски задаваитъ, (2)
Таски-кручинушки—
Маладой невѣстушки.
Выискался, вызвался
Старый, бородатый,
Съ роду не женатый:
„Я тебе, Татьянушка,
Са дна моря выну, (2)
За себѣ замужъ вазьму".
— „Я на дно ключомъ пайду,
За старова замужъ нейду.—
Выискался, вызвался
Маладой Никонорушка:
„Я то тебѣ, Татьянушка,
Са дна моря выну, (2)
За себе замужъ вазьму".

8.

Ой пара, пара
Гостямъ со двора!
Еще ни пора—
Въ насъ хозяюшка добра,
Дастъ па чарочки винца,
По стаканчику медку
Изъ чужова погребку.

Припѣвъ: Калина моя, малина моя.

9.

У насъ въ огароди,
У насъ въ чистомъ поли
Дѣвка проса политъ,
Бѣлы руки колитъ.
Пускай дѣвка политъ,
Пускай руки колитъ.

Да ѣхалъ тамъ школьникъ,
Маладой палковникъ,
Да на ворановамъ конѣ,
На кованномъ сидлѣ;
Узда залатая,
А плеть шалкавàя,
Рубашка танкàя,
Танкàя, бѣлàя,
Еще альненàя.
Да ни матушка шъ пряла,
Ни сестрица ткала,
Ни нивѣска шила.
Шили, вышивали
Въ горади купчихи.
Купецкая дочка
Пасредь гарадочка,
На свѣтёлъ мѣсяцъ глёде,
На частыи звѣзды.
Я видила диво,
Какъ мать сына била,
Ни красть пасылала,
Работать заставляла:
Полно, сынъ мой, гулять,
Полно щигалять,
Красныхъ дѣвокъ, сынъ мой,
Полно соблазнять.

10.

Пѣсня на гуляньѣ.

Ой Ваня, Ванюша
И Ванюша, виселая галава!
Не ходи мима зиленава сада,
Ни пракладывай дароженьки-слѣда;
А дорожиньки тернистыи,
Пиреходушки частинькiи,
Симейства-то ласкавае,
Сударыня привѣтливая,
Анисья Герасимовна.
Ана новаи законы завила:
Подъ палою капитана правила,
Подъ другою вахмистра.
Позади идетъ майёръ маладой,
За нимъ дѣвокъ хараводъ удалой,
Всѣ дѣвушки хароши-прохожи,
Одна изъ нихъ лучи усѣхъ:
У ней галовушка глажи усѣхъ,
Руса коса подрабнѣе плетина,
Въ косѣ лентачка алинькая,
Сама дѣвушка бравинькая.

Палюбилъ её маладой папокъ,
Подарилъ гарнитуравый платокъ,
Мнѣ платочка очень хочица,
Да любить попа ни хочица,
За то не хочица,
Па могиламъ попъ валочица.

11.

Пѣсня на гуляньѣ.

Заблудила малодка у лѣсу.
Заблудимши, гу-гу, да гу-гу.
Дарожиньки ни найду, ни найду.
Выду, выду на крутой на берижокъ,
Растилю я бѣлъ-касетчатый платокъ,
Палажу я бѣлъ крупичатый калачъ,
Поставлю кубышку вина,
Васкликну я пастушковъ, конюшковъ,
Маладыхъ перивощичковъ:
Перивощикъ, перивощикъ маладой,
Первези мене на тую сто̀рону!
Мене нѣту ни роду-племюню:
Ни радимава батюшки,
Ни радиминькой матушки,
Мене братицъ Иванюшка,
Што радиминькай батюшка,
А сестрица Паранюшка,
Што родимая матушка.

Припѣвъ: „Эй-ей, ой ты горе маё;
Ой горе, гориванье мае“.

12.

Шуточная.

У батюшки во садочку,
Подъ ябланей въ халадочку
Раститъ трава, да ни рожа, [1])
Лежитъ мо̀ладецъ, да не можа.
Онъ лежитъ и малчитъ,
Ничево ни гаваритъ,
Ничево ни гаваритъ,
Што у нёмъ балитъ.
У нашего маладца
Балитъ больно галава,
Спинушка, галовушка
И крылушко, и ребрушко.
Балитъ больно галава
Со баярскаво вина;
Балитъ больно спинушка,

---

[1]) Цвѣты.

Со баярскава пивушка,
Да балитъ больно калѣно,
Со дубовава палѣна.
Пошто-жъ, маладецъ, ты не женися?
На што-жъ, маладецъ, ты надѣися?
Я надѣюся на денюшки,
А женюся на дѣвушки.
Пагуляй, пагуляй, малодецъ,
Пагуляй ты, мой Сашинька!
Сашью я тебѣ рубашиньку,
Танку, бѣлу, палотняну,
Еще да касой воротокъ.
Да поѣдимъ во новъ городокъ.
Да мы сыщимъ также мастировъ,
Што бы сдѣлали па стараму любовь—
Штобъ любили красны дѣвки маладцовъ.
За што шь тебе вѣрно любить?
Ничево у тебѣ въ кармани не лежитъ,
Ни денюшки, ни капеички.
Наша сестра любитъ хо̀рошо ходить,
Наша сестра любитъ мёдъ, вино пить,
По проулочкамъ похаживати,
Шолковымъ платкомъ помахивати.
По улици мастовой, по дорошки сталбовой,
Ѣхали купцы-ливинцы.
Вели ко̀ня подъ кавромъ,
Подъ черкескимъ подъ сѣдломъ.
Привели ко̀ня къ вадапою,
Мой воронъ конь воду пьетъ,
Копытичкомъ креминь бьетъ,
У кремушку огню нѣтъ,
У маво мужа правды нѣтъ:
По ярманкамъ разъѣжаитъ,
Пакупочки пакупаитъ
Да чужую жену снаряжаитъ.
Чужой жены башмачки,
Бѣлёвыи чулочки,
Шелковаи подвяски.
А своей жены лаптище,
Лаптище—осмётки,
Анучи—атрёпки,
По семи сажинь аборки:
„Наси, жена, сберигай;
По праздничкамъ обувай!"
Отсмѣю мужа насмѣшки:
Сашью мужу рубашку
Съ кранивнова листочка.
„Наси, мой мужъ, сберигай,
По праздничкамъ надѣвай,
По праздникамъ гадовымъ".

13.

Камашики, камашики, мушки дробненькіи!
Всею ночку прошумѣли, прагудѣли,
А мнѣ младой пакою не дали,
Пакою, угамону маладой.
А въ мене младой галовушка болитъ,
Ать головушки бѣлȯ-лицо горитъ,
Ать бѣлȧ-лица сирдечушко щемитъ,
Ать сирдечушка я вся не могу.
Пайду младȧ разгуляюся,
Съ донскимъ съ морскимъ павидаюся.
Какъ на встрѣчу мнѣ бурмистръ маладой,
Подъ бурмистромъ лошадь-конь вороной.
Скачя, пляша, возыграица,
Бурмистръ шельма насмихаица:
„Ты не смѣйся, бурмистръ-шельма, маладой,
Отсмѣю тебѣ насмѣшички усѣ“.
Онъ узялъ дѣвку за правую рукý,
Павёлъ дѣвку во царёвъ кабачекъ,
Напоилъ ее пьянёшиньку,
Паложилъ ее за бочку спать,
Онъ за бочку на лавочку;
Самъ по шиначку шь пахаживаитъ
И чумачикамъ приказаваитъ:
„Ой, чумачики, чумачики мои,
Маладыи цалавальнички!
Не шумитя, не гамитя въ кабацѣ.
Пущай дѣвица праспица,
Сама красная праснёца.
А, проспавшись, похмѣлитя вы ее,
Похмѣливши, праводитя вы ее,
Праводивши, вы не смѣйтися съ её.

14.

Возлѣ Дона, возлѣ тихава Дуная
Добрый моладецъ гуляе;
Онъ не одинъ гуляитъ,
Онъ стадо каней гоняитъ,
Не крикамъ, не гикамъ,
Толька шляпаю махаитъ
Собалиною сваею,
Паклонъ дѣвкамъ атсылаитъ:
Василиса, огляниса!
Ты скажи паклонъ подружки,
Петрушкиной Матрюшки.
А она мудрена шельма бывала:
Вдоль по беришку гуляла,
Рѣшитомъ воду насила,
Чарпакомъ рыбу лавила,
У павойникъ аткидала,
Не милава чествавала.

Осади таво осадъ,
Кто ходитъ къ намъ у садъ;
Храни таво Богъ
Кто ходитъ съ нами въ логъ.
И сагни таво дугою,
Кто гребае женою;
И сагни таво дюже,
Кто гребае мужемъ.
Раздуй таво гарою
Ни этаю парою,
А съ сахою, бараною,
Съ кабылою вораною.

15.

Скора бѣлый снѣгъ упалъ.
Ать напасти милъ прапалъ,—
Съ ворана каня упалъ.
Онъ упалъ и лежитъ,
Нихто къ ему не бѣжитъ:
Ни отецъ и ни мать,
Ни сестра и ни братъ,
Ни мужикъ и ни баба.
Осмѣлилась, подошла
Красна дѣвица душа,
Наряжѐна, харошà,
Пасадила на коня,
Чѐрну шляпу падала,
Туго руку прижàла,
Къ себѣ въ гостюшки пазвала,
У Праварокъ гарадокъ,
Во зилениnькій садокъ.
Во маемъ-ли во саду
Забавушка небольшая,
Скаменчка тесовая,
А травушка шолковая.
На скамейки Катерина,
Въ галовахъ стаитъ дѣтина,
Што ягода малина,
Ванюшаю зовуть.
Ванюша, чилавѣкъ бѣдныйй,
Купилъ дѣвки перстинь мѣдный;
Разарился да конца,
Купилъ дѣвки два кольца;
Растащилъ увесь дамокъ,
Купилъ дѣвушки платокъ;
Прадалъ сваи сапоги,
Купилъ дѣвки интари [1]).
У насъ нонѣ всѐ худыи времена,
Палюбила нивѣстушка диверя́.

[1]) Янтари.

У дивиря ревнивая жена,
Ревнивая, шалудивая,
Ни пускаитъ со Ванюшаю гулять.
Я гуляю со Ванюшай во лужку,
Падаваю и Ванюши галасокъ
Черисъ темнай и зиленинькай лѣсокъ,
Черисъ рѣчку на широкае крыльцо.
Сѣю, вѣю бѣленькій линокъ,
Сама сѣю, расиваю,
Сама Бога умаляю.
Уродися мой бѣлый линокъ
Тонокъ, дологъ и бѣлъ,
И бѣлъ волакнистый,
Еще каренистый.
Сталъ бѣлъ линокъ паспивать,
А я маладая горе горивать—
Съ кѣмъ мене будитъ
Бѣлъ линокъ убирать?
Свекаръ гаваритъ:
„Я сноха съ табою“,
— Постылае бранье,
Толька кропатанье,
Толька кропатанье,
Подъ межой лежанье.—

16.

Ты, паливая-шь ты былинушка,
Чему рана забѣлилась?
Ай ты-шь, былинка,
Ай ты, мая паливая,
Да зимы испужалась?
— Я зимы ни баюся, (2)
Подъ снѣгъ схаранюся,
Листочкамъ накроюсь,
Карешочкомъ зароюсь.
Бѣлый снѣгъ растаитъ,
Былинка устанитъ,
Поливая устанитъ.

17.

Лучина, лучинушка бирезавая!
Ой што шь ты, лучинушка,
Ни ясно гаришь?
Ни ясно гаришь, памелькаваишь?
Аль же ты, лучинушка,
Въ печи не была?
Была я въ печи
Вчерашней ночи (2),
Въ халодномъ кутѣ.

Тушити лучинушку,
Лажитеся спать (2)
Намъ некава ждать.
А мнѣ, маладой,
Всею ночку ни спать, (2)
Мила друшка ждать.
Ужъ куры запѣли,
Нѣту никаво;
Другіи запѣли,
Ничуть не слыхать;
Третіи запѣли,
Заря занилась.
По бѣлай па зорюшки
Мой милый идётъ,
Бобровой шубкай пашумливаитъ,
Сафьянами сапошками паскрипаваитъ.
„А и што-шь ты, милой,
Ни рано пришолъ, (2)
Немного принесъ?
Ни мнѣ, ни себѣ,
Ни подрушки маей,
Ни сводни сваей?"
— Сударыня-дѣвушка,
Неуправка мая,
Съ ревниваю женою
Пабранка была.—
„Ужъ я тебѣ, миленькій,
Давно гаварю:
Убей, убей, миленькій,
Ревниву жену".
— Сударыня-дѣвушка,
Ни рѣчь гаваришь,—
Съ ревниваю женою
У церкви былъ,
Законъ принималъ
И хрестъ цалавалъ.
За табою-шь дѣвушка
Усѣ кусты преламалъ,
Увесь лѣсъ засушилъ.—

18.

За рѣчинькай, за быстраю
Цымбалики бьютъ;
Вотъ тамъ маю любезнаю
Сговариваютъ.
Сговаривши, любезную
Къ вѣнчанію видутъ.
Одинъ видётъ за ручиньку,
Другой за рукавъ,

Третій видетъ,
Сердце мрётъ.
Любилъ, ласкалъ любезнаю,
Чаилъ для сибѣ.
Дасталася любезная
Иному ни мнѣ—
Хахлу-дураку.
Красавица, дасадница,
Вернись, хоть прастись!
Ой рада-бъ я вернутися,
Глаза не гледятъ.
Красавица, дасадпица,
Платкомъ хоть махни!
Ой рада-бъ я махнути,
Въ рукахъ платка нѣтъ.
Красавица-дасадница,
Назадъ обернись!
Ой рада-бъ обернутися,
Кони не стоятъ.
Маладой извощикъ
Ни можетъ каней удержать.

19.

Кудерцы

Хадилъ, гулялъ моладец
Тишкомъ да лушкомъ,
Тишкомъ да лушкомъ,
Крутымъ беришкомъ.
Чисалъ свои кудерцы
Частымъ гребишкомъ;
Расчисавши кудерцы,
Пустилъ за вадой.
Плывити вы, кудерцы,
Плывити туда, (2)
Гдѣ мила мая
Водицу бралà;
Водицу бралà,
Кудри паймала.
Паймавши кудерцы,
Успрашивала:
„Чіи шь это кудерцы?
Чіи шь это русаи?
Куды ани плывутъ?
Да этò-же кудерцы
Милава маво;
Милаво маво,
Маво братца радново.

Л. Семилуцкая.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ИЗЪ КОКШЕНЬГСКИХЪ ПРЕДАНІЙ[1]).

II. Чудь, литва, паны.

Кромѣ приведенныхъ мною преданій о чуди преимущественно Верховскаго, Озерецкаго и Спасскаго приходовъ, я старался уловить все, что̀ говорилось о ней и въ другихъ приходахъ Кокшеньги. Болѣе или менѣе цѣльныхъ и связныхъ разсказовъ записать не удалось, такъ какъ ихъ уже въ настоящее время, быть можетъ, и нѣтъ, можетъ также быть, что просто не пришлось натолкнуться на хорошаго разсказчика, а тѣ, иногда весьма почтенные и умные старцы, съ которыми удавалось побесѣдовать объ этомъ, старались передавать слышанное ими чаще только въ общихъ фразахъ.

Приходилось наталкиваться на рѣшительныя опроверженія одними того, что̀ разсказывалось въ данной мѣстности другими.

Такъ, напримѣръ, по совѣту нѣкоторыхъ изъ крестьянъ въ Озерецкомъ приходѣ я обратился къ 74-лѣтнему старику изъ деревни Часовенской Семену Одинцову, какъ несомнѣнно знающему старину, и онъ говоритъ, что ничего здѣсь не слышно ни о чуди, ни о литвѣ, ни о панахъ, а если что и говорятъ, такъ врутъ все. Онъ отрицаетъ чудское происхожденіе ямъ у деревни Рички, объясняя простымъ недоразумѣніемъ разсказъ о томъ, что будто-бы здѣсь чудь погибла. „Живу̂“, говоритъ Одинцовъ, „здись на Пустошѣ (названіе деревни), лѣтъ 60 тому назадъ биглецъ, Петрушка-Пантюшка звали, писау̂ книги, сны Богородицы, списки... А бѣжау̂-то онъ чуть-ли не изъ военной службы. Дакъ когда стали ловить ево, то онъ какъ-то туда, у Рички-то, въ яму и заскочиу̂; а яма-та была, надо быть, погребная... Про это, навѣрно, и врутъ кое-що“.

Между тѣмъ, приведенное раньше преданіе о чуди все-таки держится и разсказывается другими здѣшними старожилами. Слѣдуетъ упомянуть, что С. К. Одинцовъ воспитывался когда-то „мальчикомъ“ въ удѣльной сельско-хозяйственной школѣ въ С.-Петербургѣ.

Въ Шебеньскомъ приходѣ крестьянинъ деревни Югры Ив. Ѳ. Ждановъ, мужикъ довольно развитой и хорошо освѣдомленный, охотно дѣлился своими свѣдѣніями о старинѣ. Отъ него я узналъ, что здѣсь бывали, будто бы, литва и паны, но подробныхъ и вѣрныхъ свѣдѣній о нихъ не слыхать. Что касается чуди, то въ той же деревнѣ

---

[1]) См. „Жив. Старина“, 1905 г., вып. I и II.

Югрѣ были указаны мнѣ 6 домовъ, жителей которыхъ „покликаютъ чудью". Можно ли думать, что они принадлежатъ къ потомкамъ чуди, объ этомъ, по словамъ Ж—ова, трудно сказать что-нибудь опредѣленное, тѣмъ болѣе, что по внѣшности они не отличаются отъ остальныхъ жителей Югры. Однако, несомнѣнно, что дома эти, построенные на самомъ лучшемъ мѣстѣ, у берега рѣчки, являются наиболѣе ранними въ деревнѣ Югрѣ.

Въ Шевденицкомъ приходѣ можно слышать почти такіе же разсказы о защитѣ Городка отъ чуди, какіе разсказываются о защитѣ Никольскаго городища въ Спасскомъ приходѣ. Однимъ разсказчикамъ извѣстно имя литвы, наряду съ названіемъ чудь; другіе вовсе о литвѣ не слыхали, хотя о чуди разсказываютъ. Въ одномъ изъ расказовъ о чуди, слышанномъ мною отъ кр. дер. Игумновской, Ѳ. В. Зыкова, встрѣчается, между прочимъ, такое замѣчаніе: „Когда чудь подъ Тарноськой городокъ подходила, такъ копали канавы изъ Тарноги въ Кокшеньгу и пускали воду: *чудь воды боялась*". Вѣроятно это одна изъ попытокъ объяснить—какимъ образомъ такой незначительной (особенно, если судить по виду ихъ въ настоящее время, послѣ многолѣтняго осыпанія и заростанія) величины канавы могли служить сколько-нибудь надежнымъ средствомъ защиты отъ нападенія на городокъ.

Тотъ же крестьянинъ на вопросъ о панахъ, отвѣчалъ: „Да, прежь издили паны и наказывали народъ. Говорили (тогда): панъ придетъ такъ всѣхъ расхлещетъ". Кто они такіе, почему такими правами (или силой) пользовались,—объ этомъ ничего опредѣленнаго добиться было нельзя. „Вотъ про это, що разъѣзжали-то да наказывали—говорится, а про другое-то не слыхать. Можетъ, кто и знаетъ, а намъ неизвѣстно".

Крестьяне деревни Новгородовской, той же волости, также слыхали о панахъ, но не имѣютъ какихъ-либо ясныхъ и подробныхъ свѣдѣній. О литвѣ не слыхали вовсе. О чуди разсказываютъ, что она погибла въ Синяковскомъ озерѣ, въ Ромашевскомъ приходѣ; крестьянъ деревни Дубровы, Шевденицкой вол., носящихъ фамилію Сипиныхъ и Щекиныхъ, считаютъ потомками чуди, увѣряя, что они „чудсково роду". Нѣкоторые слыхали, что въ Ваймежѣ подъ деревней Климовымъ у рѣки Уфтюги въ т. наз. Климогорскомъ озерѣ находятъ бревна отъ построекъ, что, будто бы, эти бревна остались отъ того времени, когда русскіе разселялись въ этой мѣстности; они (русскіе) долго не могли построить себѣ жилищъ: что зá день успѣютъ срубить да построить, то ночью чудь растаскивала и топила въ озерѣ.

Къ тому, что было мною сообщено по этому предмету, въ моей выше указанной замѣткѣ, по разсказамъ крестьянъ Спасской волости,—могу привести вновь записанныя данныя, полученныя здѣсь же отъ новыхъ лицъ. Въ особенности интересны разсказы кр. дер. Костенской, М. Д. Третьякова, который обладаетъ большимъ запасомъ всякаго рода свѣдѣній изъ области мѣстныхъ преданій и сказаній, сложившихся у него въ особаго рода цѣльное историческое повѣствованіе. Большую часть того, чтó ему извѣстно, онъ слышалъ отъ старожиловъ Ѳедора Лавровича и Катерины Ивановны, жившей около 110 лѣтъ, уже давно умершихъ.

Свою повѣсть М. Д. Третьяковъ начинаетъ обыкновенно такъ: „У насъ прежде было все княжество, въ кажной губернѣ былъ (свой) князь, а царя не было. Нашъ князь у Архангельсково князя выкопалъ глаза. Онѣ (т. е. архангельскіе) не стерпили и пошли биться къ намъ на Кокшеньгу; онѣ много у насъ кое-какихъ мѣстовъ и городишковъ роззорили. Этта (здѣсь) у Миколы (Никольскій погостъ, городище) былъ у насъ Николаевской городъ, а пригородокъ—у Богородской церкви, гдѣ нынь Городище [1]) Мѣста эти они всѣ призорили. У насъ съѣзжались сюда купцы отъ Архандельсково (т. е. гор. Архангельска), изъ Устюга и изъ Вологды... А топерь было все пусто (т. е. со времени разоренія). Онѣ (архангельскіе) стоели здись три года...“ Очевидно, это одинъ изъ отголосковъ преданія о розореніи Кокшеньги во времена усобицы московскихъ и галицкихъ князей, съ эпизодомъ ослѣпленія Василія II-го [2]).

Но къ этому же преданію въ разсказѣ М. Д. Т. тѣсно примыкаетъ и переплетается съ нимъ преданіе о литвѣ и чуди (что, по словамъ его, одно и то же), а также—о панахъ. Разсказывая о нашествіи „архандельсково князя“ и о раззореніи, имъ производимомъ, М. Д. Т. послѣ словъ „онѣ не стерпили и пошли битьсе“ добавляетъ: „съ ту сторону и пошли эта литва-та и стали дратьсе“. Выходитъ, что литва какъ будто бы приходила съ архангельскимъ княземъ. Однако, въ другой записи со словъ того же разсказчика (имѣется три записи его разсказа сдѣланныя въ разное время). О литвѣ (или „чуди“) въ этомъ мѣстѣ вовсе не упоминается. Можно думать, что и разореніе во времена княжескихъ усобицъ и разореніе нашествіемъ литовскихъ шаекъ смутнаго времени [3]) оставили одинаково печальный и сильный слѣдъ въ Кокшеньгѣ и подчасъ невольно отождествляются разсказчикомъ. Что же касается возможности появленія литвы съ низу, отъ Архангельска,то вѣроятность этого можетъ быть подтверждена указаніями Двинской лѣтописи, въ которой упоминается о появленіи на Двинѣ до 2.000 человѣкъ поляковъ литовцевъ, которые поднимались и на Вагу, притокомъ которой (черезъ р. Устью) является Кокшеньга.

Затронувъ преданіе о литвѣ (или чуди, что̀, по его мнѣнію, одно и то же), онъ передаетъ въ общихъ чертахъ тѣ же свѣдѣнія объ осадѣ Никольскаго городища, о какихъ мною сообщалось изъ другихъ преданій, но и съ значительными и своеобразными особенностями и нѣкоторыми интересными подробностями. Онъ говоритъ, что „литва стриляла изъ зыкоськово поля къ Николѣ, а потомъ и туда подходила“, что „тамъ защищались изъ-за деревянной стѣны, которую тогда же и сожгли, и церковь Өеонасьевская (во имя св. Аөанасія), которая стояла, гдѣ топерь ц. Николы, тоже была сожжена; вотъ тогда-то и вознесли эту батарею изъ земли [4]); сначала-

[1]) См. упоминаніе объ этомъ въ моей ст. „Кокшеньская старина“ въ „Запискахъ Имп. Р. Арх. Общ.“ за 1906 г.

[2]) О походѣ В. Кн. на Кокшеньгу во время этой усобицы имѣются указанія въ исторіи Карамзина, по сѣвернымъ лѣтописцамъ.

[3]) См. упоминаніе объ этомъ въ „Описаніи Кокшеньги“ В. Т. Попова, Вологда, 1857 г.

[4]) См. ст. „Кокшеньгская Старина“.

то она была саженъ пятнадцать вышиною. Тутъ были камни и кирпичи, которыми и воевались; были тутъ и бревна подвѣшены на нагиляхъ; эти бревна опускали, когда воевались; а бревна были матерыя и заминало человѣкъ по пятнадцати и по двадцати".

Конецъ разсказа М. Д. Т. совершенно особенный:

„Ли́тва имѣла пристанище у Кокрякова озера и ручья (почти противъ Спасскаго погоста) и онѣ ходили къ ночамъ (во время осады Никольскаго городища?) все туда. Надъ ричкой надъ Кокряковымъ былъ на угорѣ гладкой камень; на ёмъ онѣ хлѣбовали и въ карты играли. Этотъ камень нынь не давно мужикъ подкопалъ и свалилъ: думалъ—кладъ есть. На камнѣ три зарубы; одна на Преображенье (т. е. въ направленіи Спасо-Преображенской церкви).

Сколько тамъ ихъ было—не извѣстно.

Главныхъ ихъ начальниковъ убили. Наши мужики собрались съ шести волостей и пришли къ Кокрякову. Напередъ у нашихъ-то шли большознающіе (т. е. вѣщуны, знахари, колдуны); это были паны, онѣ вѣдь наши и правили нашими; ихъ звали Яганъ, Пеганъ, Поляница и Хайдукъ. Ли́тва-та въ это время отдыхала; вотъ она варитъ кашу, обѣдать хотятъ. Ихней атаманъ и говоритъ: „ну, робята, севодни на кашѣ кровь кипитъ,—не ладно будетъ, не къ добру это". Всѣ изумились, не знаютъ, что̀ дѣлать. Вотъ когда тутъ пришли наши-те со своими атаманами, и стали дратьсе. Первое дѣло, ихъ атаманъ розстегиваетъ грудь и говоритъ: „стрилейте!" Нашъ стрилилъ и тутъ его и застрилилъ. Была заряжена-то пуговица серебряная (противъ серебра-то не заговоришьсе) [1]); пуговица скрозь его пролитѣла. Онъ упалъ. Другого поймали, стали рубить топоромъ. Топоръ не беретъ: онъ заговорился. Наши и говорятъ: „Не ладно рубите! Возьмите трою въ землю топоромъ ударьте наотмашь, а потомъ и по шеѣ, тоже наотмашь". Тому голову отрубили. Третьей побѣжалъ на убѣгъ. Онъ бѣжалъ, не много не мало, три версты. И кидалъ серебро горстями, чтобы народъ остановился. Достигли (т. е. догнали) его противъ (подъ) деревни Костенской. Тутъ и поймали и голову отсикли. На томъ мистѣ была каменьца (груда камней) и до нынь.

Остальные приметались въ озеро Кокряково. И нынь кровяные косы ходятъ по озеру въ непогоду.

Дьяконъ Боскаревъ видѣлъ кость на берегу озера: приподымитсе да и сосвищетъ—значитъ, хочетъ похоронитьсе. Я видѣлъ тоже такую кость".

Всякій разъ, когда переспрашивали М. Д. Т—ова о панахъ, дѣйствительно ли это наши,—онъ съ увѣренностью повторялъ: „Паны это наши, а ли́тва, чудь-та, поднялась отъ Архандельсково". Однако, не смотря на увѣренность старика, въ его разсказѣ о нашествіи „архандельсково" князя и литвы заключается наслоеніе не одного преданія, а нѣсколькихъ о разновременныхъ событіяхъ. Общее убѣжденіе относительно пановъ, которое пришлось много разъ слышать мнѣ отъ другихъ крестьянъ, что они приходили въ

---

[1]) Принимается за несомнѣнное, что атаманъ литвы былъ заговорщикъ; на серебро заговоры не дѣйствуютъ.

Кокшеньгу откуда-то и наводили страхъ на жителей своими грабежами и насиліемъ, стоитъ въ согласіи съ преданіемъ, приводимымъ мною раньше, съ чѣмъ, какъ нельзя лучше, согласовались бы и тѣ имена, которыми, по словамъ М. Д. Т., назывались ихъ „большознающіе", атаманы: Яганъ, Поленица (Паляныця?), Хайдукъ. Нѣкоторые изъ крестьянъ, вспоминая о старинѣ и разсказывая между прочимъ, о маленькихъ „волоковыхъ" окошечкахъ въ домахъ, объясняютъ необходимость устройства такихъ оконъ тѣмъ, что „тогда боялись пановъ и отъ нихъ укрывались" [1]).

Одинъ изъ любителей преданій о старинѣ, крестьянинъ Вл. М. Поповъ, человѣкъ развитой и много читавшій, пановъ называетъ, прямо поляками, приводя косвенное тому доказательство, основанное на значеніи очень распространенныхъ въ Кокшеньгѣ словъ: пановать, панъ, распановаться. Эти слова употребляются тогда, когда хотятъ обозначить какое-нибудь безчинство, самоуправство, выходку, соединенныя съ задоромъ, чванствомъ, напускной важностью и дешевымъ удальствомъ, что отвѣчало бы характеру поляковъ больше, чѣмъ кого-либо другого. Мнѣ думается, что этотъ оригинальный доводъ имѣетъ за собой реальное значеніе.

Тому же Вл. М. П—у удалось слышать такой варіантъ преданія о панахъ: „Когда они стояли подъ Николой (т. е. осаждали Никольское городище), то (дѣлая набѣги на окружающія деревни) дошли разъ до деревни Мадовицы; а въ Мадовицахъ по угородамъ навѣшены были на кольяхъ снопы конопля. Имъ показалось, что это выступило много народу противъ нихъ и поворотили назадъ опять подъ Девятую [т. е. подъ Николу: церковь (и городище) носитъ двойное названіе по имени двухъ святыхъ, въ честь которыхъ она освѣщена: Николая Чудотворца и Параскевы Пятницы (Девятой)]. Въ другой разъ оттуда уже не подходили къ Мадовицамъ, да скоро онѣ послѣ этого и погибли. Ихъ атаманъ будто бы сошелъ съ ума и сталъ кричать: „смотрите-ко, робята, сѣдатой-отъ старикъ [2]) кругъ шатра (шейка купола) у церкви издитъ на лошадѣ и мнѣ грозитъ... Не застращаешь меня!" Послѣ того забѣгалъ этотъ атаманъ съ мечемъ да въ озерѣ и утонулъ... А паны-те варили кашу да вмѣсто пѣны-то кровь косами заходила: онѣ и узнали, что гибель скоро приходитъ. Тутъ, сколько денегъ, богатства ихъ было,—все въ котелъ склали и утопили въ Городишномъ озерѣ; а надъ котломъ поставили плотъ изъ слегъ (длинныхъ бревенъ), на плотъ наносили земли да и плотъ на котелъ утопили. А потомъ и сами въ этомъ же озерѣ уходились".

Мнѣ самому не разъ приходилось слышать о богатствахъ, затопленныхъ въ этомъ озерѣ. А однажды во время охоты на утокъ сопровождавшій меня крестьянинъ одной изъ близъ лежащихъ де-

---

[1]) Впрочемъ, въ ст. К. Попова „Колонизація „Заволочья и обрусѣніе заволоцкой чуди", помѣщ. въ №№ 2 и 3 „Бесѣды" за 1872 г., упоминается также, что названіе „паны" въ Вельскомъ уѣздѣ употребляется для обозначенія особой категоріи мѣстныхъ крестьянъ, а не въ обычномъ смыслѣ— наз. остатковъ польско-литовскихъ шаекъ смутной эпохи.

[2]) Разумѣется Св. Николай Чудотворецъ, хотя и странно, что онъ на конѣ.

ревень забрелъ съ одного берега въ озеро съ длиннымъ шестомъ въ рукахъ и, подойдя къ предполагаемому мѣсту затопленія плота, тыкалъ шестомъ въ дно, и дѣйствительно во многихъ мѣстахъ былъ слышенъ глухой стукъ ударовъ, какъ будто о деревянный помостъ; между тѣмъ заростающее торфяное озеро-старица имѣло въ другихъ мѣстахъ только илистое вязкое дно. Мѣсто предполагаемаго плота находится противъ наиболѣе отлогаго спуска съ городища, и весьма возможно, что черезъ старое русло рѣки, отъ которой остались теперь эти озера-старицы, былъ дѣйствительно когда-то перекинутъ бревенчатый пловучій мостъ; или стоялъ плотъ, на которомъ переѣзжали, а потомъ отъ набуханія на водѣ погрузился на дно. Однако, противъ подобнаго рода догадки всегда найдется, что̀ возразить, и настаивать на такомъ объясненіи не приходится.

Любопытно, что подробность вышеприведеннаго преданія о сѣдатомъ старикѣ встрѣчается и въ преданіяхъ о защитѣ Тарногскаго городка отъ чуди.

Исчерпавъ болѣе или менѣе то, что̀ удалось уловить мнѣ изъ широкаго, но зыбкаго источника народной памяти, въ области интересующаго меня въ данную минуту вопроса, я долженъ придти къ одному скромному выводу, что всего приведеннаго еще не достаточно для какихъ-либо вполнѣ опредѣленныхъ заключеній; но тѣмъ не менѣе, не смотря на нѣкоторую противорѣчивость отдѣльныхъ мѣстъ преданій, въ нихъ заключаются указанія, вполнѣ гармонирующія съ лѣтописными сказаніями о Кокшеньгѣ и до нѣкоторой степени рисующія картину историческихъ условій быта и развитія мѣстнаго населенія. Въ послѣднемъ отношеніи чрезвычайно важное значеніе имѣетъ еще и то обстоятельство, что въ Кокшеньгу съ разныхъ сторонъ притекали бѣглецы, укрывавшіеся отъ разныхъ преслѣдованій, не рѣдко составлявшіе значительныя шайки, занимавшіяся разбоемъ и грабежомъ и не скоро переходившія къ мирному образу жизни. О разбойничьихъ шайкахъ, ихъ атаманахъ и похожденіяхъ ихъ тоже не мало сохранилось разсказовъ въ народѣ. Часть этихъ преданій я и привожу въ слѣдующей главѣ.

III. Розбой (разбойники).

Въ предыдущей главѣ я упомянулъ между прочимъ о томъ, что преданія кр. М. Д. Третьякова сложились въ установившійся опредѣленный циклъ. Послѣ разсказа о нашествіи „архандельского“ князя и литвы, онъ продолжаетъ:

„Послѣ этой поры жили много времени и наступилъ розбой. Ходилъ онъ шайками, по 40 человѣкъ. Розбой богатыхъ мужиковъ грабилъ и рѣзалъ. У насъ былъ въ Мадовицахъ богатой мужикъ, Бирюкъ звали. Его захватили въ Преображенской церквѣ. Изъ церквы утащили на рѣку и замучили. У ихъ фатера (квартира, мѣсто стоянки) была на Коленьгѣ по ричкѣ Пестову (притокъ Ко-

деньги); тутъ была земляная изба. Онѣ много кое-чего нагрудили около той избушки. У этой мѣстности ничего теперь наверху нѣтъ. Только одинъ мужикъ, Устинъ [1]) съ Ростова изъ деревни Починка, нашелъ $1^1/_2$ пуда свинцу, а больше ничего не могли добратьсе, а добирались все сабли Александра Невскаго. Она есть тутъ на самомъ дѣлѣ, да не многіе знаютъ про это,—кто слыхалъ отъ прежнихъ людей.

Розбой сталъ много праказу дѣлать (проказничать). Онъ грозитсе на Гусиху (одна изъ самыхъ большихъ деревень въ Кокшеньгѣ): надо, говоритъ, ограбить. Гусишана узнали объ этомъ и собрали народъ съ шести волостей. Народъ былъ въ гумнахъ и домахъ спрятанъ. Розбой пришелъ. Былъ Проня на Гусихѣ, который зналъ заговоръ, и заговорился, что его не брала пуля. У разбойниковъ былъ тоже заговорщикъ. Онъ заговорился, и его тоже не брала пуля. У Прокопья (Проня) была „середка“ (средняя часть дома) розломана до переводъ (балки подъ крышей). Былъ еще дымникъ (деревянный, об. довольно широкій, дымоходъ). Проня улѣзъ въ этотъ дымникъ. У ихъ былъ уговоръ: пока Проня не стукнетъ изъ оружья—народу не выкрыватьсе; а какъ учуютъ стукъ, дакъ народу вдругъ хлынуть на разбойниковъ. Какъ приходитъ этотъ розбой, до Гусихи атаманъ и говоритъ: „топерь Гусиха сготала (т.-е. пропала) и Проня попалъ!“ Идетъ этотъ атаманъ по переводамъ у (дома) Прони. Проня—ничего другово—изъ дымника выстрѣлилъ изъ оружья серебряной пуговицей; атаманъ съ переводовъ упалъ, а народъ услыхалъ этотъ стукъ и со всѣхъ сторонъ содвинулись. Розбой испугался и сейчасъ къ озеру, и приметались въ озеро; тамъ и рѣшился (погибъ), всего 40 человѣкъ“.

Въ этомъ разсказѣ перемѣшаны, видимо, два преданія: то, что связано съ кладами и становищемъ на Коленьгѣ (городище при ручьѣ Городихѣ и почти противъ впаденія р. Пестова въ Коленьгу), судя по разсказамъ многихъ другихъ крестьянъ, относится къ болѣе отдаленному времени и обыкновенно въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ называетъ пановъ или литву; второе, гдѣ говорится о Бирюкѣ, судя по распространенности и общеизвѣстности, а также по упоминанію о Преображенской (деревянной, существующей и въ настоящее время) церкви, является болѣе позднимъ.

Самъ Третьяковъ дальше говоритъ, что „розбой былъ не особенно давно: еще тетка Катерина помнитъ то время, а она умерла годовъ 50 тому назадъ (жила около 110 лѣтъ)“. Разумѣется, вполнѣ возможно, что на Коленьгѣ у Городихи могли имѣть становище цѣлый рядъ шаекъ, смѣнявшихъ другъ друга разновременно.

Подъ деревней Гусихой находится довольно глубокое озеро, проѣзжая мимо котораго много разъ, я очень часто слышалъ отъ ямщиковъ о гибели въ немъ разбоя и чуть ли даже не пановъ.

Въ деревнѣ Мадовицахъ живутъ и въ настоящее время прямые потомки Бирюка; одинъ изъ нихъ, весьма пожилой крестьянинъ, разсказывалъ эту исторію примѣрно въ томъ же родѣ, съ нѣкоторыми подробностями:

---

[1]) У котораго хранились записи на клады по р. Коленьгѣ; копію одной изъ нихъ, датированную 1639 г. я видѣлъ у одного кр. Спасской волости.

„Бирюкъ былъ матёрой человѣкъ, страсть! и очень богатой... Будто бы разъ ударилъ онъ казака (т.-е. работника), а тотъ въ разбоѣ ходилъ и сказалъ: „помни,—каковъ нибудь да я буду!“ Потомъ убѣжалъ, созвалъ сорокъ человѣкъ розбойниковъ; вывели Бирюка изъ Преображенской церквы съ крыласа и привели домой; требовали денегъ. А денегъ то у него будто были клады. Бирюка сожгли живого, подъ горой у рѣки, а о деньгахъ такъ ничего и не узнали. Кладъ-отъ въ нашемъ домѣ будто есть отъ него, да какъ его достанешь?“

Розбойники обыкновенно имѣли пристанища среди лѣсовъ и болотъ, въ мѣстахъ мало доступныхъ, и оттуда дѣлали набѣги и грабежи. Указывается цѣлый рядъ мѣстъ, въ которыхъ были ихъ становища или оставлены клады; существуютъ урочища, какъ, напр. по р. Западной Поцѣ съ названіями „Розбойное“; сохранились имена нѣкоторыхъ ихъ атамановъ. Ихъ клады, заключающіе, какъ то сказывалось въ нѣкоторыхъ записяхъ, несмѣтныя богатства, привлекали многихъ искателей счастья даже на отдаленныя, трудно доступныя болотныя рёлки (островки), служившія когда-то надежнымъ убѣжищемъ разбойниковъ. Въ Шевденицахъ болѣе всего извѣстна въ этомъ отношеніи „Кладовая“ рёлка (о которой я уже въ своемъ мѣстѣ упоминалъ), въ болотахъ по рч. Лайбую, связанная съ именемъ разбойничьяго атамана Росадки, будто-бы по имени котораго называется одна изъ деревень: Росадина.

Бывавшіе на этой рёлкѣ раньше, разсказывали, между прочимъ, о какихъ-то бревнахъ, служившихъ, по предположенію, для переходовъ разбойникамъ на рёлку, и обитыхъ мѣстами мѣдью. Теперь таковыхъ, говорятъ, не видно.

Подобная рёлка существуетъ на Болванскомъ болотѣ, въ 20 верстахъ отъ Спасской церкви, внизъ по правому берегу р. Кокшеньги. Мнѣ приходилось говорить съ нѣкоторыми изъ побывавшихъ здѣсь крестьянъ. Они разсказываютъ о точныхъ примѣтахъ, перечисленныхъ въ записи объ этомъ кладѣ, и вполнѣ отвѣчающихъ имъ въ дѣйствительности, разсказываютъ о камнѣ, покрытомъ, какъ будто бы надписью; о ямѣ, въ которой долженъ лежать кладъ, прикрытый съ верху толстыми слоями угля, камней и золы. Угля и камней выгребали они большое количество, но до клада не добрались.

Повсюду разсказывается о шайкахъ разбойниковъ въ сорокъ человѣкъ и о почти внезапной ихъ гибели. Между тѣмъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ какъ на убѣжище ихъ указывается на очень маленькія одиночныя земляныя избушки, а съ другой стороны, изъ преданій о Бирюкѣ, Росадкѣ и под. выходитъ, что какъ будто бы этотъ разбой имѣлъ своихъ представителей и по деревнямъ. Мнѣ не разъ приходилось слышать, что такіе-то дома или жители чуть не цѣлой деревни „розбойничьяго роду“. А лѣтъ тридцать-сорокъ назадъ разбои происходили частенько на всѣхъ сколько-нибудь длинныхъ лѣсныхъ волокахъ, по дорогамъ; и тутъ ужъ приходилось слышать прямыя подозрѣнія, что это не дальніе разбойники, а свои же мѣстные, при чемъ иногда указывалось и на темное происхожденіе подозрѣваемыхъ. Такимъ образомъ, можно думать, что если „розбой“ и былъ первоначально пришлымъ элементомъ, то потомъ, мало-по-малу

обращаясь въ мѣстный, переходилъ, подъ конецъ, въ мирныхъ обывателей, пристроившись или среди жителей другихъ деревень или основывая особые починки.

Съ другой стороны разбои, принимая форму грабежей на лѣсныхъ волокахъ и доходя до простыхъ кражъ по деревнямъ, становились все болѣе одиночными и превращались въ воровство отдѣльныхъ недобрыхъ людей, стараніемъ самого населенія выведенное за послѣдніе годы почти окончательно. Иногда такого рода одиночные грабежи и смѣлыя кражи приписывались тоже бѣглецамъ, не переводившимся въ Кокшеньгѣ до самого послѣдняго времени и жившимъ часто одиночно въ лѣсныхъ избушкахъ и землянкахъ по всѣмъ почти волостямъ. Однако, вѣроятнѣе всего, что бѣглецы эти часто служили только козлами отпущенія для другихъ, ибо, имѣя серьезныя причины укрываться, эти люди бывали, обыкновенно, самыми мирными и, можетъ быть, честнѣйшими людьми.

Среди такого сорта бѣглецовъ бывали и не вынесшіе тягости военной службы или помѣщичьяго ярма, и преслѣдуемые сектанты, и, быть можетъ, пострадавшіе „за политическія убѣжденія“. Такъ жившій въ Озеркахъ бѣглецъ изъ военной службы „Петрушка-Пантюшка“ писалъ списки, книги, сны Богородицы и, продавая, выручалъ себѣ на хлѣбъ или прямо мѣнялъ ихъ на пищевые продукты.

Тамъ же, въ лѣсу, по направленію къ Новоселамъ, жили старовѣры и питались приношеніями изъ деревень, дѣлали туйски и еще кое-какія вещи, и такимъ образомъ не много заработывали на покупку самаго необходимаго. Послѣ нихъ остались слѣды огорода съ 9-ю грядами.

Нѣкоторымъ изъ такихъ, уже пожившихъ порядочно долго, бѣглецовъ населеніе, слѣдовательно, само дѣлало добровольныя приношенія. Изъ бѣглыхъ сектантовъ-старовѣровъ многіе устраивались, между прочимъ, на окраинѣ Спасскаго прихода, около такъ называемой Тюребери (нѣсколько деревень), гдѣ и по сіе время среди населенія прочно держится старовѣрчество.

Преданія о „розбоѣ“ и бѣглецахъ, изложенныя въ нѣкоторой полнотѣ, приведя въ кругъ современной Кокшеньгской дѣйствительности, даютъ поводъ разсказчику на нихъ и закончить циклъ Кокшеньгскихъ преданій; но очень часто, обыкновенно послѣ перерыва какъ бы означающаго, что дальнѣйшее не стоитъ въ непосредственной связи съ разсказаннымъ, или послѣ вашей просьбы разсказать что-нибудь изъ преданій еще,—онъ дополняетъ свое повѣствованіе „былью объ еретикахъ“, а иногда касается и общеисторическихъ лицъ, преимущественно нѣкоторыхъ русскихъ государей, „френцюза“ [1]) и пр.

М. Едемскій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---

[1]) Наполеона I.

ДѢДОВЩИНА ВЪ СИБИРИ.

(Енисейская губ.)

„Дѣдовщиной“ во многихъ мѣстахъ Сибири называютъ памятники прошлаго въ области какъ матеріальной, такъ и духовной культуры: старинные костюмы, мебель, утварь, постройки,—съ другой стороны—сказанія, преданія, повѣрія, пѣсни, духовные стихи, заговоры и т. п.

Дѣдовщина—мѣткое названіе, характерное для эпохи, когда возникаютъ новые уклады жизни, иныя формы быта.

Ниже приводимая дѣдовщина записана учителемъ Ив. Тыжновымъ въ д. Кондратьевой, Пинчугской волости, Енисейскаго уѣзда, въ 1905 г. Всѣ 13 номеровъ поются.

Запись сдѣлана не достаточно хорошо. Собиратель писалъ въ большинствѣ случаевъ, слѣдуя правиламъ правописанія и тѣмъ самымъ, конечно, искажалъ подлинникъ; не проставлены ударенія,—такъ что для лингвиста это матеріалъ, весьма мало дающій. Для цѣлей этнографіи—это любопытная страничка, тѣмъ болѣе, что настоящая запись даетъ нѣкоторые варіанты.

В. Анучинъ.

1.

Живъ человѣкъ разнемогается,
День на дворѣ вечеряется.
Чѣмъ то земля изукрашена?
Изукрашена земля Божьей милостью,
Божьей милостью—Богородицей;
Богородицей, краснымъ солнышкомъ.
За рѣкой то идутъ люди Божески;
Во рукахъ то несутъ книги Божески;
Они молятъ, они просятъ самого Христа,
Самого Христа Царя Небеснаго:
— Перенеси Ты насъ, перевези Ты насъ
Черезъ огненну рѣку; черезъ огненну рѣку,
Къ самому Христу, Царю Небесному.

* * *

Живъ человѣкъ разнемогается,
День на дворѣ вечеряется.
Чѣмъ то земля изукрашена?
Изукрашена земля Божьей милостью,
Божьей милостью—Богородицей;
Богородицей, краснымъ солнышкомъ.
За рѣкой то идутъ люди грѣшные;
Они молятъ, они просятъ самого Христа,
Самого Христа Царя Небеснаго:
— Перенеси ты насъ, перевези ты насъ
Черезъ огненну рѣку, черезъ огненну рѣку,
Къ самому Христу, Царю Небесному!
— Провалитесь вы, души грѣшныя, во кромѣшный адъ.
Гдѣ нога, гдѣ рука, гдѣ буйна́ голова.

2.

Взойди-ка, взойди, солнце красное,
Надъ горой то взойди надъ высокою,
Надъ дубравушкой взойди надъ зеленою,
Надъ поляночкой взойди надъ широкою;
Обогрѣй ты насъ добрыхъ молодцевъ,
Сарыхъ, бѣдненькихъ—солдатъ бѣгленькихъ,
Безбилетненькихъ, безпаспортненькихъ.
Какъ помимо того граду бѣлаго,
Какъ помимо того села Быстрова
Протекала туда рѣчка быстрая,
Рѣчка быстрая—каменистая.
А по рѣченькѣ плыветъ лодочка,
Лодка новая изукрашена:
Плисомъ, бархатомъ оболочена,
Золотымъ то гвоздемъ изнасажена.
Среди лодки—золота казна;
На казнѣ то лежитъ шелково́й коверъ,
На коврѣ то сидитъ красна дѣвица.
На кормѣ то сидитъ эсаулъ съ весломъ,
На носу то стоитъ атаманъ съ ружьемъ,
Красна дѣвица—есаулышка родна сестрица,
Атаманушка—полюбовница.

3.

Ужъ ты матушка, Угрюмъ рѣка,
Про тебя-ль лежитъ слава добрая,
Слава добрая—рѣчь хорошая:
Круты бережки посеребряны,
Какъ желты пески, какъ скатенъ жемчугъ;
У тя донышко позолочено.
Среди Волги стоитъ бѣлъ, горючь камень,
Какъ на камешкѣ не огонь горитъ,

Не огонь горитъ, не смола кипитъ—
Кипитъ, болитъ сердце молодецкое,
Ни по роду кипитъ, ни по племени,
Ни по батюшкѣ, ни по матушкѣ.
Кипитъ-то, болитъ сердце молодецкое,
По душѣ то болитъ по красной дѣвицѣ.
Какъ оставила то меня красна дѣвица
На крутомъ бережку́, на желтомъ песку́, Тимофея то Васильевича.

4.

Шелъ парень со вечерочки, со бата́льицы;
Шелъ то, пришелъ къ молодой женѣ,
Онъ домой то пришелъ поздно вечеромъ.
Онъ домой то пришелъ, раскуражился,
Что жена то мужу покорялася,
Трою, двою мужу въ ноги поклонялася:
— Охъ, ты мужъ, ты мой честно́й господинъ,
Ты не бей-ка меня поздно вечеромъ,
Ты убей-ка меня во глуху полночь,
Пускай добры-то люди всѣ улягутся,
Пускай малы дѣтушки пріусыпятся!—
Утромъ ранечко, на разсвѣтечкѣ—на бѣлой зарѣ
Малы дѣтушки пробуждалися,
Своей маменьки спохваталися.
— Охъ, ты, тятенька, гдѣ наша маменька?
— Ваша маменька на рѣку́ ушла,
На Дунай ушла цвѣтно платье мыть.—
Дѣти сбѣгали, мать завѣдали.
— Охъ ты, тятенька, нѣту нашей маменьки.—
— Ваша маменька во Божьей церкви,
Богу молится, все спасается, низко кланяется.
Дѣти сбѣгали, мать завѣдали.
— Охъ ты, тятенька, нѣту нашей маменьки.
— Ваша маменька во сырой землѣ,
Во сырой землѣ въ гробовой doскѣ.
Гробова то доска изукрашена:
Плисомъ, бархатомъ оболочена,
Золотымъ гвоздямъ околочена.

5.

Сизенькій голубчикъ
Сидѣлъ на дубочкѣ.
Брови его черны,
Очи его ясны,
Личико бѣленько,
Какъ бѣлый снѣжочекъ.
Прилетала пава,

Середь двора пала,
Крылышкамъ махала,—
Крыльямъ не простымъ,
Крыльямъ лебединымъ.
— Чево, милый, робишь?
— Робить я не роблю,
По дворочку хóжу,
Конёчка имáю,
Во сѣдло сѣдлаю,
Во сѣделышко черкаско;
Потничкй ковровы,
Подпружки шелкóвы.
По полю гуляю,
Къ милой заѣзжаю.
Шила ему мила
Милому рубашку,
Шила-вышивала
Золотымъ узоромъ;
Ластовки строчила,
Воротъ золотила—
Дружка подарила,
Сама зарыдала,
Слезы утирала
Правою рукою;
Лѣвою другою,
Лентой голубою.

6.

Во сегодняшній денекъ себѣ радость получила:
Любезнова то дружка къ себѣ въ гости залучила;
Залучила то дружка въ не воскресный во денекъ.
Посажу-ли я дружка во передній уголокъ;
Налью рюмочку ему евленскаво винца,
А сама то себѣ такова же налью;
На серебряномъ подносѣ поднесу,
На здоровье съ дрýжкомъ выкушаю.
У хмельнова то дружка буду выспрашивать:
— Ты сколькýю сушишь—крушишь ты меня?
А во хмелю милый промолвился:
„Я сушу-крушу, семь дѣвушекъ люблю,
А восьмую то сушу я солдатку молоду,
А девятую сушу свою законную жену.

7.

Съ горъ погодушка, милому невзгодушка.
Лѣса темные, горы высоки.
Тутъ летитъ, летитъ ясенъ соколъ черезъ сырой боръ.
Подъ правымъ крыломъ несетъ саблю вострую,
Саблю вострую, наточеную, золбченую.

Подъ лѣвымъ крыломъ—письмо-грамотку.
Тутъ мощёны мосты, все калйновы,
Все калиновы, все рябиновы,
Тута шли, прошли три полка солдатъ,
Новобранные часъ теперешній.
Всѣ охотнички пѣсню сга́ркали,
А наемщички ружьямъ сбрякали,
А невольнички слезно всплакали.

8.

(Плясовая пѣсня).

Анюшечка-душечка,
Вечеръ былъ я у тебя,—
Не узнала ты меня,
Не узнала, опознала,
Отсылала отъ себя.
Кипучая кровь кипитъ,
Отойти прочь не велитъ.
Велитъ сударушку любить,
Что за то ее любить:
Не далече къ ней ходить.
Промежду рѣка бѣжитъ,
Рѣчка быстренькая,
Бережистенькая,
Черезъ ту быстру рѣку
Мостовиночка лежитъ,
Жердка тоненькая,
Жердка еловенькая.
Какъ по жердушкѣ еловой
Хорошо милой ходить:
Она ходитъ поступаетъ,
Рѣчь говóритъ—разсыпаетъ,
Сине море колыба́етъ.
Сине море колыбливо,
Рыба въ морѣ полохлйва.
Ахъ ты, Вася-Василокъ,
Вася—бѣлый лебедокъ,
Не ходи-ка, Вася, днемъ,
Ходи вечеромъ съ огнемъ,
Со хрустальнымъ фонаремъ,
Ко бѣлу свѣту домой.
Я умѣла моей матушкѣ
Отверточку сказать:
Скажу этакъ, скажу сякъ,
Скажу йнока опять.
Я скажу, во саду была,
Во зеленомъ гу́ляла;
Скажу: яблочки щепала

Я налевчитыя,
Налевчитыя, развналевчитыя
На серебряно блюдо клала,
Прирaскладывала,
Приговаривала.

9.

Не люблю я во деревнѣ мла́да жить,
Не люблю я деревенскихъ мужиковъ;
Полюблю я изъ бурлака казака,
Изъ бурлака, изъ бурлака, изъ бурлацкаго полка;
Я млада-млада по сѣничкамъ хожу,
Веселешенько на милого гляжу.
Будто мой то милъ хорошъ да пригожъ,
Чернобровый, черноглазый, сердце мой.
Я не знаю, къ чему друга примѣнить,—
Примѣню я свово дру́жка къ соколу́,
Соколъ птица летучё да летучё.
Мой миленекъ живучё да живучё.
Перелетна мала пташечка,
Горе-горькое, кукушечка
Изъ окно въ окно полётывала,
Частешénько перепархивала:
Не ѣдетъ ли мой военный-полковой?
Полоса моя, полосанька,
Что любимая дороженька.
Я умѣла по тебѣ, радость, тужить,
Я умѣла тебя, радость, любить,
По грибочки, по ягодки, по зеленые вѣнички ходить,
Вѣнички, вѣнички на мои на сѣни грянули.
Щекотала ласточка на морѣ,
На морѣ, на сѣромъ на камешкѣ:
— Сними, сними, батюшка, съ камешку съ этова,
Съ камешка сѣрова, сѣрова, сѣрова, бѣлова.

10.

Распустяшныя дѣла...
Гдѣ, миленькій, гулялъ?
Онъ по у́лкамъ, переулкамъ
Путь дорожку проторилъ,
Худу славу проложилъ.
Худа славушка пройдетъ,
Никто взамужъ не возьметъ,
Не посватается.
Не шуми-ка листъ, дубро́ва,
Шу́ми роща зелена́.

Руби древо изъ корня.
Тесалъ доски тонкія,
Дѣлалъ гусли звонкія,
Растакія, раззвонкія,
Разгусѐльцы важныя.
Балалаечка—гудокъ,
Наживемъ съ тобой домокъ.
Соха да борона
Разорила всѣ дома.
Мы сядемъ на лавку
Балалаечку подъ лавку.

11.

Было во прошломъ году,
Уродилося много ягодъ во бору.
Заблуждалася красна дѣвка во темномъ лѣсу,
Потеряла она тѣлогрѣю алу-голубу.
Выходила красна дѣвица на Дунай рѣку,
Становилася красна дѣвица на крутъ бережокъ,
Закричала-то она, заревѣла своимъ громкимъ голосомъ:
— Перевозчикъ, перевозчикъ, парень молодой,
Перевези-ка меня, дѣвицу, на ту сторону домой,
На́ тебѣ подарокъ съ руки перстень золотой,
На запивочку красной водочки полуштовъ,
На закусочку сладкой пряничной пирогъ.
— Не нуженъ мнѣ твой перстень золотой,
Не нуженъ мнѣ твой сладкой пряничной пирогъ,
Дорога ты мнѣ сама.
На ту сторону домой ее везетъ,
Къ золоту вѣнцу ведетъ.

12.

По московской по дороженькѣ,
По московской по широкой.
Бѣжала почта легкая,
Почта легкая государьская, енеральская
Ко богатому крестьянину.
У богатова крестьянина было три сына,
Три сына любезные, сердечные.
— Пойдите-ка, мои дѣтушки, вдоль по улочкѣ,
Вдоль по улочкѣ, вдоль по широкой,
Наконецъ зайдите въ нову кузницу,
Въ нову свѣтлицу;
Скуйте, братцы, по ножечку,
По укладному, по булатному,
Пойдите-ка, мои дѣтушки, во чисто́ поле,
Во чисто́ поле, во ракитовъ кустъ,
Вырубите-ка по гудочку,

Сдѣлайте по жерéбью.
Пойдите-ка, братцы, на Дарью рѣку на широкую,
Раскидайте свои жеребьи.—
Какъ большой-то братъ закинулъ:
Какъ корабль побѣжалъ.
Середній братъ закинулъ:
Какъ соколъ полетѣлъ.
А меньшой-то братъ закинулъ,
Какъ ключъ ко дну пошелъ.
Меньшой то братъ расплакался, разгнѣвался:
— Государь ты мой, родной батюшка,
Будто я тебѣ не сынъ родной,
Будто я тебѣ, какъ пасынокъ!
— Видно тебѣ, дитятко, Богъ велѣлъ,
Богъ судилъ во солдатахъ быть.

13.

У барина, у боярина,
У него-то была дочь хорошая.
Онъ умѣлъ-то ее вспоить, вскормить,
Вспоить, вскормить, взамужъ отдать;
Взамужъ отдать за лютова за разбойничка.
Воръ-разбойничекъ со вечера коня хлесталъ,
Со полуночи со двора съѣзжалъ,
Ко бѣлу свѣту домой прибывалъ,
У новыхъ-то воротъ онъ постукался,
Золотымъ кольцемъ онъ побрякался,
Выходитъ ево молода жена,
Пропускаетъ ево, молодца удалова, пріусталова,
Заводитъ коня воронова,
Снимаетъ съ коня сумочки.
Во первой-то сумѣ: злато, сéребро,
Во второй-то сумѣ: кравинó-платье.
Платье она вынула, на Дунай рѣку пошла
Цвѣтно платье мыть,
Платье вымыла, сама на угóръ пошла,
На угоръ пошла, сама слезно всплакала:
— Охъ, ты мужъ ты мой, чеснóй господинъ,
Ты на что же убилъ моево братца?
— Во первóй встрѣчѣ спуску нѣту-ка:
Нѣтъ ни батюшку, нѣтъ ни матушкѣ,
Наипаче молодой женѣ.

ЗЫРЯНСКІЯ СКАЗКИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сказки записаны мною въ 1900 году въ селахъ: Небдинѣ, Шойнаты и на Вишерѣ. Небдинъ находится отъ Усть-Сысольска въ 90 верстахъ вверхъ по Вычегдѣ, а Шойнаты въ 100 верстахъ.

Суевѣрные разсказы изъ охотничьяго быта записаны въ селѣ Вишерѣ, (находящемся на рѣчкѣ того же имени) ихъ разсказалъ крестьянинъ Тарасъ Ивановъ Игушевъ. Эти разсказы оригинальны, они рисуютъ бытъ охотниковъ въ дремучихъ лѣсахъ сѣвера, изображаютъ ихъ вѣру въ „лѣсного хозяина", который нѣкогда былъ большимъ богомъ Войпелемъ, являющимся олицетвореніемъ сѣверныхъ вѣтровъ, крутящихся въ лѣсахъ лѣтомъ и зимою. Этотъ Войпель („Ночное Ухо") извѣстенъ теперь на Печорѣ подъ именемъ „Шуа", бога, который живетъ въ „каменномъ гнѣздѣ вѣтровъ" Тӧлъ-поз-изъ. Если онъ услышитъ человѣческій голосъ, поднимаетъ вѣтеръ и шлетъ снѣгъ на путниковъ. „Многіе уже погибли въ Уральскихъ горахъ".

„Кокля-макля", о которомъ разсказываетъ Игушевъ, вѣроятно, одинъ изъ членовъ великой семьи мѣстныхъ боговъ—вӧрсаяс,—главой которой былъ Войпель.

Въ разсказѣ о „мельникѣ" передъ нами выступаетъ образъ водяного бога—„васа". Онъ до сегодняшняго дня пугаетъ зырянъ и проситъ „калыма" отъ мельниковъ. Душа человѣка, умершаго безъ причастія, можетъ попасть въ его владѣнія. Этотъ богъ тоже не одинокъ, а имѣетъ много подчиненныхъ божковъ и свою семью „сюраясъ" (сюраясъ—рогатые боги). Разсказъ „Тювӧ" есть повѣствованіе о жизни дѣйствительной личности.

Григорій Тювӧ жилъ на рѣчкѣ Пукдымъ, впадающей въ Вишеру выше села того же названія.

Въ моей книгѣ „Въ поискахъ за Памомъ Бур-мортомъ" приводится характеристика Григорія Тювӧ.

Сказку „Доренька" разсказалъ крестьянинъ села Небдина Алексѣй Андреевъ Латкинъ. Эта сказка—заимствована, она напоминаетъ русскую сказку о ворѣ. Чрезвычайное „пристрастіе къ алкоголю" и мѣткое, грубоватое остроуміе—являются оригинальными особенностями „Дореньки". Въ этомъ выражается своеобразная передача общеизвѣстнаго сюжета.

Сказку „Ракъ молодецъ“ сообщилъ мнѣ церковный сторожъ въ селѣ Шойнаты Александръ Алексѣевъ Савельевъ. Сказка заимствована.

Всѣ эти сказки записаны были мною по-вырянски и затѣмъ дословно переведены на русскій языкъ. Этотъ дословный переводъ, необходимый для науки, нанесъ большой ущербъ литературной сторонѣ дѣла.

Красота языка, мѣткость и картинность рѣчи исчезли.

К Жаковъ.

Вишера.

Разсказы охотника.

Въ старину одинъ мужикъ разъ занялся сдираніемъ шкуръ бѣлокъ. Онъ снялъ сто штукъ и говоритъ—сегодня бы я могъ пятьсотъ снять. Другой братъ говоритъ—замолчи, перестань говорить.— „Перестану говорить, хоть сейчасъ груду бы принесли“.

Тогда въ волоковое окно стали бросать бѣлками (въ то окно, гдѣ идетъ дымъ изъ курной избы). Онъ сталъ погибать отъ бѣлокъ, все бросаютъ, и бросаютъ (въ избу). Братъ научилъ осѣнять крестомъ лапы, (уже не стали снимать шкуръ). Тотъ такъ и сталъ дѣлать. Тогда крикнули съ улицы—„ладно, что съумѣлъ жить, нашимъ былъ бы человѣкомъ“.

Я никакъ не могъ застрѣлить бѣлку. Цѣлый день ходилъ. На одну бѣлку залаяла собака. Я сильно стрѣлялъ ее. Не упала она отъ меня. Я закричалъ—иди, говорю, лѣсной и выстрѣли для меня. Пришелъ человѣкъ, лица своего не показалъ мнѣ, лица его я не видѣлъ. Большой, весьма высокій человѣкъ въ черномъ суконномъ кафтанѣ, онъ пришелъ съ пищалемъ, онъ, выставивъ его, хлопъ—выстрѣлилъ и бѣлка упала. „Бери“, говоритъ, „дядя, бѣлку то“. Человѣкъ ушелъ. Я взялъ бѣлку и въ охотничью сумку (лоз) положилъ. А человѣкъ сказалъ издалека—„ты“, говоритъ, „скажи Кокля-Мокля, что на войнѣ убили его сына“. Я иду и думаю, кто такой это Кокля-Мокля. А пришелъ въ избушку, сварилъ пищу, сталъ ѣсть и затѣмъ я сѣлъ снять шкуру бѣлки и сказалъ своему брату: „я вѣдь не самъ застрѣлилъ“. Братъ лежитъ на нарѣ. „Уйди вонъ, самъ не застрѣлилъ—лѣшій застрѣлилъ“. Братъ не вѣритъ. „Еще онъ сказалъ, ты, говоритъ, разскажи Кокля-Мокля, что на войнѣ его сына убили. А кто для меня Кокля-Мокля“.—„Иди, говоритъ братъ, тебѣ все кто-нибудь что-нибудь разсказываетъ“. Такъ онъ сказалъ, вдругъ полъ поднялся весь до потолка и двери унесло—пыр-ы-ырь! Какъ на улицу вышелъ, все такъ и несся.

Не нужно ругаться въ лѣсу. Изба была не весела, стала свѣтлая послѣ этого. Кокля-Мокля и жилъ подъ поломъ, а тутъ убѣжалъ.

Жилъ-былъ мельникъ. Онъ жилъ на мельницѣ. Была ночь. Туда прибылъ на большой лошади человѣкъ, одѣтый въ парку и проситъ его въ гости къ хозяину. Мельникъ говоритъ „я не пойду". „Если не пойдешь, мельница будетъ нашей". Мельникъ думаетъ: „я не пойду, будетъ зло, если же пойду, можетъ быть и добро будетъ". Вышелъ на улицу. Сани у того синимъ войлокомъ покрыты. „Давай, садись", говоритъ, и открылъ синій войлокъ. Сѣли и, покрывъ его, онъ повезъ. Вдругъ лошадь остановилась и говоритъ тотъ: „вставай". Мельникъ открылъ глаза, смотритъ—большой домъ, во всякомъ окнѣ огонь, весьма свѣтло. „Я", говоритъ, „всталъ и вышелъ". „Иди, иди отдохни". Тамъ народъ работаетъ, кто дѣлаетъ шестерню, кто гвозди, всякую всячину, что̀ водится на мельницѣ. Хозяинъ, сѣдой старикъ, мнѣ говоритъ: „войди во внутрь". Тамъ бабы, дѣвушки, какъ кралечки, стряпаютъ, готовятъ. Я тамъ что̀ дѣлать, дѣлалъ, потомъ, кто меня привезъ, тотъ и увезъ.

Человѣкъ въ паркѣ говоритъ мельнику, „ты знаешь—нѣтъ, что сдѣлала твоя жена?"—„ Нѣтъ, не знаю". „Она вымолотила цѣлый овинъ, и столько конопли льна высѣяла".—„Ты знаешь или нѣтъ Макара на бору?" „Знаю", говоритъ, „онъ мнѣ другъ". Человѣкъ въ паркѣ говоритъ: „онъ тоже мой другъ, ты спроси его куда дѣвался твой другъ?— я человѣкъ сгорѣвшій отъ вина".

Мельникъ пришелъ домой, у бабы спрашиваетъ: „что̀ ты дѣлала вчера?"—„Молотила одинъ овинъ, коноплю мяла". Потомъ онъ пошелъ въ боръ и Макара сталъ спрашивать: „ты съ кѣмъ служилъ на службѣ?"—„Ярославскій былъ со мною, да отъ вина сгорѣлъ".

Ѣдутъ въ Печеру извозчики зыряне. У одного на волоку сани сломались. Товарищи ѣхали дальше. Оставшійся кое-какъ починилъ сани и до зимовки добрался. Онъ тамъ сварилъ себѣ мясо и сталъ ужинать. Вдругъ между досками пола въ отверстіе рука показалась и сжимаетъ пальцы и разжимаетъ. Ямщикъ смотритъ, отрѣзываетъ кусокъ мяса и въ руку влагаетъ. Рука исчезла, но спустя опять показалась, сжимаетъ и разжимаетъ пальцы. Онъ такимъ образомъ все мясо отдалъ, что̀ было сварено, а самъ кое-что поѣлъ и легъ на наръ. Вдругъ вошли человѣка два съ улицы и сказали—„вотъ сюда для насъ опять пришелъ кусокъ мяса". Но изъ-подъ пола отвѣтилъ голосъ: „вы этого человѣка не троньте, мнѣ онъ большое добро сдѣлалъ; я была тяжко беременна сыномъ, меня накормилъ онъ мясомъ. У этого, у бѣднаго, сани поломались, а намъ въ Екатеринбургѣ дали новыя сани, идите, принесите и у этого грузъ, товаръ перегрузите какъ слѣдуетъ". Ямщикъ на другой день проснулся, на улицу вышелъ, сани хорошія, товаръ уложенъ аккуратно, онъ запрягъ лошадь и отправился далѣе.

Около берега люди гребли. Вдругъ изъ воды показалось и говоритъ „еще не пришелъ?"—Разъ и другой разъ такъ говоритъ. Мы думаемъ—кого это ждетъ? Вдругъ туда молодецъ пришелъ, красивый молодецъ. Онъ говоритъ:—„мнѣ нужно будетъ здѣсь выку-

паться“. А мы говоримъ „нѣтъ, здѣсь не купайся“.—„Нѣтъ, я выкупаюсь“. Тѣ увѣщеваютъ и онъ не сталъ купаться. „Но“, говоритъ, „хоть я“, говоритъ, „водой окачусь“. И онъ облилъ себя водой и тутъ же и умеръ. Рокъ догналъ его тутъ, счастья не стало, молитвы не достало.

Сказка Йоремъ.

Жили были старикъ со старухою. У нихъ была одна дочь, Марфа по имени. Отецъ собрался въ лѣсъ на сутки. Онъ сказалъ хозяйкѣ:— „ты дочь не отпускай на бесѣдку“. Какъ только вечеръ насталъ, дѣвушка сильно стала проситься на бесѣдку и мать разсердилась и говоритъ: „пусть тебя унесутъ на то, чтобы никогда больше не видѣть“. Дѣвушка ушла и не возвратилась, и не знаетъ никто, куда она исчезла. Вернулся отецъ и спрашиваетъ: „гдѣ наша Марфа?“—Хозяйка говоритъ: „я не знаю, ушла на бесѣдку и не вернулась“. Однажды отецъ Марфы собрался на базаръ. Шелъ, шелъ, и видитъ ручей течетъ, на берегу, ручья домъ большой. Сталъ смотрѣть—его дѣвушка выходитъ изъ амбара и съ блюдомъ въ рукахъ идетъ въ домъ. А отцу стало пріятно.

— „На-те-ко, мы думали—исчезла, а къ какому хорошему купцу попала“. Вдругъ дѣвушка закричала: „Отецъ, иди отдохнуть“. Отецъ зашелъ въ домъ. Три молодца тамъ живутъ и приняли они его очень любезно. Онъ тамъ отдыхалъ, гостилъ. Стали ему говорить, наказывать: „ты завтра въ городъ придешь, насъ не ищи до конца обѣдни“.—Старикъ пришелъ въ городъ и постоялъ у заутрени и думаетъ затѣмъ найти своихъ молодцовъ, и ходилъ, гулялъ, тѣхъ не нашелъ. Онъ постоялъ у обѣдни и сталъ итти возлѣ лавокъ, на глаза ему попалась его дочь—она торгуетъ въ лавкѣ, и онъ туда пошелъ, его пустили за стойку. Молодецъ сталъ его спрашивать: „тебѣ, старикъ, дѣвушка или товаръ нуженъ?“ Старикъ думаетъ: что̀ я на свое бѣдное житье возьму ее отъ такого богатства. „А ежели что̀ дадите мнѣ изъ товара, мнѣ будетъ хорошо“. Тутъ дѣвушка вдругъ громко сказала: „Ахъ, батюшка, если бы ты меня попросилъ, меня бы еще отпустили, а теперь меня не отпустятъ“.

Товару наложили старику въ сани и говорятъ: „иди домой и торгуй“. Старикъ прибылъ домой и хвастаетъ предъ старухой: „на-те-ка вотъ, мы думали наша Марфа потерялась, а она у очень богатаго купца живетъ, и вотъ намъ они очень много товару дали и велѣли торговать“. Старикъ со старухою построили лавку и стали торговать, и у нихъ товару не уменьшалось никогда и не исчезало.

Разъ старикъ со старухою собрались идти въ гости къ дочери. Шли, шли и пришли на то мѣсто, гдѣ стоялъ домъ. Но его не увидѣли. Обратно вернулись домой. Такъ они жили, были дома.

Разъ старикъ опять захотѣлъ идти. И отправился одинъ. Онъ увидалъ домъ на прежнемъ мѣстѣ. Онъ тамъ пилъ, ѣлъ, гостилъ. Опять захотѣлъ домой вернуться, а дочь ему и говоритъ: „ты, батюшка, меня больше никогда не увидишь“. Такъ старикъ вернулся домой, разсказалъ хозяйкѣ, какъ онъ ходилъ, гостилъ. И до смерти они вѣкъ свой торговали.

„Тювӧ“ (лѣсной колдунъ).

Изосимъ и Савватій не приняли его въ Соловецкій монастырь. Въ другой разъ онъ былъ въ Ношулѣ и тамъ умеръ. Онъ жилъ въ лѣсу у верховьевъ Вишеры—двадцать верстъ отсюда. У него былъ домъ, который сгорѣлъ. Дѣтей не было. Деньги хранилъ въ скамейкѣ, въ ящичкѣ. Сынъ пріемышъ говоритъ: „обновить нужно скамейку и приступокъ также. Тювӧ деньги перенесъ въ лѣсъ. „Мы ищемъ деньги“.—„Въ Пукдымъ—бору черника крупная, а въ кересъ мелкая“ (слово тювӧ) „Мы идемъ въ кересъ“ (значитъ деньги тамъ)—„А вы оказывается изъ кереса брали?“—Собрали по лѣсной дорогѣ полную корзину. Тювӧ деньги въ другое мѣсто перенесъ. А тамъ пустой ящикъ оставилъ. Потомъ деньги съ собою взялъ въ дорогу, послѣ смерти товарищъ деньгами воспользовался.— У Тювӧ былъ быкъ. Отъ быка и обогатѣлъ онъ, овцы не жили.

Шесть верстъ поднялись. Одинъ пробовалъ (оскопить) быка, другой пробовалъ. Тювӧ вышелъ, положилъ рукавицы на быка и безъ завязыванія оскопилъ.

У него была лошадь Чибунъ семи лѣтъ. Разъ пришли коновалы и зашли къ нему. Онъ отвѣтъ далъ: „зачѣмъ сюда вы пришли?—Васъ кто-нибудь сюда послалъ изъ Вишеры? Вы согрѣйтесь и спуститесь обратно, я самъ оскоплю. Я самъ всѣмъ коноваламъ—коновалъ“.

У насъ погода стала плохая. Мы жнемъ, дождитъ, а жнемъ; меня онъ очень любилъ. Мнѣ онъ велитъ учиться заговорамъ.—„У тебя, можетъ быть, злыя слова“.—Что̀ я скажу—ты и повторяй.—Я нѣтъ, у отца спрошу.—Твой отецъ немного знаетъ, моя собака сказываетъ, когда Емель идетъ, собака лаетъ. Отецъ мнѣ сказалъ—не учись, я самъ научу.

Доренька.

Жилъ былъ Иванъ—купецъ. У него было двѣнадцать слугъ. Одинъ изъ нихъ Доренька. Ему работать было весьма лѣнь. Разсказали хозяну—онъ де очень лѣнивъ, ничего онъ не работаетъ.—„Утромъ рано, когда мы встаемъ на работу и отправляемся—онъ обуваетъ одну ногу, а когда мы идемъ на паужинъ—другую“. Хозяинъ пришелъ и говоритъ: „ты“, говоритъ, „Доренька иди теперь искать ремесло, вотъ тебѣ 300 рублей“. Онъ взялъ триста рублей и отправился искать ремесло. День идетъ и другой идетъ, да и недѣлю; приходитъ въ городъ, заходитъ въ кабакъ. Въ кабакѣ сидитъ человѣкъ, спрашиваетъ у цѣловальника: „что же здѣсь дѣлаетъ этотъ человѣкъ?“—„Съ похмѣлья онъ, онъ большой мастеръ шить сапоги, всю одежу онъ здѣсь пропилъ“. Доренька говоритъ: „научи меня, я выкуплю вещи“.—Научу.—„За сколько же заложилъ ихъ?—за сто руб.“—Доренька далъ сто руб. Отправились они шить. Стали шить.

Доренька не умѣетъ, его бьютъ. Полгода били человѣка. Въ другіе полгода онъ опередилъ самого мастера.

Онъ опять собрался: „мнѣ необходимо найти второе ремесло,— три найти мнѣ велѣлъ хозяинъ“. Идетъ день, да и другой. Опять въ городъ приходитъ. Онъ опять въ кабакъ заходитъ. Человѣкъ въ кабакѣ сидитъ. У цѣловальника спрашиваетъ: „что онъ здѣсь дѣлаетъ?“—„Съ похмѣлья голова у него болитъ, все имущество онъ пропилъ. Онъ былъ портной“.—Доренька спрашиваетъ. „За сколько онъ пропилъ?“—„За сто рублей“.—„Если меня научить—я выкуплю вещи“.—„Научу“, говоритъ. Сто рублей Доренька далъ. Пошли они заниматься шитьемъ. Стали шить только матерію портятъ, ничего не выходитъ. Первые полгода опять его бьютъ, уча. Другіе полгода онъ и научился, и опередилъ мастера. „Дай-же я пойду—ремесло опять далось. Нужно третье“. Опять онъ собрался въ дорогу Шелъ онъ день и другой. Потомъ и въ городъ прибылъ. Въ городѣ просился на ночлегъ во многихъ мѣстахъ, никто его не пустилъ. Онъ тогда пошелъ къ овинамъ, да и легъ тамъ у хлѣбнаго скирда. Темно стало уже, онъ слышитъ—какіе-то идутъ. Доренька думаетъ: кликнуть или нѣтъ. Доренька сказался: кого тамъ слышно? Тѣ сказали: „мы-де ходимъ, воруемъ ночью“.—„Меня—не научите?“—„Научимъ“, говорятъ, „завтра утромъ приходи къ хозяину“. Онъ всталъ утромъ и явился къ хозяину.—„Что же ты скажешь, Доренька?“—„А вотъ что“, говоритъ, „я пришелъ къ тебѣ учиться воровать“.—„Сто рублей дашь,—научу“, тотъ отвѣчаетъ. Доренька сто рублей далъ. На другой день онъ и вышелъ воровать. Онъ вышелъ воровать—ничего ему не попадается, а двѣнадцать другихъ выходили—принесли много одежи и всякаго добра. Дореньку стали бить—отчего ты не воруешь, тебѣ лѣнь, видно. Такъ полгода трудились, уча его, и все били такъ его. Другіе полгода онъ научился и воровать: что украдутъ двѣнадцать товарищей, столько онъ одинъ приноситъ. „Потомъ“, говоритъ, „я и домой пойду, у человѣка деньги взялъ, нужно и ремесло показать“. Онъ вернулся домой. Сталъ распрашивать Иванъ-купецъ: „что уже за ремесло далося тебѣ?—Сапоги шить умѣю.—Ну, такъ сшей мнѣ сапоги.“. Кожу онъ далъ ему. Доренька началъ шить. А Иванъ-купецъ и говоритъ: „гдѣ отъ такого шитье, даже онъ ногу то не смѣрялъ“. Доренька отправился и скроилъ сапогъ и сшилъ его. На другое утро принесъ его купцу. Иванъ-купецъ надѣлъ ихъ. „Вотъ такъ диво! Ты не мѣрялъ, а какъ въ точку. Какое же второе ремесло знаешь?“—„А вотъ что: шить умѣю одежу“. Купецъ опять далъ товару Доренькѣ. „Ну-ка, вотъ на завтрашній день сдѣлай мнѣ шаровары, пиджакъ, жилетъ и все что бы было“. Ушелъ Доренька, взявши товаръ; пришелъ домой, сталъ кроить онъ для купца. Къ утру рано онъ приготовилъ. Пиджакъ, шаровары принесъ. „Вставай, Иванъ-купецъ, надѣвай все“. Надѣлъ тотъ, какъ будто съ него и было, какъ будто съ него и кроено. „Эко диво! Какой ты мастеръ шить! Какое же твое третье ремесло?“—А я умѣю воровать.—„Если умѣешь воровать—до завтра лошадь укради, а я поставлю двѣнадцать человѣкъ караульщиковъ“. Доренька ушелъ. Онъ ушелъ въ кабакъ. Купилъ онъ четверть спирту и къ вечеру возвратился къ Ивану-купцу подъ окно. Какъ-то онъ въ домъ проникъ. Какъ-то въ курят-

никъ запрятался. Иванъ-купецъ вернулся, раздѣлся, легъ и уснулъ. Доренька въ его платье одѣлся и вышелъ къ караульщикамъ. „Смотрите, караульщики, сегодня не спите, Доренька придетъ, лошадь украдетъ. Не выпить ли вамъ винца? Не желаете ли", говоритъ, „винца выпить?"—„Выпьемъ", говорятъ, „зябнемъ, потому что ночь вѣдь тяжело". По чашкѣ онъ далъ имъ спирту. „Пожалуйста не теряйте ключа, а то онъ придетъ и ключъ украдетъ". Одинъ и отвѣчаетъ: „у меня не возьметъ, у меня на груди припрятанъ ключъ".—„А не хотите ли по другой чашкѣ, вина то еще осталось тамъ". И по другой угостилъ онъ ихъ. Потомъ онъ обратно вошелъ въ домъ. Одежду купца снялъ съ себя и вышелъ опять на улицу; караульщики всѣ свалились съ ногъ. Онъ взялъ ключъ у того, кто говорилъ, что у него на груди онъ, и лошадь взялъ и увелъ, а ключъ положилъ обратно въ пазуху тому. Проснулись караульщики. „Но ключъ то еще у меня". Иванъ-купецъ пришелъ къ нимъ.—Что былъ Доренька?—Нѣтъ, у насъ онъ не былъ.—Но гдѣ же вы вина напились? — Самъ ты былъ у насъ. Тамъ посмотрѣли, а лошади нѣтъ. „О, видно это Доренька укралъ". Дореньку пригласили, опять пришелъ къ Ивану-купцу. „Что, лошадь ты укралъ?—Ты велѣлъ, такъ съ большою радостью заказанное то.—Куда же ты дѣвалъ лошадь?—У вора есть мѣсто, безъ мѣста онъ воровать не станетъ.—А вотъ еще: сможешь ли ты деньги украсть? Я на окно положу и тутъ лѣстницу поставлю съ улицы. Мы сами караулить будемъ съ топоромъ въ рукахъ, чтобъ ты не смогъ украсть". Доренька ушелъ и ходилъ по дорогѣ. Онъ увидалъ церковнаго сторожа. „Пантелеймонъ", онъ кричитъ его: „не хочешь ли вина выпить?—А на что я буду пить, денегъ то вѣдь нѣтъ". Доренька ушелъ съ нимъ и напоилъ его виномъ. „Смотри же", говоритъ онъ, „ты не теряй ключа отъ церкви, ты вѣдь навеселѣ.—Не потеряется, у меня онѣ на груди". Потомъ онъ напился и уснулъ. Доренька ключъ взялъ, отправился въ церковь, тамъ былъ покойникъ, умершій человѣкъ. Онъ взялъ того человѣка изъ гроба и пошелъ съ такой ношей къ Ивану-купцу. Купецъ смотритъ въ окно: Доренька ужъ идетъ. Онъ поднялся по лѣстницѣ и сталъ деньги доставать, а онъ досталъ то покойникомъ. Умершаго человѣка онъ голову просунулъ въ окно, тому голову и перерубили. Она упала на полъ. „А, вотъ отъ меня не убѣжалъ, попался". И тутъ вышелъ купецъ съ женою на улицу. Доренька межъ тѣмъ—хвать деньги, да мертвое тѣло, и убѣжалъ. Вернулся онъ въ церковь и какъ было—на прежнее мѣсто все положилъ. Иванъ-купецъ бы и вышелъ на улицу, да никого нѣтъ. „Это видно опять Доренька то всѣ деньги укралъ". Вернулась въ комнаты обратно чета. Денегъ нигдѣ нѣтъ. Дореньку опять пригласили. Что, укралъ? — Заказанное какъ не украсть, когда мы и безъ приказу воруемъ.—„Если ты сегодня ночью постель изъ подъ меня украдешь—вотъ ты человѣкъ". Доренька отправился на базаръ. Взялъ онъ буракъ и гущу влилъ въ него, и двѣ свистульки купилъ, и вернулся къ Ивану-купцу. Какъ заснулъ купецъ съ женой, онъ между ними и влилъ этой гущи, а слугамъ волосы перевязалъ, а въ ротъ имъ свистульки вложилъ. Купецъ проснулся. „Что такое между нами?" А жена говоритъ: „не кричи, иди разбуди слугъ, убе-

руть“. Стали будить прислугу, тѣ вступили въ драку между собою: „ты меня тащишь за волосы, а ты меня“. Доренька говоритъ: „тише, подождите, я вынесу“ (постель). Доренька взялъ постель и былъ таковъ. Ждутъ супруги, слуга не приноситъ постели. „Это видно Доренька укралъ“. Встали, вызвали Дореньку: „ты укралъ постель?— Какъ ужъ не украсть, коль велѣно, когда мы безъ приказанія воруемъ.—„Если ты въ эту ночь мою жену украдешь—вотъ ужъ ты человѣкъ“.

Доренька отправился на базаръ. Купилъ тамъ поросенка и вернулся къ купцу Ивану. Прокрался въ домъ и спрятался въ курятникѣ. Какъ только мужъ съ женою уснули, Доренька поросенка положилъ между ними. Мужъ проснулся и испугался, что сдѣлалось съ женою? „не шуми, сейчасъ и уберемъ все“. Потомъ стали будить слугъ, а тѣ вступили въ драку, потому что у нихъ волосы были перевязаны. Доренька пошелъ къ нимъ: „что съ вами, что вы кричите?—Вотъ что то съ купчихой случилось, тутъ нужно кое-что убрать“. Доренька взялъ жену купца и вывелъ на улицу, затѣмъ— взялъ ее въ охапку и убѣжалъ. Купецъ ждетъ-пождетъ жену, а баба такъ-таки и не вернулась. „Это видно опять дѣло рукъ Дореньки. Ну, что, Доренька, ты укралъ мою жену?—Укралъ.—А обратно не возвратишь мнѣ?—А почто же дамъ краденое, никто никогда не возвращаетъ.—Ну, такъ дай же, сними свою одежу, я надѣну ее, а ты мою. Доренька сталъ купцомъ и съ женою его сталъ жить, а купецъ пошелъ по міру просить милостыню.

Жилъ-былъ купецъ и другой купецъ такой же богатый; у нихъ были у одного сынъ, а у другого—дочь. Они вмѣстѣ росли, и одинъ говорилъ—я возьму тебя замужъ, другая говорила—я выйду за тебя. Купецъ, отецъ дѣвушки, обѣднѣлъ, а сына другого купца отецъ и мать стали женить, а сынъ никуда не идетъ свататься, какъ только къ той дѣвушкѣ, а отецъ говоритъ: „кого хочешь бери, только ее не надо“. Ни отецъ, ни мать не даютъ ту взять замужъ. Тогда купеческій сынъ рѣшился ночью убѣжать на кораблѣ въ чужую землю вмѣстѣ съ дѣвушкой. Такъ и вышло. Они въ чужой землѣ обвѣнчались. Они (послѣ этого) обратно собрались на родину. У нихъ разбился корабль, поэтому они стали починять его на берегу морского острова. Молодые вышли гулять на морской островъ и бродили по нему; потомъ мужъ молодой уснулъ на лугу, а жена дальше пошла и потерялась въ высокой травѣ. Купеческій сынъ проснулся, и обратно побѣжалъ къ кораблю, а жены тамъ не было. Горько заплакалъ онъ тутъ на берегу. Плачетъ и смотритъ—ѣдутъ на двухъ лодкахъ, и всѣ длинноволосые, и (послѣдніе) остановились противъ него. Его—купеческаго сына Ивана—схватили, руки, ноги связали, и въ лодкѣ уже было связанныхъ два-три человѣка. Длинноволосые развели огонь на лугу; затѣмъ взяли одного изъ связанныхъ, изжарили и съѣли. Потомъ они стали играть, расположившись кругомъ; покружившись, они всѣ уснули. Одинъ былъ въ лодкѣ человѣкъ, котораго развязалъ Иванъ-купеческій сынъ, а тотъ, въ свою очередь, Ивана развязалъ. Они вдвоемъ пустились бѣжать, а длинно-

волосые, проснувшись, пустились въ погоню за ними. На дорогѣ встрѣтилась вода—аршинъ глубины. Иванъ-купеческій сынъ перешелъ въ бродъ, а тотъ не осмѣлился, и тутъ его схватили. Иванъ-купеческій сынъ на берегу моря спрятался подъ корнемъ дерева. Тѣ сюда прибѣжали, да и искали трое сутокъ и все шумѣли, а затѣмъ голоса ихъ умолкли. И вышелъ Иванъ на волю, на островъ. Тамъ онъ жилъ около полугода. Разъ онъ спустился къ морю и сѣлъ около обрыва. Сидитъ и смотритъ—показались опять двѣ лодки и на нихъ какіе-то длинноволосые люди. Тамъ какой-то звѣрь жилъ въ пещерѣ, онъ въ ней и спрятался. Какъ разъ противъ него и остановились двѣ лодки, и пришельцы всѣ поднялись на берегъ, а лодку оставили тамъ у рѣки. Иванъ спустился, сѣлъ въ лодку и сталъ переѣзжать, но вспомнилъ, „эхъ-ма, надо было взять другую то лодку". Онъ поѣхалъ къ другому острову. Въ лодкѣ сталъ ребенокъ плакать. Иванъ пріѣхалъ на другой островъ, устроилъ себѣ избушечку, а для ребенка нашелъ въ лодкѣ немного молока въ буракѣ. Въ лодкѣ же нашелъ пищаль, пули, порохъ. Это все отъ длинноволосыхъ. На островѣ было много дичи. Черезъ пятнадцать лѣтъ пріемышъ сынъ сталъ говорить Ивану: „птицъ осталось здѣсь мало, поѣдемъ на другой островъ". Они отправились. Лодка хотя у нихъ и была, но была разбита. Все-таки они въ нее сѣли. Ѣдутъ — вода въ лодку идетъ. „Охъ, батюшка, вода, утонемъ. Ты сильнѣе греби". Кое-какъ добрались они до берега. На этомъ островѣ построили опять избушечку и зажили. Иванъ говоритъ: „если ты увидишь длинноволосаго, то сейчасъ же стрѣляй". Сынъ одинъ день ходитъ по острову, другой день, разъ и видитъ—идетъ длинноволосый. Онъ думаетъ: „отецъ велѣлъ тотчасъ же стрѣлять, а къ чему, этотъ не сможетъ же меня и не посмѣетъ". Оказывается длинноволосый — дѣвушка была. И стала она разговаривать. Сынъ Ивана и спрашиваетъ: „ты откуда?" А дѣвушка стала разсказывать: „моя мать вышла было замужъ за купца Ивана, они на чужой сторонѣ обвѣнчались, на обратномъ пути Иванъ купецъ оставилъ мою мать на островѣ". Такъ сынъ Ивана сталъ часто и подолгу пропадать, онъ день и другой разговариваетъ и встрѣчается съ дѣвушкой. А отецъ сталъ думать: „что это мой сынъ каждый день такъ долго ходитъ?". Разъ утромъ сынъ ушелъ на охоту, а отецъ Иванъ сталъ за нимъ подсматривать; смотритъ—сынъ встрѣтился съ дѣвушкой. Отецъ крикнулъ—и тѣ оба стали бѣжать. Отецъ говоритъ: „ты не бѣги". Сынъ вернулся. Отецъ сталъ распрашивать: „это кто такая длинноволосая дѣвушка?" Сынъ все и разсказалъ и прибавилъ: „здѣсь и мать живетъ. Около ручья въ избушечкѣ онѣ живутъ". Отецъ и догадался: „это непремѣнно моя жена. Но такъ давай же мы сходимъ къ ней, сыночекъ мой". Они отправились и пришли къ нимъ. У нихъ одежды нѣтъ, изъ листьевъ было сшито. Встрѣтились—такъ и есть его жена. Они рѣшили тутъ, что можно сына и дочь повѣнчать. И обвѣнчали ихъ. Такъ двѣ пары тутъ и зажили и домъ построили. Тамъ иногда они видывали корабли. Тѣ стали приставать къ берегу и все приносить съ собою и скотъ дали имъ. Такъ они зажили хорошо и теперь живутъ.

К. Жаковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОТДѢЛЪ III.

Библіографія.

Къ свѣдѣнію гг. авторовъ.

О книгахъ, брошюрахъ и оттискахъ статей этнографическаго характера, присланныхъ въ редакцію „Живой Старины“ (И. Р. Геогр. Об-во у Чернышева моста, съ надписью „для рецензіи“), кромѣ напечатанія ихъ списка, сотрудниками будутъ даваться рецензіи.

Е. Ѳ. Будде, Лекціи по исторіи русскаго языка, 1906/7 академическій годъ. Казань. Университетская Типографія. 1907. 253 стр., 8°.

Лингвистическая литература по русскому языку такъ обширна и вмѣстѣ съ тѣмъ настолько разбросана, что всякая попытка собрать всѣ данныя по исторіи русскаго языка въ *одномъ* изслѣдованіи и такимъ образомъ оказать услугу и облегчить трудъ начинающимъ лингвистамъ, должна быть принята съ сочувствіемъ и благодарностью. Съ этой точки зрѣнія мы радостно привѣтствуемъ появленіе книги, заглавіе которой нами выписано, тѣмъ болѣе, что она знакомитъ насъ въ популярной формѣ съ нѣкоторыми взглядами проф. Фортунатова, которые въ печать отчасти еще не проникли; вмѣстѣ съ тѣмъ въ трудѣ Будде главное вниманіе обращено на *объясненіе* лингвистическихъ фактовъ, въ чемъ онъ является цѣннымъ для начинающихъ дополненіемъ къ извѣстнымъ „Лекціямъ“ Соболевскаго. Впрочемъ, авторъ выступаетъ со своей книгой не безъ претензій: уже въ предисловіи онъ называетъ „Лекціи“ Соболевскаго справочнымъ указателемъ, между тѣмъ какъ эти „Лекціи“ стоятъ нисколько не ниже его труда и впредь останутся необходимымъ пособіемъ для изученія исторіи русскаго языка въ университетѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, недостатокъ лекцій Соболевскаго,—отсутствіе указаній на литературу по каждому вопросу—присущъ и труду Будде, и притомъ въ бо́льшей степени: указатель въ концѣ книги напр. не содержитъ нѣкоторыхъ цѣнныхъ изслѣдованій проф. Бодуэна де Куртенэ, какъ Лингвистическія замѣтки и афоризмы, Ж. М. Н. Пр. CCCXLVI, 279—334, CCCXLVII, 1—37, Глоттологическія замѣтки, вып. I, Воронежъ 1877, Отрывки изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка,

вып. I, Воронежъ 1882 и др. На подобнаго рода пропуски я бы не сталъ обращать вниманіе, если бы не замѣтилъ, что Будде изъ своихъ собственныхъ работъ не пропускаетъ ни одной статьи (245), а затѣмъ приводитъ даже книги въ родѣ Историч. грамм. Буслаева (246), не имѣющія уже научной цѣнности, и наконецъ, что всего болѣе странно— несуществующія изслѣдованія, какъ Fortunatov, Vorlesungen, übersetzt v. E. Berneker, Strassburg 1900 (!).

Кромѣ отсутствія литературныхъ ссылокъ я замѣтилъ въ „Лекціяхъ" Будде еще нѣсколько чертъ, присутствіе которыхъ въ печатномъ курсѣ значительно умаляетъ его значеніе. Лишь попутно укажу на шероховатости изложенія, въ родѣ: „Ваше вниманіе" (227), „другой мой курсъ" (238 и 241), которыя авторъ могъ бы устранить при болѣе внимательномъ чтеніи корректуръ,—это мелочи; но уже менѣе пріятно читателя поражаетъ цѣлый рядъ случаевъ *смѣшенія буквъ со звуками,* напр. стр. 30, строка 15, стр. 85, строка 2, стр. 91, строка 2 etc., затѣмъ стр. 97, 103, 110, 134, 152 и проч., гдѣ постоянно повторяются выраженія въ родѣ: глас*ная*, носов*ая* etc. [1]). Подобнаго рода ошибки еще допустимы въ изслѣдованіяхъ о языкѣ памятниковъ, но въ трудѣ, гдѣ главное вниманіе обращено на изученіе современнаго состояніе языка и діалектологію, какъ работа Будде, это менѣе пріятно.—На стр. 31 авторъ указываетъ лат. palatium „небо" вм. palatum; на стр. 37 въ параллель образованію въ началѣ словъ *о* на русской почвѣ изъ *е* передъ слѣдующимъ палатальнымъ согласнымъ, которое Будде объясняетъ согласно ученію Ф. Ѳ. Фортунатова,—указывается новогреческое измѣненіе Anlaut'a, что совсѣмъ не подходитъ, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ Sandhi'ческимъ явленіемъ, см. Foy BB. XII 39 sq, Lauts. 117, Thumb Handbuch 39 sq, IF VII 1 sq. VIII 14 sq, Jannaris Hist gr. gr. 81, Dieterich Unters. 29—37, Hatzidakis Einl. 321 sq, Kretschmer Lesb. Dial. 133 sq [2]). Этой неудачной мыслью, позаимствованной Будде изъ лекцій Соболевскаго, объясняется неудачная попытка его объяснить начальное *о* въ словѣ *опитемья* и пр. греческимъ явленіемъ (38), см. объ этомъ нашу статью Виз. Врем. XIII 452 sq.—Изложеніе судьбы общеславянскихъ сочетаній:-tort-,-tolt-,-tert-,-telt-на русской почвѣ у нашего автора (25) можетъ заставить вѣрить начинающихъ, будто „полногласныя" формы получились изъ сочетаній-trat-,-tlat- и проч.,—мнѣніе, которое, ввиду страннаго способа преподаванія старославянскаго языка въ нашихъ гимназіяхъ, легко устанавливается у многихъ студентовъ.—На стр. 39 сл. Будде излагаетъ судьбу носовыхъ гласныхъ на русской почвѣ; досадно, что онъ при этомъ не указалъ на рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ объ образованіи изъ ę широкаго ą̈, откуда чрезъ постепенное ослабленіе носового резонанса *а* съ среднеязычностью предшествующаго согласнаго. Дѣло въ томъ, что на это указываетъ передача греч. αν чрезъ русск. ѧ, откуда *а*:

---

[1]) Тѣмъ же смѣшеніемъ буквъ со звуками объясняется въ изложеніи Будде выраженіе: *слѣва на право* (118) и пр.

[2]) Я нарочно указываю здѣсь всю извѣстную мнѣ литературу объ этомъ греческомъ явленіи, чтобы убѣдить славистовъ въ необходимости отдѣлить греческое явленіе отъ славянскаго. Сравненіе въ данномъ случаѣ только осложняетъ рѣшеніе вопроса и безъ того уже сложнаго.

олждь, χελάνδιον; фрагъ, φράγκος, наоборотъ βάραγγοι: варагъ, и т. п. Подобнымъ же образомъ изъ греч. заимствованій можно убѣдиться въ измѣненіи на русской почвѣ: ж>ц>и; сравни греч. κουμβάρα>др.-р. кжбара; затѣмъ финскія: kuontalo: кждѣль, suntia: сждии, эст. und: жда (см. Mikkola Berührungen 47—50), въ чемъ я вижу свидѣтельства того, что въ эпоху непосредственно до исчезновенія носовыхъ гласныхъ на русской почвѣ ст.-слав. ж на русской почвѣ соотвѣтствовалъ гласный болѣе узкій, а ст.-слав. а—гласный болѣе широкій.—Излагая судьбу сочетаній, соотвѣтствующихъ на русской почвѣ ст.-слав.-trъt-,-tlъt-<-tъrt-,-tъlt-, Будде (52 сл.) опять принимаетъ ученіе Фортунатова, что въ праславянскомъ языкѣ въ этихъ случаяхъ имѣлись сочетанія ъ+sonor, ь+sonor; причины такого рѣшенія врядъ ли могутъ быть признаны уважительными: если авторъ (54 и 65 сл.) ссылается на палатализацію заднеязычныхъ въ формахъ чьрвь, жьлтъ, то онъ забываетъ, что эти формы такъ же удовлетворительно могутъ быть объяснены, если согласиться съ существованіемъ сонантовъ въ общеславянскомъ языкѣ: вѣдь „смягченіе" здѣсь могло появиться подъ вліяніемъ среднеязычныхъ сонантовъ r̥', l̥', значитъ: *к'r̥'nъ > č r̥nъ, g'l̥'tъ > ž l̥'tъ.—На стр. 46 и 56 сл. Будде строитъ балтійско-слав. *вьлкос, въ то время какъ другіе изслѣдователи въ данномъ случаѣ довольствуются формой vl̥'qos и при томъ съ большимъ правомъ, см. Walde 354, G. Meyer Gr. Gr.[3] 69, 233 и 262; въ виду греч. λύκος рядомъ съ этой формой индоевропейскому праязыку приписывается другая—*luqᵘo-s (см. Brugmann Gr. Gr.[3] 116 и Grundriss I[2] 260), также едва ли не безъ основаній: лат. lupus, которое по фонетическимъ причинамъ должно быть признано заимствованіемъ изъ сабинскаго языка (см. Walde c. l. Osthoff IF IV 279), наводитъ насъ на мысль, что и греческое λύκος заимствовано изъ одного изъ сѣверно-балканскихъ языковъ, хотя бы иллирійскаго (потомокъ котораго алб. ul'k, см. G. Meyer BB VIII 191, Alb. St. III 3), при чемъ иноязычный звукъ l̥ переданъ чрезъ λυ-. Но принимая во вниманіе этотъ фактъ, мы не можемъ понять, почему авторъ строитъ цѣлый рядъ выводовъ относительно „возсоздаваемаго" имъ сочетанія-ь л-только на одномъ примѣрѣ (стр. 65 сл.), столь сомнительномъ, тѣмъ болѣе, что книга его предназначена для начинающихъ.—Съ нѣкоторымъ удивленіемъ мы находимъ у Будде индоевропейскіе „звуки" *a*[e], *a*[0] (стр. 31, 34, 35, 62 сл., 79 etc); вѣдь въ настоящее время уже не позволительно сомнѣваться въ томъ, что „праязыкъ" зналъ гласные *o* и *e*; въ этомъ, вѣроятно, съ нами согласится и самъ авторъ, но въ такомъ случаѣ знаки въ родѣ указанныхъ выше только и могутъ привести въ заблужденіе. Что авторъ имѣетъ въ виду именно начинающихъ лингвистовъ, въ этомъ насъ убѣждаетъ, кромѣ предисловія, слишкомъ уже популярное (хотя не безполезное) изложеніе первыхъ лекцій (стр. I—II, 15—28, 43 сл. etc.), болѣе умѣстныхъ, пожалуй, въ курсѣ по общему языкознанію.—На стр. 69 сл. Будде безъ оговорокъ возводитъ слово ходъ къ sed-, что также не способствуетъ ясности его курса. Для пониманія начальнаго *х* не помѣшала бы ссылка на объясненіе Pedersen'a JF V 62 сл. Также съ оговоркой надо понимать сравненіе ст.-сл. съто: греч. ἑκατόν (70 и 81), см. Pedersen K Z XXXVIII 386 sq, Walde 113.—

Я не понимаю совершенно, почему Будде приписываетъ звуку *v̇* билабіальное произношеніе въ формахъ въ родѣ праслав. *g v ě z d a (73), вѣдь гораздо проще предположеніе, что согласный лабіодентальный *v* подвергся вліянію слѣдующаго палатальнаго гласнаго и объясняемую такимъ образомъ среднеязычность сообщилъ предшествующему заднеязычному согласному, что́ и вызвало его „смягченіе“.—На стр. 48 авторъ говоритъ, что „дѣтская рѣчь служитъ нагляднымъ примѣромъ слагающейся рѣчи“; этотъ неясный способъ изложенія также можетъ имѣть непріятныя послѣдствія, ибо читатель можетъ подумать, что Будде еще принадлежитъ къ числу ученыхъ, которые изъ дѣтской рѣчи стараются разузнать „происхожденіе языка“. Насъ поражаетъ также заявленіе, что законы, которымъ подчинены психологическія измѣненія въ языкѣ, еще не найдены (50 сл.).—Слишкомъ сложно Будде себѣ представляетъ измѣненіе общеслав. tj, dj, ktj, gtj, etc. (86), слишкомъ рѣзко онъ отдѣляетъ общерусскій періодъ отъ періода образованія русскихъ говоровъ (76), что́ противорѣчитъ вполнѣ правильному его заявленію, что *даже въ одной семьѣ встрѣчаются разные языки*.—Какъ подтвержденіе изложенной у нашего автора (93—95) теоріи Фортунатова о лабіализаціи e > ö укажемъ на явленіе, отмѣченное нами въ другомъ мѣстѣ (Извѣстія XI, 2, 387 сл.); въ этомъ мѣстѣ мы забыли указать, что особенно важно, на то, что знакомъ *e* передается греческое сочетаніе cons. pal и *j+o* какъ подъ удареніемъ, такъ и въ неударяемомъ положеніи.—Вопросъ объ образованіи оконч. род. п. ед. ч. сложныхъ мѣстоименій и прилагательныхъ Будде рѣшаетъ въ сторону фонетической теоріи Фортунатова (126 sq 130 сл., 231 сл.). Насъ удивляетъ, что онъ совершенно игнорируетъ психологическое объясненіе этого явленіе Ильинскаго (см. его Сложныя мѣстоименія[2] 120 сл., затѣмъ Извѣстія XI, 4, 144—156), которое мнѣ кажется несомнѣннымъ послѣ послѣднихъ разъясненій этого выдающагося лингвиста.—Совершенно непонятно для меня, на чемъ Будде строитъ свою гипотезу объ измѣненіи *l > ł* въ общеславянскомъ языкѣ (96 сл.), тѣмъ болѣе, что существованіе „gutturales“ *l* доказано для латинскаго языка (см. Бодуэнъ де Куртенэ, Лат. Фон. 79 сл.) и для греческаго, если принять во вниманіе измѣненіе λ > υ въ критскомъ говорѣ (см. Blass,Usspr.[3] 79).—На стр. 152 сл. Будде старается доказать существованіе въ древне-русскомъ языкѣ звука *ü* въ соотвѣтствіе современному *и* послѣ среднеязычныхъ согласныхъ, при чемъ онъ ссылается на передачу греч. υ чрезъ русск. ю. Къ сожалѣнію здѣсь Будде не принялъ во вниманіе, что на греческой почвѣ уже установился въ это время такъ назыв. итацизмъ, т. е. измѣненіе υ, οι, η, ει > ι; если же имѣется *у* или *ю* въ заимствованныхъ словахъ, то въ немъ слѣдуетъ видѣть признакъ книжнаго заимствованія (см. М. Фасмеръ, Извѣстія XII, 2, 210).—Въ выраженіи во лузяхъ (156) Будде видитъ Loc. pl. отъ слова лугъ, значитъ болѣе древнее *лузѣхъ, хотя Ильинскій Ж. Ст. XVI, 1, стр. 39—42, далъ болѣе правильное объясненіе этой формы изъ nom. sing. лузь.—Разсужденіе объ экспираторномъ удареніи въ русскомъ языкѣ (189) можетъ произвести впечатлѣніе, будто повышеніе и пониженіе голоса въ русскомъ языкѣ никакой роли уже не играетъ, см. однако Брокъ,

Отчетъ отд. русск. яз. и слов. 1902 г., стр. 4 сл. Между тѣмъ теперь уже можно считать доказаннымъ, что нѣтъ ни языковъ съ исключительно экспираторнымъ, ни языковъ съ исключительно музыкальнымъ удареніемъ (см. Bremer, Deutsche Phonetik 185, Sievers Phonetik[5] 204, Pauls Grundriss I 284, Stolz, Lat. Gr. 48 sq. Brugmann Grundriss I[2] 944 sq). Наконецъ, вопросъ о силѣ неударяемыхъ гласныхъ въ зависимости отъ ихъ положенія могъ бы быть изложенъ болѣе наглядно, напр. въ видѣ таблицы проф. Бодуэна де Куртенэ, Лекціи по сравн. грамм. слав. яз. 1901/2 гг. стр. 29 сл.

Какъ это обыкновенно дѣлается въ рецензіхъ, я и въ этой своей замѣткѣ коснулся однихъ недостатковъ разбираемаго труда. Мнѣ было бы досадно, если бы у читателя, не знакомаго съ книгой Будде, осталось впечатлѣніе о непригодности этихъ „Лекцій“. Такъ напр. очень полезными мнѣ показались соображенія автора о культурно-историческомъ значеніи языкованія (11—12), о значеніи письменныхъ памятниковъ въ связи съ данными діалектологіи (13—14), о „полногласіи (105 сл.), о сокращеніи звуковъ ъ и ь передъ i̯ (143 сл.), о смѣшеніи основъ склоненія именъ существительныхъ (159—170), о нѣкоторыхъ явленіяхъ изъ области синтаксиса (170 сл.), наконецъ особенно удачна діалектологическая часть книги (185—241). Только досадно, что слишкомъ мало вниманія обращено на примѣненіе теоріи волны (особ. стр. 195—199, 204 etc), что̀ удачнѣе сдѣлано Соболевскимъ, Лекціи[3] 274 сл., Извѣстія IX, кн. 2, 14—23. Вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе мѣста можно было посвятить болѣе сложнымъ фонетическимъ явленіямъ, получившимся въ Sandhi. У автора на это имѣется рядъ намековъ (напр. стр. 136: gen. s. святой < святоѣ, стр. 148: любить < любити ь, стр. 208 сл. молодой < молодою и проч.), но этого еще не достаточно.

М. Фасмеръ.

Декабрь 1907 г.

Труды Псковскаго Археологическаго О-ва за 1906 годъ. Псковъ. 1907.

Этотъ выпускъ „Трудовъ Псковскаго Археологическаго О-ва“ содержитъ въ себѣ:

1. Народныя пѣсни, собранныя и записанныя въ Псковской губерніи членомъ-сотрудникомъ Псковскаго Археологическаго Общества, И. К. Копаневичемъ. 2. Къ исторіи Псковской монастырской письменности—Н. Серебрянскаго. 3. Повѣсть о явленіи чудотворной иконы Пресвятыя Владичицы нашей Богородицы и Приснодѣвы Маріи—Н. Серебрянскаго. 4. Порядныя записи Ник. монастыря—Н. Серебрянскаго. 5. Грамота Іоанна Грознаго—Н. Окуличъ-Казарина. 6. Отрывокъ грамоты царя Алексѣя Михайловича—И. Копаневича. 7. Опись свитковъ, находящихся въ музеѣ Псков. Археол. Общ.—Н. Окуличъ-Казарина. 8. Отчетъ Псковскаго Археологическаго О—ва за 1906 г.—его же.

Наиболѣе интересной для насъ является первая изъ работъ — „Народныя пѣсни“ Псковской губерніи. Всѣхъ пѣсенъ записано 266.

Въ статьѣ онѣ распредѣлены на три большихъ отдѣла и нѣсколько подъотдѣловъ. I Пѣсни обрядовыя: а) колядскія, б) масляничныя и в) пѣсни волочобниковъ или волынщиковъ. II. Пѣсни хороводныя. III. Пѣсни бытовыя: а) свадебныя, б) семейныя и в) пѣсни разнаго содержанія: рекрутскія, шуточныя, юмористическія. Въ общемъ, сборникъ пѣсенъ, помимо своего специально-мѣстнаго, имѣетъ и общее значеніе, такъ какъ даетъ нѣкоторое количество новаго матеріала, интересныя записи и новые варіанты. Собиратель уже не новичекъ въ своемъ дѣлѣ—въ 1904 г. имъ была выпущено собраніе „Частушекъ и народныхъ припѣвокъ, собранныхъ и записанныхъ въ Псковской губ". Въ этомъ собраніи заключается всего свыше 1000 №№-овъ коротенькихъ пѣсенъ. Такого рода дѣятельности можно только пожелать дальнѣйшаго процвѣтанія, такъ какъ по части наукъ въ Псковѣ, какъ и вообще въ провинціи, работниковъ, повидимому, немного (см. оглавленіе „Трудовъ").

Н. В—въ.

Труды Владимірской Ученой Архивной Комиссіи. Кн. VIII. Владиміръ. 1907.

Книжка открывается статьею Н. Н. Ушакова: „Историческія свѣдѣнія объ иконописаніи и иконописцахъ Владимірской губерніи". Въ этой статьѣ на основаніи историческихъ документовъ установлено время появленія того „иконописнаго художества", которымъ теперь такъ славится эта губернія,—сначала въ древнемъ Суздалѣ, потомъ во Владимірѣ, Переславлѣ и Шуѣ, а также въ нашихъ иконописныхъ селахъ Вязниковскаго уѣзда—Холуѣ, Палехѣ и Мстерѣ.

Бросая общій взглядъ на всѣ историческія данныя „о Суздальскомъ иконописаніи", авторъ приходитъ къ тому выводу, что „иконописное художество" возникаетъ здѣсь очень рано, а именно со второй половины XII вѣка, когда начинается быстрый расцвѣтъ жизни, политическаго значенія, культуры и промышленности Суздальскаго края.

Не смотря на отрицательное отношеніе современныхъ знатоковъ къ „суздальскимъ богомазамъ", авторъ находитъ въ иконописи этого рода, за длинный періодъ ея существованія, и свѣтлыя стороны и даже приходитъ къ заключенію, что русскій народъ, живущій своими вѣковыми преданіями, сохранилъ до нашихъ дней въ преемственномъ трудѣ Суздальскаго народнаго мастерства истинно православную иконопись.

Второй статьей 8-й книги „Трудовъ" является опытъ историческаго изслѣдованія архимандрита Мисаила: „Святый благовѣрный князь Константинъ Муромскій и Благовѣщенскій монастырь, гдѣ почиваютъ мощи князя и чадъ его Михаила и Θеодора". Съ именемъ св. благовѣрнаго князя Константина, какъ извѣстно, связывается исторія обращенія въ христіанство населенія г. Мурома. Заканчивается книга „Отчетомъ о дѣятельности Владимірской Ученой Архивной Комиссіи за седьмой годъ ея существованія (1905)". Подробности см. въ „Хроникѣ". Въ качествѣ приложенія къ 8-й книгѣ „Трудовъ"... даны четыре особыя изданія: 1) „Краткое описаніе рукописей церковно-историческаго древлехранилища при Братствѣ св. Бл. Вел.

кн. Александра Невскаго" вып. I. С. И. Недешева. 2) „Монастыри, соборы и приходскія церкви Владимірской епархіи, построенныя до начала XIX столѣтія. Краткія историческія свѣдѣнія, съ приложеніемъ описей сохраняющихся въ нихъ древнихъ предметовъ" ч. I-я. Прот. В. В. Косаткина. 3) „Хронологическая опись дѣлъ о расколѣ, хранящихся въ архивахъ губ. г. Владиміра" ч. I. Ѳ. К. Сахарова и 3) „Алфавитный списокъ дворянскихъ родовъ Владимірской губерніи". М. И. Трегубова.

Н. В—въ.

Лѣтопись Екатеринославской ученой архивной комиссіи. Годъ 3-й (выпускъ IV). Издается подъ редакціей товарища предсѣдателя комиссіи А. Синявскаго. Екатеринославъ. 1908.

Настоящій выпускъ „Лѣтописи" Екатерин. учен. арх. коммиссіи содержитъ много интересснаго и важнаго историческаго и этнографическаго матеріала, какъ то: Я. П. Новицкій „Малорусскія историческія пѣсни, собранныя въ Екатеринославщинѣ (1874—1903 гг.)", В. Бѣдновъ „Матеріалы для исторіи церковнаго устройства на Запорожьѣ" и др. Пѣсни, собранныя въ Екатеринославщинѣ подраздѣлены на четыре отдѣла: времена борьбы съ татарами, поляками и турками; пѣсни связанныя съ временемъ паденія Сѣчи и дальнѣйшей судьбой Запорожья; запорожскія вирши, сатиры, аллегоріи; пѣсни крѣпацкія. Самые богатые отдѣлы 1-й и 2-й, что является вполнѣ понятнымъ, если принять во вниманіе районъ собиранія пѣсенъ. „Хочъ пропало славне Запорожьже, та не пропала слава!" Слава же о Запорожьѣ живетъ въ пѣсняхъ и народныхъ преданіяхъ. Большинство пѣсенъ изъ собранія Я. П. Новицкаго представляютъ собою варіанты пѣсенъ помѣщенныхъ въ сборникахъ Антоновича и Драгоманова, Максимовича, Чубинскаго, Кулиша, Рудченко, Гринченко и др., но варіанты новые и цѣнные. Раздѣливъ пѣсенный матеріалъ на вышеупомянутые отдѣлы, собиратель, по непонятнымъ причинамъ, помѣщаетъ пѣсни объ украинцахъ на земляныхъ работахъ (близъ Ладожскаго озера) въ первый отдѣлъ, наряду съ пѣснями, воспѣвающими борьбу казаковъ съ татарами, поляками и турками.

Помимо отмѣченныхъ статей „Лѣтопись" содержитъ: И. Вертоградовъ. „Екатеринославская земская милиція 1806—1807 гг."; А. А. Скрыленко. „Орнаментъ и его первичные элементы"; В. А. Бѣдновъ. „Перенесеніе архіерейской кафедры изъ Новомиргорода въ Екатеринославъ"; его же. „Краткія свѣдѣнія объ архивѣ Самарскаго Пустынно-Николаевскаго монастыря"; В. В. Даниловъ. „Дѣтская комедія въ Екатеринославѣ (сто лѣтъ назадъ)".

Ив. Абрам.

„Украіна", т. IV, ноябрь—декабрь, 1907 г.

Передъ нами *послѣдняя* книга „Украины", выходившей вмѣсто „Кіевской Старины" и нынѣ прекратившей свое существованіе. Почтенная редакція, издавшая много чрезвычайно цѣннаго матеріала, упорно, но тщетно боролась съ равнодушіемъ читателя, со-

вершенно необъяснимымъ со стороны любителей украинской старины. Остается, вмѣстѣ съ редакціей, выразить надежду, что дѣло изданія научнаго, украинскаго органа возьметъ на себя спеціальный научный институтъ—„Київське наукове українське товариство"...

Книга содержитъ интересный историческій матеріалъ, представленный статьями и замѣтками М. Порша, В. Радецкаго, Вл. Данилова, И. Павловскаго, Старицькой-Черняхівской, Виктора Барвинскаго, І. Стешенко, Д. Дорошенка, С. Петлюры. На послѣдней страницѣ книги находимъ извѣстіе о сборѣ денегъ на постановку памятника Т. Г. Шевченко; для этой цѣли редакціей собрано 1.132 р. 25 к., которые будутъ переданы въ центральную коммиссію по организаціи памятника незабвенному украинскому поэту.

Ив. Абр—въ.

Вл. Даниловъ. „П. А. Кулишъ и „Кіевская старина" подъ ред. Ѳ. Г. Лебединцева". Кіевъ. 1907.

Отдѣльный оттискъ статьи г. Данилова изъ журнала „Україна" знакомитъ насъ съ отношеніемъ украинскаго литературно-научнаго міра къ П. А. Кулишу, послѣ изданія послѣднимъ пресловутой „Исторіи возсоединенія Руси". Попутно авторъ характеризуетъ П. А. Кулиша, какъ типичнаго „честолюбиваго эгоиста", который не останавливается ни передъ чѣмъ, лишь бы „быть знаменитымъ, быть пророкомъ, владѣть умами современниковъ". Не знаемъ насколько вѣрно подобная характеристика по отношенію къ знаменитому украинскому писателю, но во всякомъ случаѣ она совершенно невѣрна по отношенію къ великому Гоголю, о которомъ Г. Даниловъ замѣчаетъ: „честолюбивымъ эгоистомъ намъ всегда представлялся Гоголь, несмотря на всю любовь, которую мы питаемъ къ геніальному юмористу". Натура Гоголя слишкомъ сложна и необычна, чтобъ исчерпать ее подобнымъ опредѣленіемъ.

Ив. Абрам.

Записки Восточнаго Отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. XVII. Выпуски I—IV (съ приложеніемъ 5+2 таблицъ). Спб. 1906—1907. Стр. XLIII+0207+363.

Въ минувшемъ году закончился томъ XVII издававшихся подъ редакціей покойнаго барона *В. Р. Розена* „Записокъ Восточнаго Отдѣленія Имп. Русск. Арх. Общества". Выпуски I и IV посвящены протоколамъ засѣданій Отдѣленія, изложенію заслушанныхъ во время засѣданій рефератовъ, отдѣлу „Мелкихъ извѣстій и замѣтокъ" и отдѣлу „Критики и библіографіи". Выпуски II—III (въ одной книгѣ) заключаютъ въ себѣ спеціальныя монографіи, по своимъ размѣрамъ не укладывающіяся въ рамки другихъ отдѣловъ. О нѣкоторыхъ изъ небольшихъ статей, какъ то: *П. Жамцаранова*—Матеріалы къ изученію устной литературы монгольскихъ племенъ и *К. Иностранцева*—Туркестанскіе оссуаріи и астоданы, въ „Живой Старинѣ" уже были даны отзывы (см. вып. IV за 1907 г.). Изъ остальныхъ мелкихъ статей, могущихъ имѣть интересъ для читателей „Живой Старины",

отмѣтимъ: *П. Попова*—О запрещеніи приношенія людей въ жертву духамъ; *В. Бартольда*—Народное движеніе въ Самаркандѣ въ 1365 г. и Система счисленія орхонскихъ надписей въ современномъ діалектѣ; *Н. Веселовскаго*—Еще объ оссуаріяхъ (вып. IV) и др. Изъ рефератовъ заслуживаютъ упоминанія: *Н. Веселовскаго*—Къ извѣстіямъ объ обычаѣ у среднеазіатцевъ отдѣленія у покойниковъ мяса отъ костей, покойнаго *П. Меліоранскаго*—О турецкихъ элементахъ въ памятникахъ русской письменности до-монгольскаго періода и кн. *И. Джавахова*—Языческій культъ въ древней Грузіи. Въ заключеніе приводимъ перечень помѣщенныхъ въ „Запискахъ" монографій: *К. Иностранцева*—Торжественный выѣздъ фатымидскихъ халифовъ и Отрывокъ военнаго трактата изъ сасанидской „Книги установленій", *Б. Тураева*—Эѳіопскія рукописи въ С.-Петербургѣ и Повѣствованіе о Дабра-Либаносскомъ монастырѣ и, наконецъ, *Н. Марра*—Дѣянія трехъ святыхъ близнецовъ мучениковъ Спевсипа, Еласипа и Меласипа. Недостатокъ мѣста и слишкомъ спеціальный характеръ перечисленныхъ статей и монографій не позволяютъ намъ дать здѣсь хотя бы самое краткое изложеніе ихъ содержанія, и мы вынуждены отослать интересующихся затронутыми въ нихъ предметами читателей къ самимъ „Запискамъ".

Э. П.

Николай Козьминъ. Кургоминскіе причеты (свадебныя причитанія Кургоминской вол. Шенкурскаго у). Архангельскъ. 1907 23 стр. 16°.

Маленькая книжка, вышедшая въ далекомъ захолустьѣ, можетъ остаться совсѣмъ незамѣченной, а между тѣмъ въ ней содержатся записи довольно интересныхъ причитаній, поэтому, я и отмѣчу ея содержаніе. Всѣ причеты разбиты на двѣ группы: на рукобитьѣ и на дѣвичникѣ. На рукобитьѣ невѣста обращается съ причитаніями: 1) къ отцу, 2) къ сватовцу, причемъ обращается къ нему не совсѣмъ ласково:

„Тебя чертъ носитъ, сватовца,
„Ни путемъ, ни дорогою,
„По собачьей тропиночкѣ..." и т. д.

3) снова къ отцу, 4) къ матери (оч. длинное), 5) къ братьямъ, 6) къ невѣсткѣ и 7) наконецъ къ дѣвицамъ-подругамъ. Изъ причетовъ на дѣвичникѣ даны: къ парнямъ, одному парню, дѣвицѣ, замужнимъ женщинамъ, мужику, имѣющему дѣтей, старостѣ, или кому-либо изъ сельскихъ властей. Всѣ лица, къ которымъ невѣста (иногда поддерживаемая цѣлымъ хоромъ дѣвицъ) обращается съ причетомъ, должны дѣлать подарки невѣстѣ и ея подругамъ.

Н. В—въ.

В. Даниловъ. Матеріалы для біографіи Н. И. Костомарова. Кіевъ 1907. Стр. 50. (Отт. изъ „Украіны").

Книжка эта распадается на двѣ части: I. Письма Н. И. Костомарова къ М. А. Максимовичу, и II. Н. И. Костомаровъ и „Кіевская Старина". Въ первомъ отдѣлѣ помѣщены четыре письма, изъ кото-

рыхъ особенно цѣнно въ біографическомъ отношеніи первое. Второе письмо, наиболѣе длинное, имѣетъ исключительно научный характеръ и касается труда Костомарова „Богданъ Хмельницкій". Этому же вопросу посвящено послѣднее письмо. Въ двадцати одномъ письмѣ къ первому редактору „Кіевской Старины" Ѳ. Г. Лебединцеву будущій біографъ найдетъ цѣлый рядъ любопытныхъ и характерныхъ для Костомарова чертъ его характера. Вообще матеріалы, публикуемые В. Даниловымъ, даютъ нѣкоторое количество и новыхъ данныхъ изъ жизни извѣстнаго историка-бытописателя.

Н. В—въ.

В. Даниловъ. Два письма В. И. Даля къ М. А. Максимовичу. 8 стр. (Отт. изъ „Филологич. Вѣстника").

Немного поминковъ появилось въ свѣтъ къ 35-лѣтію со дня смерти В. И. Даля. Дѣятельность этого выдающагося собирателя какъ будто даже забылось. Поэтому съ особеннымъ чувствомъ удовольствія встрѣчаешь всякое даже упоминаніе объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ. Въ двухъ опубликованныхъ В. В. Даниловымъ письмахъ Даля къ Максимовичу имѣется любопытный матеріалъ (хотя уже отчасти и извѣстный) для характеристики прошлаго нашего языкознанія; не безынтересны письма Даля и для исторіи русской литературы, наконецъ они имѣютъ значеніе и для біографіи Даля, внося поправку къ мнѣнію А. Н. Пыпина о запрещеніи Далю послѣ ареста писать. (Ист. русск. этн. I, 342).

Н. В—въ.

К. Жаковъ. Въ хвойныхъ лѣсахъ. Разсказы Комі-Морта. Спб. 1908. Стр. 55.

Небольшая книжка, заключающая въ себѣ пересказы зырянскихъ легендъ и преданій. Нѣкоторыя вещи (напр. „Дарья Родіонова")— изложеніе дѣйствительныхъ происшествій изъ жизни зырянъ. Самъ авторъ такъ опредѣляетъ цѣль своей книжки. „Теперь, когда на берега Печоры, Ижмы, Вычегды и др. устремляются богатые и предпріимчивые люди, когда заступъ и буравъ прикоснулись къ дѣвственной почвѣ, таящей въ нѣдрахъ своихъ скрытыя доселѣ богатства, когда близокъ конецъ патріархальному укладу жизни сѣверянъ,— рѣшился я познакомить людей съ душою сѣвера и издать наивные разсказы Коміморта, старика пѣвца и сказочника, котораго я встрѣтилъ на берегахъ маленькой рѣчки Кельтмы, впадающей въ Вычегду, изобильную водою. Живетъ онъ въ сосновой избушкѣ „кола" или „чомъ" близъ дремучаго лѣса. Лѣтомъ пасетъ стада керчемскихъ крестьянъ, зимою рыбу ловитъ изъ-подъ прозрачнаго льда. Онъ глубоко знаетъ всѣ хитрости и изобрѣтенія охотниковъ, жизнь звѣрей и птицъ, дѣла боговъ, еще обитающихъ на уральскихъ горахъ и въ многоводныхъ рѣкахъ сѣвера, тайные помыслы людей, добрыхъ и злыхъ". Всего въ книжкѣ шесть отдѣльныхъ разсказовъ. Въ нихъ читатель найдетъ нѣкоторый матеріалъ для пониманія „души" и міросозерцанія одного изъ народовъ сѣвера. Мы, съ своей стороны, пожелаемъ, чтобы авторъ этой книжки отъ полубеллетристики перешелъ къ изданію подлинныхъ матеріаловъ зырянскаго творчества.

Н. В—въ.

„Эсты, ихъ жизнь и нравы“. Э. С. Вульфсонъ. Москва. 1908.

Въ общедоступной формѣ авторъ знакомитъ читателей съ прошлой жизнью эстовъ, ихъ вѣрованіями, жилищемъ, обрядами, семейными порядками, уровнемъ ихъ умственнаго развитія и т. д. Брошюра снабжена рисунками. Прочтется съ пользой учащимися, а также въ народной аудиторіи.

И. А.

Матеріалы по земле-водопользованію въ Закаспійской области, собранные и изданные по приказанію Начальника Закаспійской области, генералъ-лейтенанта Д. И. Суботича. Асхабадъ.

Матеріалы по водопользованію у туркменъ Закаспійской области, собранные чиновникомъ особыхъ порученій при начальникѣ Закаспійской области Я. Таировымъ. Части I и II. СПБ.

Интереснѣйшей своимъ недавнимъ прошлымъ, не могшимъ не оставить хоть какихъ-нибудь слѣдовъ и въ настоящемъ, народности туркменовъ закаспійской области этнографы до сихъ поръ не удѣлили значительнаго вниманія, а скоро будетъ уже совсѣмъ поздно! Съ наступленіемъ для этой былой вольницы четверть вѣка тому назадъ новой эры русскаго господства укладъ туркменской жизни измѣняется, чѣмъ дальше—все замѣтнѣе, измѣняется въ сторону уподобленія быту единовѣрнаго среднеазіатскаго осѣдлаго населенія, а также отчасти русскаго.

Единственно кто способствовалъ въ новѣйшее время нѣкоторому прогрессу туркменской этнографіи, такъ это закаспійская администрація въ лицѣ такихъ своихъ просвѣщенныхъ представителей, какъ покойный Лессаръ, Куропаткинъ, Боголюбовъ, Суботичъ, Туманскій, Михайловъ, Агабековъ, Семеновъ и нѣк. др.

По приказаніи Д. И. Суботича были собраны и изданы „Матеріалы по земле-водопользованію въ Закасп. области“ какъ разъ въ то время, когда уже близилось къ концу печатаніе другого труда по тому-же капитальному вопросу изъ области обычнаго туркменскаго права, „Матеріалы по водопользованію у туркменъ Закаспійской области,“ собранные по распоряженію генер. А. Н. Куропаткина покойнымъ Я. Таировымъ.

Не имѣя права, за отсутствіемъ спеціальныхъ знаній, входить въ полную оцѣнку обоихъ трудовъ порознь и вмѣстѣ (сравнительно), мы позволимъ лишь себѣ указать на объемъ и общій характеръ матеріаловъ, заключающихся въ названныхъ изданіяхъ.

„Матеріалы 1903 г.“ занимаютъ книжку in-8 въ 192 страницы, изъ коихъ надо выключить 2 стр. на оглавленіе и 2—на предисловіе А. А. Семенова. Главное вниманіе въ книжкѣ удѣлено, какъ и слѣдовало ожидать, наиболѣе богатому водой мервскому уѣзду съ его тремя оазисами: мервскимъ (отдѣлы тохтамышъ и отамышъ), іолатанскимъ и пендинскимъ (іолатан. и пенд. приставства). Мервскому уѣзду посвящены статьи: Михайлова (63—138), Волковникова (145—185), Паристова (спеціально пенд. приставству, 139—144) и Рутковскаго (спеціально іолат. приставству, сравнительно съ атекскимъ, 34—42 и отчасти 42—50). По асхабадскому уѣзду даны свѣдѣнія только для восточнаго района, внѣ дурунскаго приставства, въ

статьѣ Агабекова (7—31), а по теджено кому—только для атекскаго приставства, въ упомянутой статьѣ Рутковскаго (отсутствуютъ свѣдѣнія для оазисовъ тедженскаго и серахскаго). Мангышлацкому уѣзду (закаспійская „Сибирь“ въ непріятномъ значеніи этого слова) удѣлено всего 2 страницы въ статьѣ Говорова (5—6), а по красноводскому уѣзду съ его приставствами каракалинскимъ и чикишлярскимъ свѣдѣнія даны только для послѣдняго, въ статьѣ Корвинъ-Каменовскаго (186—192).

Къ статьямъ Агабекова и Михайлова приложены статистическія таблицы, къ статьѣ Михайлова—схемы оросительныхъ сѣтей отамышскаго и тохтамышскаго районовъ и іолатанскаго приставства, а въ статьѣ Волковникова даны (въ текстѣ) схематическіе чертежи плотинъ Казыклы-бендъ (іолат.) и Коушутъ-ханъ-бендъ (мерв.) Въ сноскѣ на стр. 159 Волковниковъ обѣщаетъ отдѣльное описаніе плотины Гиндукушъ (для Государева имѣнія) и историческій очеркъ о древней плотинѣ Султанъ-бендъ.

„Матеріалы 1903 г.“ заключаютъ въ себѣ, въ общемъ, свѣдѣнія о водныхъ богатствахъ закаспійскаго края, объ ихъ распредѣленіи между отдѣльными туркменскими племенами и различными подраздѣленіями этихъ племенъ, объ установленныхъ обычаемъ способахъ пользованія водой и землею и правахъ владѣнія и распоряженія тѣмъ и другимъ. Въ статьѣ Михайлова даются, между прочимъ, интересныя указанія объ опредѣленіи времени у туземцевъ и о существованіи у нихъ солнечныхъ и водяныхъ часовъ (100). Нѣкоторые, но не всѣ, термины туркменскаго земле-водопользованія объяснены, иногда только предположительно, А. А. Семеновымъ, редакторомъ этого изданія [1]). Исправленіе „погрѣшностей авторовъ“ мы не отнесли-бы къ „научной обработкѣ“ изданія, а потому полагаемъ, что редакторъ напрасно отъ этого уклонился (4).

Собранные и изданные въ короткій срокъ,—причемъ работа была произведена не всюду равномѣрно, а мѣстами даже слишкомъ поверхностно и, главное, „по-любительски“,—„Матеріалы 1903 г.“ могутъ все-таки принести пользу какъ закаспійской администраціи, такъ и лицамъ, желающимъ познакомиться съ туркменскимъ земле-водопользованіемъ въ общихъ чертахъ, а для спеціально интересующихся этой областью туркменскаго обычнаго права (съ позднѣйшими наслоеніями русскаго происхожденія) они могутъ служить вводнымъ чтеніемъ для изученія болѣе обширнаго, хотя также далеко не исчерпывающаго, изданія „Матеріалы 1904 г.“ (2 части in-4 въ 304 и 408 стр.). Послѣдніе матеріалы имѣютъ еще болѣе „сырой“ видъ, чѣмъ „Матеріалы 1903 г.“, что объясняется главнымъ образомъ, надо полагать, тѣмъ, что они были напечатаны по смерти ихъ собирателя. Большинство терминовъ въ этомъ изданіи не выясняется и предполагается, повидимому, заранѣе извѣстнымъ читателю. Отсутствуетъ общее руководящее введеніе, и только нѣ-

[1]) Повидимому, на основаніи „Матеріаловъ 1903 г.“ составлена статья того-же лица въ „Этнографическомъ Обозрѣніи“, кн. 57 (1903 г.), стр. 116—120: „Главныя основы распредѣленія земли и воды у туркменъ Закаспійской области“.

которымъ отдѣламъ предпосланы вступительныя строки (ч. I, 1—2; ч. II, 1). Иногда большіе абзацы повторяются безъ нужды (ч. II, 99, 106, 113, 117), и не вездѣ матеріалъ достаточно ясно внѣшнимъ образомъ разграниченъ (ч. II, 148 и сл). Изслѣдованная область еще ўже, чѣмъ въ „Матеріалахъ 1903 г.“: ч. I касается одного асхабадскаго уѣзда, а ч. II—теджонскаго и мервскаго уѣздовъ съ приложеніемъ свѣдѣній о кяризахъ асхаб. и теджен. уѣздовъ; но зато, что изслѣдовано, изслѣдовано довольно основательно. Ч. I обработана, въ общемъ, болѣе, чѣмъ ч. II.

Какъ гласитъ коротенькое предисловіе (обильное, какъ и все изданіе, корректорскими недосмотрами), „Матеріалы 1904 г.“ собирались нѣсколько лѣтъ, начиная съ 1892 г. Имѣлось въ виду, между прочимъ, спасти отъ забвенія свѣдѣнія о туркменскомъ землеводопользованіи, „пока эта область обычнаго права туземцевъ не подверглась неизбѣжнымъ измѣненіямъ подъ давленіемъ условій новой жизни“.

Часть I. Послѣ общихъ свѣдѣній (1—2) объ орошеніи асхаб. уѣзда съ указаніемъ именъ ручьевъ Ахалъ-текинскаго оазиса отъ Кызылъ-Арвата до Гяурса и названій ауловъ туркменскаго племени теке, населяющаго этотъ оазисъ (27 рѣчекъ и ручьевъ и 47 ауловъ), сообщаются подробныя данныя по водоземлепользованію отдѣльно для каждаго аула, причемъ всѣ аулы раздѣлены на двѣ группы по характеру водовладѣнія: мўлькъ (собственность) и санашыкъ (общинное владѣніе). Первая группа (3—202) обнимаетъ 26 ауловъ, вторая (203—304)—21 аулъ.

Относительно каждаго аула сообщается: названіе рода, въ немъ живущаго, съ подраздѣленіями; число кибитокъ; названіе воднаго источника или части его, находящагося въ пользованіи даннаго аула; мѣстные обычаи владѣнія водой; мѣстная система земледѣлія и орошенія съ указаніемъ разводимыхъ злаковъ, цѣнъ на продукты земледѣлія, на рабочія руки, на аренду и т. д., и т. д. Интересны для этнографовъ списки личныхъ именъ (преимущественно мужскихъ) собственниковъ воды, мельницъ и кяризовъ въ разныхъ аулахъ. Въ такомъ значительномъ количествѣ туркменскія личныя имена публикуются впервые; въ „Сборникѣ процессовъ чрезвычайнаго съѣзда народныхъ судей Закаспійской области. 1894—1898 г. (Матеріалы къ изученію народнаго быта туркменъ и киргизовъ)“ Асхабадъ, 1898— ихъ дано гораздо менѣе, хотя, въ свою очередь, въ послѣдней книжкѣ женскія имена встрѣчаются несравненно чаще, чѣмъ въ „Матеріалахъ 1904 г.“ [1]).

Мѣстныхъ техническихъ терминовъ въ „Матеріалахъ 1904 г.“, конечно, куда больше, чѣмъ въ „Матеріалахъ 1903 г.“; термины эти требуютъ еще провѣрки и филологическаго выясненія со стороны лицъ со спеціальной филологической подготовкой.

---

[1]) Намъ не довелось видѣть „Сборника рѣшеній чрезвычайнаго съѣзда народныхъ судей Закаспійской области съ 1898 по 1902 г.г.“ (Асхабадъ, 1903 г.). См. рецензію Максимова въ „Этнографическомъ Обозрѣніи“ за 1903 г., вып. 3, 174—176.

Часть II. Описаніе земле-водопользованія у жителей теджевскаго уѣзда ведется въ слѣдующемъ порядкѣ (2—98):

1. Система р. Теджена, орошающей оазисы Серахскій и Теджен-скій (обойдено въ „Матеріалахъ 1903г.“). Системы рѣкъ: 2) Лаинъ-су, 3) Рудбаръ или Козганъ-су, 4) Чаача, 5) Мяна, 6) Душакъ, 7) Калъ, 8) Новрекъ. На стр. 9—10 дается описаніе водочерпалки „чихкиръ“.

По мервскому уѣзду данныя расположены такъ (99—262): пендинское приставство (99—126); іолатанское приставство (127—147; описывается устройство плотины Казыклы-бендъ); мервскій оазисъ (148—262). Характерная иллюстрація на тему „первые будутъ послѣдними, а послѣдніе—первыми“ дается на стр. 149 (Ср. „Матеріалы 1903 г.“, стр. 64). На той же страницѣ описывается устройство плотины Коушутъ-бендъ. Землеводопользованіе описывается въ каждомъ оазисѣ по отдѣльнымъ родамъ племени, этотъ оазисъ населяющаго. Часть II, какъ и I, изобилуетъ статистическими данными по разнымъ статьямъ, отчасти нами уже упомянутымъ.

Стр. 263—408 посвящены данныиъ о кяризахъ асхабадскаго и теджевскаго уѣздовъ.

Большимъ недостаткомъ изданія является отсутствіе чертежей оросительныхъ системъ, хотя бы только нынѣ дѣйствующихъ, и карты съ нанесеніемъ рѣкъ, ручьевъ и кяризовъ. Эти чертежи и карты имѣли-бы большое значеніе для исторической географіи края, да и для практическихъ цѣлей, особенно если бы на нихъ были занесены и старыя, заброшенныя оросительныя сѣти, и такіе же кяризы.

Во всякомъ случаѣ и въ своемъ настоящемъ, далеко несовершенномъ видѣ „Матеріалы 1904 г.“ будутъ съ благодарностью приняты преимущественно, думаемъ, тѣми, кто имѣетъ въ виду посвятить себя серьезному изученію обычнаго права туркменовъ Закаспійской области. Есть основанія надѣяться, что такое изученіе—если угодно будетъ Аллаху—не за горами.

А. С.

Журналы за 1907—1908 гг.

Землевѣдѣніе, 1907, кн. I—IV. *Анучинъ, Д.* Археологическія экспедиціи въ Восточномъ Туркестанѣ.—*М. И.* Изъ поѣздки на Новую Землю. (О новоземельскихъ самоѣдахъ).—*Ратцель, Ф.* Земля, общество и государство.—Библіографія.

Извѣстія Имп. Археологической Комиссіи, 1907. Прибавл. къ вып. 22. Археологическая хроника (за 1-ю половину 1907 года).—*А. Б.* Обзоръ иностранныхъ журналовъ за 1906 годъ.—*Его-же.* Обзоръ иностранныхъ журналовъ за 1907 годъ.—Новыя книги историко-археологическаго содержанія, вышедшія въ Россіи за 1-ю половину 1907 года.—Обзоръ русскихъ повременныхъ изданій за 1-ю половину 1907 года. **Вып. 23-й.** *М. Ростовцевъ.* Новыя латинскія надписи изъ Херсонеса.—*Его-же.* Миѳридатъ Понтійскій и Ольвія.—*В. Латышевъ.* Эпиграфическія новости изъ южной Россіи.—*Его-же.* Дополненія и поправки къ изданнымъ надписямъ изъ южной Россіи.—*Ѳ. Браунъ.* Шведская руническая надпись, найденная на островѣ Березани.—*О. Вальдгауеръ.* Памятники древней скульптуры въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ.—*А. Спицынъ.* Могильникъ V вѣка въ Черноморьѣ.—Страданіе св. священномучениковъ и епископовъ Херсонскихъ. Перев. съ греч. *В. Латышева.* **Вып. 25-й.** *В. Шкорпилъ.* Отчетъ о раскопкахъ въ г. Керчи въ 1904 г.—*К. Косцюшко-Валюжиничъ.* Отчетъ о раскопкахъ въ Херсонесѣ Таврическомъ въ 1905 году. (Съ 3 приложеніями *М. Скубетова* и *А. Годзишевскаго*).—*Н. Романченко.* Раскопки въ окрестностяхъ Евпаторіи.—*А. Спицынъ.* Могильникъ VI—VII вѣка въ Черноморской области.

Извѣстія Имп. Русскаго Географическаго О-ва, 1905, вып. V. Оглавленіе XLI тома.—Журналы засѣданій Отдѣленія Этнографіи за 1905 г. **1906 г., вып. IV.** *В. Новицкій.* По восточной Монголіи.—Рефераты. **Вып. V.** Оглавленіе и алфавитный указатель XLII тома.—Журналы засѣданій Отдѣленія Этнографіи.

Извѣстія О-ва Археологіи, Исторіи и Этнографіи, т. XXIII, вып. 5. *С. Шестаковъ.* Къ вопросу о мѣстѣ крещенія св. Владиміра.—*Г. Ахмаровъ.* Тептяри и ихъ происхожденіе.—Изъ дѣлъ о Кудеяровыхъ поклажахъ.—*Ѳ. Васильевъ.* Западное вліяніе въ русской иконописи XVII ст.—*Н. Катановъ.* О предметахъ украшеній татарскихъ женщинъ.—*Его-же.* Памяти д. чл. О-ва А. Ѳ. Можаровскаго (1846—1907).—*П. Поляковъ.* Самаркандскій кружокъ любителей археологіи, исторіи и этнографіи.—Библіографія.

Извѣстія Отдѣленія Русскаго языка и словесности И. А. Н., 1907, кн. 4-я. *В. Перетцъ.* Къ исторіи польскаго и русскаго народнаго театра.—*П. Сырку.* Замѣтки о славянскихъ и русскихъ рукописяхъ въ Оксфордѣ.—*Н. Янчукъ.* Литературныя замѣтки.—*М. Сперанскій.* В. С. Караджичъ и русская народная пѣсня.—*Г. Кунцевичъ.* Опись рукописей Тихвинскаго Успенскаго монастыря.

Православный Собесѣдникъ, 1907 г. кн. 1—24.

Путевые журналы и записки миссіонеровъ: Въ приходѣ (изъ путевыхъ записокъ). *Свящ. Г. Попова.* I, 39. 134. 353. II, 63. 199. 252. 315. III, 13. [1]—

Изъ пастырскаго дневника. *А—й* и *Д.* I, 262.—

Изъ записей Сахалинскаго священника за 1905 г. *Свящ. А. Кукольщикова.* II, 78, 171.—

---

1) Римскія цифры Указателя означаютъ *томъ* журнала (въ *годовомъ* изданіи *три* тома по 4 мѣсяца, или 8 книжекъ въ каждомъ, съ особымъ счетомъ страницъ), а обыкновенныя *арабскія* — страницы каждаго тома.

Вѣрованія, религіозно-нравственное состояніе и бытъ инородцевъ, среди которыхъ дѣйствуютъ наши миссіи.

Исторія и современное состояніе иностранныхъ миссій.

Изъ жизни христіанской школы въ Индіи. *Е. Е.* III, 44. —
Индусы и ихъ религія. 86. —
Аудіенція у Тибетскаго папы. 129. —
Христіанская святыня на о. Цейлонѣ. *Е. Е.* 138. —
Католическая миссія на сѣверѣ Америки. *Е. Е.* 184. —
Аравійская пустыня и ея обитатели. 359. —

Кромѣ того цѣлый рядъ интересныхъ этнографическихъ данныхъ содержится въ „Миссіонерскихъ отчетахъ", приложенныхъ къ журналу.

Русскій Филологическій Вѣстникъ, 1907, № 4. *Л. Васильевъ.* Къ характеристикѣ сильно акающихъ говоровъ.—*Его-же.* О случаѣ сохраненія обще-славянской группы—dl—въ одномъ изъ старыхъ нарѣчій русскаго языка.—*А. Михайловъ.* Греческіе и древне-славянскіе паримейники. (Къ вопросу о ихъ составѣ и происхожденіи).—*В. Курдиновскій.* Рукописная ц.-слав. грамматика Гербовецкаго монастыря въ Бессарабской губ.—*В. Даниловъ.* Два письма В. И. Даля къ М. А. Максимовичу.—*Н. Заболотскій.* Очерки русскаго вліянія въ славянскихъ литературахъ новаго времени.—Критика и библіографія.

Сборникъ Отдѣленія Русскаго языка и словесности И. А. Н., т. 83. *П. К. Симони.* Повѣсть о горѣ и злочастіи, какъ горе-злочастіе довело молодца во иноческій чинъ, по единственной сохранившейся рукописи XVIII в. 1) Съ 22 снимками съ полнаго текста „Повѣсти"... и 2) съ приложеніемъ чтенія „Повѣсти"... и съ отмѣтками указаній касательно ритмическихъ особенностей *акад. Ѳ. Е. Корша.*—*Олафъ Броκъ.* Описаніе одного говора изъ югозападной части Тотемскаго уѣзда.—*А. Грандилевскій.* Родина М. В. Ломоносова. Областной крестьянскій говоръ.

Сообщенія Имп. Православнаго Палестинскаго О-ва, т. XIX, в. 2. *А. Дмитріевскій.* Праздникъ Благовѣщенія пресвятой Богородицы въ Назаретѣ и паломническія хожденія по Галлилеѣ въ мартѣ мѣсяцѣ (съ 5 рис.)—*И. Стеллецкій.* Газеръ библейскій и его раскопки.—*С. Хитрово.* (перев.). Іерусалимскія стѣны (съ планомъ).—*И. П.* О мѣстоположеніи Іерусалимской патріархіи.

Старые Годы, 1907. Алфавитный указатель. Оглавленіе. Главнѣйшія опечатки.

Україна, 1907, XI—XII. *Владимiръ Даниловъ.* Матеріалы для біографіи Н. И. Костомарова.—*Л. М.* Як царь Александер ослобонив кріпаків. (З народніх уст).—*Викторъ Барвинскій.* Очерки изъ исторіи общественнаго быта старой Малороссіи.—*І. Стешенко.* Історія українськоі драмі. Розділ. V.

Университетскія Извѣстія, 1908, № 1. *В. Розовъ.* Новѣйшее направленіе русской лингвистики въ дѣлѣ изученія древнихъ русскихъ и церковнославянскихъ памятниковъ въ связи съ общимъ ходомъ развитія европейскаго языкознанія. **№ 2.** *А. Богумилъ.* Начальный періодъ народничества въ русской художественной литературѣ.—*И. Козловскій.* Значеніе XVII в. въ русской исторіи и характеристика предшественниковъ Петровскихъ реформъ.

Этнографическое Обозрѣніе, 1907, № 3. *С. Кузнецовъ.* Изъ воспоминаній этнографа.—*В. Мансикка.* Алеша Поповичъ и Иванъ Годиновичъ въ Финляндіи.—*А. Марковъ.* Остатки фетишизма въ легендахъ объ иконахъ святыхъ—*А. Хахановъ.* Цалкинскіе греки и ихъ современное положеніе.—*В. Харузина.* Историческое развитіе этнографіи.—Смѣсь.—*А. Максимовъ.* Полиандрія въ Африкѣ.—*Д. Зеленинъ.* Уксусъ у русскихъ крестьянъ—*Н. Козминъ.* Кургоминскіе причеты.—*А. Суворовскій* (сообщ). Вопли Новогородской губ.—*Е. Е—ая.* Изъ рукописныхъ матеріаловъ С. Раевскаго.—*А. Диваевъ.* Оянъ. Киргизская любовная пѣсня.—*Его же.* Киргизскіе афоризмы.—Критика и библіографія.—Хроника.

Новости этнографической литературы [1]).

Абрамовичъ, Д. И. Описаніе рукописей С.-Петербургской Духовной Академіи. Софійская библіотека. Выпускъ II. Четьи-Минеи. Прологи. Патерики. Спб. 1907.

Акпаевъ, Я. Наброски по обычному, въ частности брачному праву киргизовъ казаковъ. Семипалат. 1907. 11 стр.

Астрологія въ наши дни. Отдѣльное изданіе статей, печатавшихся въ журналѣ „Ребусъ". Теоретическая часть. Вязьма.

— Вторая практитеская часть. Къ неоконченнымъ статьямъ „Астрологія въ наши дни". Вязьма.

Бейлинъ, С. Странствующія, или всемирныя, повѣсти и сказанія въ древне-раввинской письменности. Иркутскъ. 1907. VI+353 стр.

Беротовъ. Страна свободныхъ земель. Спб.

Bibliotheca Budhica. Тт. IV и IX St.-P. 1907.

Богородицкій, В. Замѣтки по экспериментальной фонетикѣ. В. V. Казань. 1907. 32 стр.+1 табл.

Васильевъ, Н. Изъ наблюденій надъ отраженіемъ личности сказателя въ былинахъ. Спб. 1907. Стр. 27.

Вашкевичъ, Ник. Исторія хореографіи всѣхъ вѣковъ и народовъ. Съ иллюстраціями. В. I. М.

Веберъ, К., А. Ивановъ, В. Котвичъ и *А. Рудневъ.* Къ вопросу о русской транскрипціи китайскихъ именъ. Спб.

Вильгельмсъ, А. Русь великая или Руй-Бель. Изысканіе обрусѣвшаго финскаго шведа по пѣснямъ „Исландской Едды" и по корнямъ русскаго и скандинавскихъ языковъ. Часть первая. Спб.

Виноградовъ, Николай. Заговоры, обереги, спасительныя молитвы и проч. Вып. I. Спб.

Его-же. Лодка. Баринъ и Приказчикъ. (Народныя драмы). Отд. отт. 1908.

Военскій, К. Русскій дворъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX-го столѣтія. Изъ записокъ кн. Адама Чарторыйскаго (1795—1805). Спб.

Вопросы колонизаціи. Періодическій сборникъ. Подъ редакціей А. В. Успенскаго и Г. Ф. Чиркина № 2. Спб.

Воронежская Старина, вып. VI. Воронежъ. 1907. Стр. 305 + 129.

Вся *Астрахань* и весь Астраханскій край. Памятная книжка Астраханской губ. на 1908 г. Астрахань.

Герберштейнъ, Сигизмундъ, баронъ. Записки о московитскихъ дѣлахъ. *Павелъ Іовій Новокомскій.* Книга о московитскомъ посольствѣ. Введеніе, переводъ и примѣчанія А. И. Малеина. Съ приложеніемъ 2 портретовъ въ краскахъ, 8 рисунковъ на отдѣльныхъ листахъ, 34 рисунковъ въ текстѣ и подробныхъ указателей. Изданіе А. С. Суворина. Спб.

Древности восточныя. Изд. Московск. Археолог. О-ва. Т. III, в. 1. М. 1907.

Дюфуръ, Пьеръ. Исторія проституціи во Франціи. Спб.

Ежегодникъ Тобольскаго Губ. Музея. Вып. XVI. Тобольскъ. 1907.

Ермоловъ, А. С. Замѣтки по поѣздкѣ на Черноморское побережье Кавказа осенью 1907 года. Спб. 1907 г.

Етнографічний Збірник. Т. XXII. Галицько-руські народні мельодії. Львів. 1907.

Ждановъ, И. Сочиненія, т. II. Спб. 1907. Стр. IV+610. Съ портр.

Засодимскій, П. Наслѣдіе вѣковъ. Первобытные инстинкты и ихъ вліяніе на ходъ цивилизаціи. Изданіе второе.

Збірник фильольогічної секції Наукового Товариства імени Шевченка. Т. X. Львів.

Иностранцевъ К. Матеріалы изъ арабскихъ источниковъ для культурной исторіи сасанидской Персіи. Примѣты и повѣрья. Спб. 1907.

1) Книги, при которыхъ не указанъ годъ изданія, вышли въ текущемъ году.

Календарь *Черниговской* губ. на 1908 г. XXII. Черниговъ.

Ключевскій, В., проф. Курсъ русской исторіи. Часть III. М.

К-овъ, Ник. Земельный бытъ и общественный строй. Самобытна ли Русь? Томскъ. 1907.

Костоловскій, И. Изъ повѣрій Ярославской губерніи.

Краузе, А. и *М.* Руководство по исторіи греческой литературы. Часть I. Переводъ съ франц. С. И. Радцига. М. 1907.

Krauss, Fr. d-r. Slavische volkforschungen Abhandlungen über Glauben, Gewohnheitrechte, Sitten, Bräuche und die Guslarenlieder der Südslaven. Leipz. 431 стр.

Letopis slovenske Matice za leto 1907. Ljubl 1907.

Лихачевъ, Н. П. Инока Өомы слово похвальное о благовѣрномъ великомъ князѣ Борисѣ Александровичѣ (Пам. Древн. Письм. и Искусств. CLXVIII) Спб. 60 + 55 стр. + 2 снимка.

Лихачевъ, Н. П. Лицевое житіе святыхъ благовѣрныхъ князей русскихъ Бориса и Глѣба. По рукописи конца XV столѣтія. Спб. 1907.

Лихачевъ, Н. П. Манера письма Андрея Рублева. Спб. 1907.

Лученко, Е. И. Въ страну гранита и озеръ. М.

Лѣтопись, Екатеринославской ученой архивной Комиссіи. Годъ третій, вып. IV. Екатеринославъ. 1908. 368 стр.

Марковъ, Д. А. Экскурсія студентовъ Московской Духовной Академіи на Ближній Востокъ. Изъ дневника студента. М.

Матеріяли. до украинсько-руськоі етнольогіі. Т. IX. Львив. 1907.

Миловидовъ, А. Описаніе славяно-русскихъ старопечатныхъ книгъ Виленской публичной библіотеки (1491—1800). Вильна. 160 стр., съ рисунк. орнамент. укр.

Его-же. Русскій календарь въ сѣверо-западномъ краѣ, его исторія и значеніе. Историко - библіографическая справка по поводу 25-лѣтія „Виленскаго календаря". Вильна.

Начальная Исторія Японіи, кн. I. Токіо, 1906.

Новицкій, В. Ө. По странамъ полуденнымъ. (Путевые очерки Египта, Цейлона и Индіи). Спб.

Обзоръ Виленской губ. за 1906 г. Вильна. 1907.

Обзоръ Дагестанской области за 1906 г. Темиръ-Ханъ-Шура.

Обзоръ Самаркандской области за 1906 г. Самаркандъ. 1907.

Образцы глаголицы. Изд. Имп. Археологическаго Института, подъ редакціей Н. Каринскаго. Спб.

Отхожіе промыслы крестьянскаго населенія Ярославской губ. Ярославль. 1907.

Отчетъ Виленской Комиссіи для разбора и изданія древнихъ актовъ за 1907 г. Вильна. 16 стр.

Отчетъ Имп. Россійскаго Историческаго Музея имени Имп. Александра III въ Москвѣ, за 1906 г. М. 1907. Стр. 144. 4°.

Отчетъ Имп. Русскаго Географическаго Общества за 1905 г. Спб. 1907. Стр. XII + 151.

То же. За 1906 г. Спб. 1907. Стр. XII+53+158.

Отчетъ Подольскаго церковнаго историко-археологическаго О-ва за 1906 г. Каменецъ-Подольскъ. 1907. Стр. 19.

Отчетъ Читинскаго Отдѣленія Иркутскаго Отдѣла И. Р. Г. О. За 1902—1906 гг. Чита. 1907.

Памятная книжка и адресъ-календарь Калужской губерніи на 1908 г. Калуга.

Павловскій, А. А., проф. Атласъ по исторіи древняго искусства. Одесса. 1907.

Памятная книжка и адресъ-календарь Лифляндской губерніи на 1908 г. Рига.

Памятная книжка Минской губерніи на 1908 г. Минскъ. 1907.

Памятная книжка Московской губ. на 1908 годъ. М. 1907.

Памятная книжка Тобольской губ. на 1908 г. Тобольскъ.

Парашкевовъ, П. Погребалнитѣ обичаи у българитѣ. София. 1907. (Изъ „Извѣст. на семин. по слав. филол. при унив).

Пекарскій, Эд. Миддендорфъ и его якутскіе тексты. Спб.

Радловъ, В. Образцы народной литературы тюркскихъ племенъ. Часть IX. Тексты. Переводъ. Спб. 1907.

Ренанъ, Эрнестъ. Исторія израильскаго народа. Томъ первый. Переводъ съ франц. Е. П. Смирнова. Изданіе Н. Глаголева. Спб.

То же Переводъ съ франц. подъ редакціей, съ примѣчаніями и вступительной статьей С. М. Дубнова. Томъ первый. Вып. 1-й. Изданіе Брокгаузъ-Ефронъ. Спб.

Розвідки Михайла Драгоманова про украïньску народни словесність і

письменство. Зладив М. Павлик. Т. IV. У Львові. 1907. 399 стр. + 18 рис.

Русско-славянскій ежегодникъ. Иллюстр. справочникъ и спутникъ съ картой Европейской Славіи. Изд. С. О. Кöничека. М.

Рѣдинъ, Е. К. Искусство и археологія. Библіографія. III. Спб. 1907.

Самойловичъ, А. Памяти П. М. Меліоранскаго. Спб. 1907. 24 стр.+1 портр.

Сборникъ за народни умотворения, наука и книжнина. Кн. XXII и XXIII. София 1906—1907. I. Дѣлъ историко-филологиченъ и фолклоренъ.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. XXXVIII. Тифлисъ.

Святицький, I., др. Відродждене білоруського письменства. Львів. 58 стр.

Сиверсъ, В. Азія. Перев. съ 2-го переработ. нѣмецк. изданія Г. Гейкеля, подъ ред. А. Н. Краснова. Спб.

Словарь русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Имп. Академіи Наукъ. Четвертаго тома выпускъ первый. К.—Кампилитъ Спб. 1906—1907.

Slovenska zemja. Ljubl 1907.

Соболевскій А. И., акад. Лекціи по исторіи русскаго языка. Изданіе четвертое. М. 1907

Его же „Разиновщина, какъ соціологическое и психологическоо явленіе народной жизни“. Н. Н. Ѳирсова, (Критическая замѣтка). 8 стр. (Изъ „Мирн. Труда“).

Спицынъ, А. (Сост.). Краткій каталогъ музея Имп. Русскаго Археологическаго Общества. Спб. 52 стр.

Статистика Россійской Имперіи. LXVI, LXVII. Спб. 1907.

Статистическій Ежегодникъ за 1907. Харьковъ.

Статистическое описаніе Ярославской губерніи. Т. IV и V. Ярославль 1907.

Сыръ-Дарьинская область въ 1906 г. Ташкентъ. 1907.

Тарасовъ, Н. Г. и *Гартвигъ, А. Ѳ.* Изъ исторіи русской культуры. Полюдье. Изданіе Думнова. М.

Титовъ, А. Рукописи славянскія и русскія, принадлежащія И. А. Вахрамѣеву. Вып. VI. М. 1907.

Трубицынъ Н. Н. Александръ Николаевичъ Веселовскій Спб. 1907.

Труды Рязанской Ученой Архивной Комиссіи. Рязань. 1907.

Чичерина, С. В. О приволжскихъ инородцахъ и современномъ значеніи системы Н. И. Ильминскаго. Спб.

Шамбинаго С. К. Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ. Спб. 1907.

Шмаковъ, Алексѣй. Евреи въ исторіи. Харьковъ.

Шмурло, Е. Русскіе и киргизы въ долинѣ верхней Бухтармы. Матеріалы для исторіи заселенія Бухтарминскаго края, Семипалат. 1907. Стр. 66. (Изъ „Зап. Семип. Подотд. З—С. Отд. И. Р. Г. О-ва“ вып. 3).

Štrekelj, K. Slovenske narodne pesmi. Ljublan. 1907.

Эмснеръ В. С. Серія популярныхъ лекцій по антропологіи. Опредѣленіе антропологіи, ея исторія, цѣли и методы. Лекція I. Ростовъ-на-Дону.

Якобій, И. Вятичи Орловской губерніи. Изслѣдованіе. Спб. 1907. Стр. XI + 196 + XLIX + 8 картогр.

ОТДѢЛЪ V.

Смѣсь.

„Бря́жка“.

„Бря́жка“, собственно бра́жка, теперь уже будто бы рѣдкая, выходящая изъ моды пѣсня на свадьбѣ. Парасковья Степанова Воронина 60-лѣтняя старуха въ с. Тамицѣ сказала „бря́жку“ и дала къ ней слѣдующее поясненіе: „Какъ вино вы́пили и вечеринка поведе́ться и разойде́ться, на утро дѣвицы, которые спятъ у невѣсты пойдутъ по роднѣ (прежде ходили со стихами, теперь съ пѣснями). Невѣста по роднѣ пошла и домой приходитъ вечеромъ. Невѣсту отецъ посадитъ на лавку, въ слезахъ уймётъ, дѣвицы пойдутъ къ жениху, въ его фатеры; придутъ, онъ почёствуётъ виномъ по рюмочкѣ, по двѣ и обратно пойдутъ съ пѣснями, тутъ и запляшутъ:

Ужъ ты бряжка, ты бряжка моя,
Золота бряжка спосучена была,
На печи то бражка взрощеная,
На палатяхъ разсоложеная.
У насъ нѣту на бражку питуховъ.
Нѣтъ удалыхъ добрыхъ молодцовъ у насъ,
Изъ Питера питенбурщицьковъ,
Изъ сената сенаторщицьковъ,
Со Дуная нѣтъ донскихъ казаковъ,
Съ Яруслава нѣту красныхъ дѣвицъ,
Съ Вешнякова нѣтъ удалыхъ молодицъ.
Воспроговоритъ молодая жена:
„Ужъ вы бѣлечка, румя́нечка мои,
Садовыи, новокупленыи
Сокатите со бѣла лица долой,
Во́но ѣдётъ мой грозливой мужъ домой.
Онъ не дороги подароцьки везётъ:
Шолковую плётку подъ поясомъ,
Шолкова плётка не свистана была,
Съ конца кисточка не бро́снутая,
Со другого не отёснутая.
Я вечёръ млада въ чесномъ пиру была,

Со боярами вино-пиво пила,
Съ сенаторами остóльничала,
Супротивъ я холостого сидѣла,
Холостому стаканъ водки налила,
А жонатому зелёного вина,
Отставному понесла да пролила,
Отставной стаканъ водки принималъ,
Онъ серебрено колечко приломалъ,
Ужъ и пилъ, ей сестрой называлъ,
Безъ людей зовётъ душоцькою:
„Ужъ ты душецька, Катюшецька моя!
Прилюбилася походочка твоя,
Прилюбился умéльной взглядъ,
Ужъ ты пóйдёшь, накормишь меня,
Обоймёшь взвеселишь молодца,
Поцѣлуешь—душу óбоможишь“.
Ложилася во горницу на кровать,
Очудúлася въ высокомъ терему,
Что вечоръ по мнѣ невѣжа приходилъ
Вотъ невѣжа, не отецькой сынъ,
Онъ у терема двери отпиралъ,
Онъ у пологa полы открывалъ,
У меня младой подолъ залупалъ,
Чёрнособоля зъерóшилъ да ушолъ.
Ложилася во горницу на кровать,
Очудúлася въ высокомъ терему,
Во своёмъ шитомъ браномъ пологу;
Да вечоръ ко мнѣ, надéжа приходилъ
Какъ надéжа, отéцькой сынъ,
Онъ у терема дверь запиралъ,
Онъ у полога полы отпущалъ,
У меня младой подолъ спущалъ,
Чёрносóболя загладилъ да ушолъ.

Н. Ончуковъ.

Этнографическія мелочи изъ дневниковъ путешествовавшаго по Туркменіи.

1.

Стоя по колѣна въ водѣ арыка у водораздѣла, одинъ текинскій народный пѣвецъ (бахшы) изъ аула Багыръ такъ представился намъ (іюнь 1902 г.):

„Мнѣ 24 года. У меня хорошій голосъ и я хорошо пою, но теперь я пѣть не могу по слѣдующимъ двумъ причинамъ. Во-первыхъ, я нѣсколько дней работаю на своей водяной мельницѣ, и мельничная пыль засорила мнѣ горло. Во-второмъ, я только-что женился, и первые дни брачной жизни плохо отразились и на моемъ голосѣ, и на моемъ настроеніи. Нечего говорить,—моей женѣ всего 14 лѣтъ, она красива, стройна, какъ газель, а груди-то у нея—вотъ! (Тутъ

пѣвецъ весьма наглядно изобразилъ, какія маленькія и твердыя груди у его молодухи: онъ крѣпко сжалъ пальцы своихъ рукъ въ двѣ „дули" и приложилъ эти „дули" къ своей груди.) Но семейная жизнь мнѣ не по нраву, и сегодня я уже отправилъ жену обратно къ ея родителямъ. Отдохну вотъ немного отъ мельницы и жены и тогда приду показать тебѣ свой голосъ. Денегъ мнѣ не надо: пою для славы! Пою только тогда, когда могу хорошо спѣть! Ты запишешь мои пѣсни въ „машину" [1]): хочу, чтобы въ Петербургѣ знали про мой голосъ".

Про большинство туркменскихъ бахшы надо сказать, что, любя славу, они еще больше любятъ подарки и, особенно, деньги.

2.

Рѣдкій примѣръ силы привычки наблюдали мы въ аулѣ Гöкъ-тепе № I (іюль 1902 г.). Молодой мулла Язлыкъ, съ глупымъ и ханжескимъ выраженіемъ лица, но съ удивительной памятью, отказывался продекламировать намъ что-нибудь наизусть, если мы не дадимъ ему въ руки какой-нибудь книги. Мы дали муллѣ „Вырожденіе" Макса Нордау, и вотъ, сидя на полу кибитки, держа передъ собой эту книжку вверхъ ногами и раскачиваясь всѣмъ туловищемъ впередъ и назадъ,—Язлыкъ сталъ читать намъ наизусть романтическую поэму Андалиба „Іосифъ и Зулейха".

3.

Намъ нѣсколько разъ приходилось наблюдать, какъ тонко передразниваютъ туркменскіе ребятишки крикъ ословъ и голосъ верблюдовъ, но только однажды намъ довелось повстрѣчаться со взрослымъ имитаторомъ, безподобно подражавшимъ говору и жестамъ бухарскихъ евреевъ и закаспійскихъ салыровъ и сарыковъ. Это былъ умный, веселый старикъ Аманъ-Бахшы, мервскій текинецъ отдѣла отамышъ; его мы нашли въ маленькомъ аулѣ неподалеку отъ развалинъ Порсу-кала, среди бахчей (сент. 1906 г.).

Между прочимъ онъ одинъ воспроизвелъ слѣдующую сложную сцену. Взявъ большую, длинную, грушевидную тыкву и завернувъ ее въ пестрый платокъ на подобіе младенца, Аманъ-Бахшы изобразилъ, какъ укачиваетъ своего ребенка салырская женщина, мужъ которой уѣхалъ въ Персію на аламанъ: то онъ поетъ женскимъ голосомъ съ салырскимъ произношеніемъ колыбельную пѣсенку, прерывая ее угрожающими возгласами и жестами по адресу неугомоннаго младенца, то плачетъ, какъ настоящій ребенокъ. Вотъ возвращается съ аламана мужъ салырки, усталый, голодный, и видя плачущаго сына, начинаетъ ссору съ женой. Здѣсь имитатору приходился разыгрывать сразу три роли! Въ концѣ концовъ супругъ ударяетъ супругу, а та вцѣпляется ему въ бороду и рветъ изъ нея волосы клочьями.

Всю эту сцену и особенно финалъ ея Аманъ-Бахшы провелъ удивительно серьезно, живо, ярко, съ увлеченіемъ,—какъ истинный

[1]) Фонографъ.

артистъ. Насколько намъ извѣстно, далѣе такого зародышеваго состоянія драма у туркменовъ не идетъ.

4.

Во многихъ случаяхъ туркменской жизни видную роль играютъ глашатаи, герольды, *джарчи*. Нужно-ли аульному старшинѣ объявить народу приказъ; приглашаетъ-ли благочестивый туркменъ своихъ одноаульцевъ и всякаго, кто пройдетъ или проѣдетъ мимо, на общественную трапезу (худа йолы); пропало-ли что у кого-нибудь,—всѣ обращаются къ услугамъ джарчы. Джарчы присутствуетъ на народныхъ празднествахъ (тоі), чтобы вызывать всадниковъ на состязаніе въ скачкахъ или силачей (пехлеван)—на борьбу. Хорошій заработокъ для джарчы—на базарахъ, куда народъ съѣзжается со всей округи, и гдѣ при помощи джарчы особенно удобно наводить всякія справки и распространять разныя вѣсти.

На текинскомъ базарѣ въ городѣ Мервѣ для джарчы имѣется спеціальное глиняное возвышеніе—цилиндрической формы пьедесталъ, своего рода „столпъ". Мы часто видѣли зимой 1906 г., какъ низенькій, сгорбленный, сухой старичокъ, бѣдно одѣтый, съ козлиной сѣдой бородой, съ подслѣповатыми мигающими глазками, съ кривой палкой въ рукѣ топчется кругомъ на своемъ пьедесталѣ и слабымъ, надорваннымъ голоскомъ выкрикиваетъ то, что ему закажутъ. Около джарчы—толпа: кто слушаетъ, не нашелся-ли его заблудившійся верблюдъ, не нужно-ли кому работника, не будетъ-ли гдѣ тоі'я по случаю обрѣзанія сына, или по случаю постановки новой кибитки и т. п., а кто ждетъ очереди, чтобы дать работу джарчы. Вознаграждается трудъ глашатая грошами, но грошей перепадаетъ ему немало.

Въ аулахъ, чтобы быть лучше услышанными, джарчы взбираются, какъ пѣтухи, на глиняныя ограды.

Вотъ два образца, какъ кричатъ джарчы (записано въ аулѣ Багыръ, іюнь 1902 г.).

— Отъ каждаго „серкара" [1]) по человѣку завтра должны отправиться въ Гӧк-ча, хоу!

— Отъ каждаго „тирэ" (колѣна) по аксакалу должны отправиться, хоу!

— Не говори, что „я не слышалъ", хоу!

— Три рубля „ыштрафъ" придется отдать, хоу!

Такъ передалъ джарчы народу приказъ асхабадскаго начальства, которое предполагало на слѣдующій день въ аулѣ Гӧкъ-ча опросить туркменовъ о потеряхъ отъ саранчи.

Слѣдующее „джар"—„оглашеніе" произведено было по заказу частнаго лица:

— Любящіе Бога, любящіе Пророка, хоу!

— На берегу Патша-су забытъ мѣшочекъ для чаю, хоу!

— Кто видѣлъ, кто знаетъ, тому „кранъ" (20 коп.) дадутъ за находку, хоу!

---

[1]) Артель водовладѣльцевъ. См. хотя-бы замѣтку о туркменскомъ землеводопользованіи А. А. Семенова въ Этнограф. Обозрѣніи, кн. 57, стр. 116—120.

Сколько намъ ни проходилось видѣть „джарчы", все это дряхлые старики со слабымъ голосомъ и невнятнымъ, шамкающимъ произношеніемъ, такъ что, находясь даже не особенно далеко отъ такихъ глашатаевъ, мы обыкновенно ясно различали только заключающій каждую фразу, протяжный возгласъ „хоу!" Что касается туркменовъ, то они, какъ степняки, отличаются удивительно чуткимъ слухомъ: услышавъ „хоу!", которымъ глашатай обращаетъ на себя вниманіе, туркменъ настораживаетъ уши и улавливаетъ слова „джарчы" на весьма далекомъ разстояніи.

С.

Хроника.

Дѣятельность Отдѣленія Этнографіи И. Р. Г. О-ва. 14 декабря 1907 года было заслушано: продолженіе доклада *В. И. Анучина*: „Енисейцы" (Енисейскіе остяки). *(Результаты экспедиціи 1905—1907 г.).* Программа: Постройки. Ремесла и искусства. Пища. Платье. Родовой строй. Бракъ, семья, дѣти. Словесное творчество. Музыка. Вѣрованія. Были демонстрированы картины, рисунки, діапозитивы и нѣкотор. вещи изъ этнографич. коллекціи.

Далѣе, на основаніи данныхъ, полученныхъ отъ В. И. Анучина, сообщаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о результатахъ его экспедиціи и предпринятыхъ имъ работахъ. Докладчикъ былъ командированъ въ Туруханскій край для всесторонняго изученія енисейцевъ „Русскимъ Комитетомъ для изученія Азіи" и Академіей Наукъ въ лицѣ Музея этнографіи. Экспедиція длилась въ теченіе трехъ лѣтъ и дала слѣдующіе результаты:

1) Собранъ большой лингвистическій матеріалъ: тексты, словарь, основы этимологіи и пр.; 2) Собранъ обильный фольклористическій матеріалъ; 3) Изученъ матеріальный и духовный бытъ; 4) Сдѣлана перепись енисейцевъ и собраны любопытныя статистическія данныя; 5) Собранъ историческій матеріалъ, архивныя данныя и т. п.; 6) Собраны данныя о современномъ экономическомъ положеніи енисейцевъ; 7) Собрана исчерпывающая этнографическая коллекція въ 500 предм.; 8) Произведено 105 антропометрическихъ измѣреній и матеріалы, дающіе возможность составить антропологическое описаніе; 9) Сдѣлано около 150 фотографическихъ снимковъ: портреты, семейные портреты, группы, сцены быта, жилища, природа края и т. п.; 10) Написано нѣсколько картинъ масломъ и акварелью; 11) 50 рисунковъ перомъ и карандашомъ; 12) Записано около 20 фонограммъ: шаманскія пѣсни, пѣсни, разсказы, сказки, загадки и т. п.

Въ виду обилія матеріаловъ въ докладѣ г. Анучина, а также въ виду полной неизвѣстности въ наукѣ чего-либо объ енисейцахъ, представляется затруднительнымъ дать краткое содержаніе доклада.

Въ теченіе настоящей зимы докладчикъ имѣетъ опубликовать предварительные матеріалы по лингвистикѣ, антропологіи и дать

описаніе этнографической коллекціи, затѣмъ, лѣтомъ 1908 г. сдѣлать заключительную поѣздку въ Туруханскій край для изученія родственныхъ енисейцамъ *сымцевъ* (помѣсь енисейцевъ и какого-то вымершаго племени ј у һ) и б а и ш и н ц е в ъ (помѣсь енисейцевъ и самоѣдовъ) и уже съ осени 1908 г. приступить къ полному опубликованію своихъ работъ.

Въ засѣданіи 9 февраля 1908 года произведены были выборы Предсѣдательствующаго по Отдѣленію Этнографіи на предстоящее четырехлѣтіе (1908—1911 гг.). Закрытой баллотировкой, произведенной при помощи записокъ, былъ избранъ вновь В. И. Ламанскій. Послѣ избранія Предсѣдателя К. Ф. Жаковъ сдѣлалъ сообщеніе „О зырянахъ“, конспектъ котораго, составленный докладчикомъ, здѣсь и приводится.

Конспектъ доклада о „зырянахъ“.

Дѣйствительныя границы, въ которыхъ живетъ въ данное время племя Коми, не соотвѣтствуетъ картѣ Риттиха. Съ Порога до Усть-Цыльмы по Печорѣ живутъ зыряне (вопреки картѣ Риттиха), большей частью старовѣры. На Вычегдѣ выше Межöга нѣтъ русскихъ поселеній. Основаніями ошибокъ у составителей карты были названія мѣстъ (рочь-сиктъ — русская деревня; рочь-шоръ — русскій ручей) и старовѣрство. Очевидно, какая-то часть русскихъ по языку опермилась (но не антропологически; въ этомъ отношеніи зыряне сильно отличаются отъ вотяковъ, болѣе чистыхъ финновъ, обладая русскими чертами характера).

Старовѣрство у зырянъ (по крайней мѣрѣ въ области Керчемьи) произошло вслѣдствіе того, что, въ эпоху гоненія старовѣровъ, нѣкоторая часть переселилась на рѣчку Тым-Сер, впадающую въ южную Кельтму. Эти старовѣры передали зырянамъ свои книги и свое ученіе.

Не смотря на православіе и старовѣрство, у зырянъ много еще языческихъ пережитковъ. Такъ, на Печорѣ говорятъ, что на вершинѣ Тöл-поз-из живетъ богъ Шуа, чуткоухій, не любящій шума (аттрибутъ древняго Войпеля — Сѣверное Ухо).

Параллельно съ переживаніемъ переходнаго времени въ міровоззрѣніи, въ данную минуту замѣчается у зырянъ переходная стадія и въ экономическомъ быту. Ихъ отхожіе промыслы (рубка лѣса на Пермскихъ заводахъ, портняжничанье въ Ирбитскомъ уѣздѣ и др.) быстро вліяютъ на перемѣну обычаевъ, нравовъ, міровоззрѣнія. Лѣсной промыселъ на Вычегду конкуррируетъ съ земледѣліемъ... Этотъ переходный процессъ, какъ всякое развитіе, особенно болѣзненно потому, что у Коми нѣтъ своей интеллигенціи. Школы не совсѣмъ соотвѣтствуютъ укладу жизни (нѣтъ зырянскаго языка параллельно съ русскимъ, нѣтъ географіи и исторіи сѣвера, трехгодичный курсъ недостаточенъ). Школъ мало, интеллигенція города Усьсысольска и крупныхъ селъ отстоитъ дальше, чѣмъ слѣдуетъ, отъ народа и органически не связана съ нимъ. Будущее зависитъ отъ нарожденія народный, мѣстной, органически связанной съ племенемъ, интеллигенціи.

15 февраля было выслушано сообщенiе *Б. Б. Барадiйн'а*: „Буддiйскiй монастырь Лавран". (Изъ путешествiя Б. Б. Барадiйн'а въ сѣверо-восточную окраину Тибета 1905—1907 г.). Программа сообщенiя: Изъ исторiи основанiя Лавран'а. Описанiе монастыря: общiй видъ, храмы и монашескiя жилища. Населенiе Лавран'а: гэгэн'ы—святые и простые монахи. Строй монастырской жизни. Школы буддiйскихъ знанiй. Окрестности Лавран'а. (Были показаны дiапозитивы).

Это сообщенiе Б. Б. Барадiйн'а являлось продолженiемъ предыдущаго, сдѣланнаго имъ на годовомъ общемъ собранiи 30 января, подъ заглавiемъ: „Восемь мѣсяцевъ въ Буддiйскомъ монастырѣ Лавранѣ на сѣверо-восточной окраинѣ Тибета (1905—1907 г.г.)". Программа сообщенiя: Отъѣздъ изъ Забайкалья. Урга. Въ Ван-Куренѣ при Дворѣ Далай-Ламы. Далай-Лама въ его частной жизни. Тибетская свита Далай-Ламы. Отъѣздъ изъ Ван-Куреня. Халха. Алашань. Гумбумъ. Путь изъ Гумбума въ Лавранъ. Амдо.

Прилагаю далѣе сдѣланное докладчикомъ сокращенное изложенiе обоихъ сообщенiй.

Замѣтка о путешествiи (1905—1907 г.) въ сѣв.-восточную окраину Тибета.

Въ 1905 году я былъ командированъ Русскимъ Комитетомъ для изученiя Средней и Восточной Азiи въ буддiйскiй монастырь Лавранъ на сѣверо-восточной окраинѣ Тибета. Путешествiе мое продолжалось два года.

Выѣхавъ осенью того же года изъ своей родины—Забайкалья, я поѣхалъ черезъ г. Ургу въ монастырь Ванъ-Куренъ (въ 300 в. на с.-з. отъ Урги). Здѣсь я провелъ зиму при походномъ дворѣ Далай-Ламы, изучая типы и нравы тибетцевъ, составлявшихъ свиту буддiйскаго первосвященника.

Въ началѣ 1906 г. я выѣхалъ изъ Ванъ-Курена въ дальнѣйшiй путь черезъ Ургу, Алама-Ямынь и мон. Кумбумъ. Въ началѣ лѣта т. г. я былъ на мѣстѣ своихъ работъ—въ Лавранѣ.

Послѣ 8-мимѣсячной жизни въ этомъ крупнѣйшемъ разсадникѣ буддизма я выѣхалъ на родину въ началѣ прошлаго года по старой дорогѣ.

Живя въ Лавранѣ, я, главнымъ образомъ, обращалъ вниманiе на внутреннюю жизнь его обитателей—монаховъ, также и на внѣшнiй видъ монастыря. Лавранъ основанъ въ 1710 г. знаменитымъ амдоскимъ ученымъ и мыслителемъ Жамянъ-шадбой (1648 — 1722). Лавранъ стоитъ на 35°11′59″ шир. и $7^h 45^m 48{,}9^s$ долг. и на высотѣ 2982 метровъ надъ уровнемъ моря (см. I т. путеш. Г. Н. Потанина 1884—1886). Онъ расположенъ на лѣвомъ берегу горной рч. Санчу системы р. Хуанхэ. Мѣстность эта, какъ продолженiе всего тибетскаго плоскогорья, чрезвычайно гориста и богата горными рѣчками. Долина рч. Санчу у Лаврана образуетъ глубокую узкую тѣснину, такъ что въ Лавранѣ солнце утромъ показывается очень поздно и исчезаетъ за горизонтомъ очень рано.

Лавранъ имѣетъ весьма привлекательный и чистый видъ, напоминая видъ какого-нибудь стариннаго итальянскаго города. Онъ занимаетъ площадь шириною не больше $^1/_2$ в. и длиною 1 в.

Надъ многочисленными монашескими двориками возвышается множество каменныхъ храмовъ въ нѣсколько этажей и весьма оригинальной красивой архитектуры и различныхъ цвѣтовъ: бѣлаго, краснаго и желтаго.

Монашескія жилища построены изъ сѣраго камня или изъ глины и имѣютъ плоскую крышу. Вообще жилища монаховъ, согласно монастырскому уставу, весьма однотипны какъ по размѣру, такъ и по плану. Жилища монаховъ представляютъ небольшіе отдѣльные дворики съ маленькими жилыми и хозяйственными постройками, которыя пристроены къ стѣнамъ дворика и всегда обращены лицомъ во внутрь. Лавранскіе монахи живутъ поодиночкѣ въ отдѣльныхъ комнаткахъ размѣромъ около 1 кв. с., ведя каждый самъ за себя свое скромное домашнее хозяйство.

Кромѣ простыхъ монаховъ, есть еще гэгэны (т.-е. святые), которые имѣютъ обширные дворы—особняки.

Число жителей въ Лавранѣ достигаетъ до 3.000 чел., изъ коихъ до 500 чел. монголовъ разныхъ племенъ,—въ томъ числѣ до 100 чел. забайкальскихъ бурятъ и тунгусовъ.

Жители Лаврана по положенію строго различаются на простыхъ монаховъ и знатныхъ гэгэновъ (святые); послѣдніе (въ числѣ до 100 чел.) составляютъ здѣсь современную ламскую аристократію. Самымъ старшимъ изъ лавранскихъ гэгэновъ является владѣтель монастыря Жамянъ-шадба (по счету 4-й перерожденецъ основателя Лаврана), который, будучи молодымъ человѣкомъ, весьма любезно принялъ въ своемъ монастырѣ экспедицію Г. Н. Потанина. Главное занятіе лавранцевъ составляетъ изученіе различныхъ системъ буддизма, который преподается здѣсь въ школахъ: цаннидской (школа критической философіи буддизма), гоудской, дуйнкорской и кьэдорской (школы различныхъ системъ буддійской символики) и манбинской (школа индо-тибетской медицины).

По нравственной чистотѣ лавранскіе монахи, благодаря строгости монастырскаго устава и особой благоустроенности монашеской жизни, стоятъ далеко выше, чѣмъ монахи, видѣнные мною до сихъ поръ у бурятъ въ Монголіи и въ мон. Кумбунѣ.

Монахи живутъ скромно, и жизнь въ Лавранѣ весьма дешева. Скромный монахъ въ годъ проживаетъ до 50 р. на наши деньги, обезпечивая себя всѣмъ необходимымъ, мясомъ, овощами, хлѣбными и молочными продуктами.

Кругомъ въ окрестностяхъ Лаврана находятся горныя обители „ритоды", въ которыхъ обитаютъ исключительно монахи-отшельники, предпочитающіе жить вдали отъ шумной школьной жизни Лаврана. Жилища въ этихъ обителяхъ, какъ и обстановка и жизнь отшельниковъ,—чрезвычайно простого скромнаго устройства. Монахи-отшельники имѣютъ коммуніальный строй жизни и питаются исключительно „цзамбой" (поджаренная мука) и молочными продуктами. Въ этомъ отношеніи они напоминаютъ древне-буддійскую общину монаховъ въ Индіи.

Окрестное населеніе Лаврана составляютъ воинственные тангуты—земледѣльцы и скотоводы,—которые, находясь подъ сферой вліянія Лаврана, составляютъ милицію Жамянъ-шадбы въ 500 чел., вооруженныхъ фитильными ружьями и даже отчасти боевыми винтовками разныхъ европейскихъ системъ.

Ограничиваясь этой краткой замѣткой о моемъ путешествіи, отмѣчу, что главная цѣль моего путешествія была — изслѣдованіе духовной культуры современныхъ монголо-тибетскихъ народностей,—путемъ изученія на мѣстѣ религіи, языка и литературы данной народности.

Рвеніе къ изученію этой стороны ихъ жизни усиливалось тѣмъ, что эта область, по моему мнѣнію, не получила еще до сихъ поръ вполнѣ научнаго освѣщенія. Кромѣ того, я долженъ былъ работать подъ видомъ простого бурятскаго паломника, и мнѣ, какъ буддисту, могли быть доступны всѣ тѣ стороны жизни, которыя часто вовсе недоступны для путешественника европейца.

Помимо этой задачи, я попутно дѣлалъ наблюденія надъ соціально-политической и этнографическо-бытовой стороной жизни мѣстнаго населенія.

Въ результатѣ вынесенныхъ мною изъ путешествія наблюденій я пришелъ къ несомнѣнному заключенію, что возвышенная религіозно-философская система Будды въ рукахъ тибетцевъ и монголовъ (въ томъ числѣ и бурятъ) превратилась въ сильно организованную Церковь, которая захватила въ свои руки рѣшительно всѣ стороны жизни этихъ народностей и оказала на нихъ свое отрицательное и положительное вліяніе.

Этотъ фактъ въ своей отрицательной формѣ сознается теперь не только просвѣщеннымъ элементомъ самихъ буддистовъ изъ этихъ народностей, но даже и буддійскимъ первосвященникомъ, нынѣшнимъ Далай-Ламой XIII-мъ, что явствуетъ изъ его желанія созвать Буддійскій вселенскій соборъ.

Тибетскій буддизмъ распадается на многочисленныя и весьма оригинальныя религіозно-философскія секты, изъ которыхъ только одна господствующая—гэлугпаская (желтошапочная) распространилась за предѣлы Тибета—въ Монголіи и у бурятъ—и потому болѣе или менѣе стала извѣстной въ Европѣ.

Эти секты, до сихъ поръ остающіяся совершенно неизвѣстными въ Европѣ, чрезвычайно интересовали насъ во многихъ отношеніяхъ. Намъ въ Лавранѣ случайно удалось достать весьма важную литературу объ этихъ сектахъ, и мы со временемъ надѣемся ознакомить съ ней общество.

Для болѣе подробнаго ознакомленія съ нашимъ путешествіемъ мы ссылаемся на нашъ докладъ, читанный въ годовомъ собраніи и въ отдѣленіи по этнографіи И. Р. Г. О. $^{1}/_{30}$ и $^{II}/_{15}$ 1906 г. Главная наша работа готовится къ печати въ видѣ подробнаго описанія путешествія въ Лавранъ и изслѣдованія критической философіи буддизма „цаннидъ“ и важнѣйшихъ литературныхъ матеріаловъ, добытыхъ нами на мѣстѣ.

Б. Барадійнъ.

29 февраля имѣли мѣсто: 1) Сообщеніе *И. И. Солосина* „Этнографическія наблюденія въ Астраханской губ.“ и 2) *Д. В. М-въ* прочелъ сообщеніе *В. А. Мошкова* „О новой теоріи происхожденія человѣка“. Г. Солосинъ предметомъ своихъ этнографическихъ наблюденій избралъ села, лежащія по теченію рѣки Ахтубы въ Ахтубинской долинѣ. Эти мѣста, съ этнографической стороны, особенно интересны по смѣшанности своего населенія. Въ одномъ селѣ здѣсь живутъ великоруссы, малоруссы, выходцы изъ различныхъ областей Имперіи. Смѣшанность эта своеобразно отражается на говорѣ, обрядахъ и бытѣ населенія. Однако, всюду подмѣчается общее явленіе: племенная разнохарактерность населенія сглаживается. Вездѣ „хохлы“ ассимилируются съ великоруссами, утрачивая особенности своего нарѣчія и національныя черты, при чемъ эта ассимиляція совершается довольно легко и естественно. Школа и государственный языкъ всюду дѣлаютъ свое дѣло. Сами малороссы охотно входятъ въ общеніе съ великороссами, усваиваютъ ихъ языкъ и обычаи жизни.

Ахтубинская долина интересна и по историческимъ воспоминаніямъ, связаннымъ съ нею. Многочисленные курганы этой мѣстности, еще не изслѣдованные должнымъ образомъ, свидѣтельствуютъ о пребываніи въ этихъ мѣстахъ татаръ др. племенъ Азіи. Центральный пунктъ мѣстности, г. Царевъ, по преданію стоитъ на мѣстѣ знаменитаго нѣкогда Сарая, столицы хановъ Золотой орды. Въ царевской равнинѣ курганы особенно многочисленны.

Жители находятъ въ нихъ различныя мелкія вещи, монеты и во множествѣ такъ называемый здѣсь „мамаевъ кирпичъ“, это жженый камень въ видѣ квадратныхъ плитокъ, замѣчательной прочности. Въ недавнее еще время этого кирпича такъ было много, что не только царевскіе жители, но и крестьяне другихъ селъ употребляли на постройку или продавали на сторону. Все это указываетъ на то, что царевская равнина заслуживаетъ полнаго вниманія нашихъ ученыхъ. Тщательныя раскопки ея кургановъ дали бы, безъ сомнѣнія, хорошій историческій матеріалъ.

Въ заключеніе докладчикъ привелъ нѣсколько образцовъ народной словесности: разсказы о кладахъ, зарытыхъ въ курганахъ, киргизское преданіе о возникновеніи Ахтубы, нѣсколько бытовыхъ и историческихъ пѣсенъ и пр.

1 марта состоялось сообщеніе *О. И. Іона*—„Султанатъ Сіакъ и его обитатели“. Изъ поѣздки на островъ Суматру въ 1907 г. П р о г р а м м а: Султанатъ Сіакъ. Географическій обзоръ. — Управленіе — Исторія. — Сіакскіе малайцы и китайцы. — Экономическое положеніе. —Промыслы. — Хлѣбоводство и скотоводство.—Кампонги (деревни).— Городъ Сіакъ-сри-Индрапура. — Литература о странѣ и научныя экспедиціи. — Маршрутъ поѣздки въ 1907 г. — Племя Орангъ-Акетъ: Кампонги. — Промыслы. — Оружіе. — „Bekinobat“. — Племя Орангъ-Батинъ: Легенда о ихъ происхожденіи. — Численность. — Характеристика типа. — Болѣзни. — Одежда. — Кампонги и постройки. — домашняя утварь и принадлежности обихода. —Питаніе. — Хлѣбоводство. — Промыслы. — Оружіе. — Нравы и обычаи. — Заключеніе. — (Были показаны діапозитивы).

Въ засѣданіи 21 марта были сдѣланы два сообщенія:

1) сообщеніе *Б. Ф. Михайлова* „Русскія военныя поселенія Тифлисской губ. Сигнахскаго и Телавскаго уѣздовъ“.

Время и условія возникновенія поселеній. Южное предгорье Дагестана и его населеніе. Количественный, племенной и религіозный составъ русскихъ поселеній. Общія черты матеріальнаго быта. Занятія и промыслы. Мѣстный русскій говоръ. Элементы народнаго творчества: пѣсня, музыка, искусство. Суевѣрія. Элементы безсознательной народной памяти. Слѣдствія отношеній русской и инородческой среды. Ассимиляція. Антагонизмъ. Выводы.

2) Сообщеніе *А. А. Миллера* „Черноморское побережье Кавказа“. Историческое прошлое побережья. Памятники старины: крѣпости, храмы, пещеры, дольмены, древнія погребенія. Результаты раскопокъ. Абхазія и абхазцы. Постройки и утварь. Бытъ и вѣрованія. Жертвоприношенія, культъ кузницы, леченіе болѣзней. Священная гора Дудрюпшъ. Роль музыки въ быту. Музыкальные инструменты.—Во время сообщенія были показаны нѣкоторые предметы изъ собранныхъ коллекцій.

Русскія военныя поселенія Тифлисской губ. возникли въ концѣ 30-хъ г.г. на мѣстахъ стоянки военныхъ частей и образовались изъ семей нижнихъ чиновъ. Одна часть поселеній расположилась по лезгинской линіи, гдѣ до сихъ поръ остались поселки: Сацхенисы, Лагодехи, Михайловка и Царскіе Колодцы. Поселенія долго выдерживали на себѣ всѣ ужасы кавказской войны и въ продолженіи 65 лѣтъ находились подъ вліяніемъ чуждой инородческой и естественной среды южнаго предгорія Дагестана. Названныя поселенія содержатъ до 210 дворовъ при 1.500—2.000 душъ обоего пола. Населенія надо причислить къ великоруссамъ. Исповѣдуютъ православіе. Села въ большинствѣ лежатъ среди лѣсовъ. Постройки представляютъ изъ себя смѣсь русскаго и грузинскаго образцовъ. Въ домашнемъ обиходѣ много заимствованій изъ обиходовъ грузинскаго и лезгинскаго. Особенно сильно сказалось грузинское и лезгинское вліяніе на костюмѣ, который во многихъ мѣстахъ уже утерялъ русскія особенности. Въ области питанія сказывается преобладаніе мѣстныхъ инородческихъ блюдъ, хотя и русскія довольно обыкновенны. Населеніе занимается отчасти хлѣбопашествомъ, но сильно распространены занятія табаководствомъ и садоводствомъ. Изъ промысловъ можно указать па охотничій, пчелиный и рыбный. Первые два ведутся своеобразно: 1-ый производится артелью („чаемъ“), а второй характеренъ тѣмъ, что ведется въ лѣсу (на дикихъ пчелъ). Занятія эти и промыслы даютъ населенію средній достатокъ. Изъ заимствованій въ области языка можно указать на 1) усвоеніе русскими грузинскаго произношенія и 2) усвоеніе многихъ туземныхъ терминовъ-словъ. Область мѣстныхъ духовныхъ переживаній характерна въ проявленіяхъ мѣстнаго творчества. Къ нему, какъ элементы, надо отнести историческую пѣсню, музыку и своеобразный способъ охотничьяго письма на деревѣ. Область вѣрованій получила въ русской средѣ особый отпечатокъ подъ вліяніемъ мусульманскаго культа „шайтана“. Иногда можно наблюдать безсознательныя упоминанія о глубокой старинѣ,

относящейся къ XIV и XV в.в., которыя сохранились въ пословицахъ. Общее давленіе инородческой среды на русскую массу выражается двояко: 1) грузинское единовѣрное населеніе взаимно ассимилируется съ русскимъ, отношенія между тѣми и другими мирныя; 2) мусульманское же населеніе не остыло враждой къ русскимъ и нерѣдко въ обоюдообостренныхъ отношеніяхъ встрѣчаются кровавыя расправы. Такъ, находясь въ характерной обстановкѣ и подъ особыми вліяніями, мѣстное русское населеніе представляетъ интересъ и съ этнографической и съ исторической стороны, но до сихъ поръ еще не обслѣдовано.

Археологическій и этнографическій очеркъ Черноморскаго побережья.

Сообщеніе *А. А. Миллера* въ Этнограф. Отдѣл. Импер. Геогр. Общ. 21 марта 1908 г.[1])

Черноморское побережье дѣлится въ топографическомъ и климатическомъ отношеніи на двѣ части: сѣверную — отъ Новороссійска до Сочи и южную — отъ Сочи къ Сухуму и далѣе. Сѣверная часть холмиста, доступна холоднымъ сѣверо-вост. вѣтрамъ. Южная часть отличается гораздо болѣе теплымъ климатомъ. Отъ Гагръ горы постепенно отходятъ отъ берега и ровная береговая полоса постепенно увеличивается къ югу. Такое дѣленіе, естественное, вполнѣ соотвѣтствуетъ и извѣстной разницѣ въ этническомъ и археологическихъ отношеніяхъ обѣихъ частей побережья.

Южная часть, древняя Колхида, колонизована была греками въ глубокой древности. Торговыя факторія скоро развились въ цвѣтущіе города: Фазисъ, Тіеносъ, Діоскуріасъ, Питіусъ и друг. Торговля велась мѣновая и международная. По свидѣтельству многихъ греческихъ писателей въ Діоскуріи сходилось болѣе ста различныхъ народностей, приходили „даже фтирофаги“ за солью...

Греки вывозили лѣсъ, хлѣбъ. Въ V в. до Р. Х. Аѳины получили отъ гор. Діоскуріи привилегію вывозить хлѣбъ безъ пошлины и грузить свои корабли первыми.

Существенный ударъ этимъ колоніямъ нанесенъ былъ опустошительной войной Митридата съ Римомъ, Діоскурія сильно пала и извѣстна намъ въ дальнѣйшемъ періодѣ своей исторіи подъ именемъ Севастополиса. Однако, крупная роль международныхъ торговыхъ центровъ была утрачена колоніями надолго. Многія изъ нихъ были разорены во время продолжительныхъ войнъ Кавада съ Юстиномъ и Хозроя съ Юстиніаномъ.

При Юстиніанѣ на побережьи, въ частности въ Абхазіи, построено было много храмовъ, отъ которыхъ остались многочисленныя развалины. Капитальный интересъ сводится къ отысканію древнихъ городовъ. Высказывалось предположеніе, что Сухумъ стоитъ на мѣстѣ Діоскуріи.

А. А. Миллеръ склоняется къ этому мнѣнію, какъ на основаніи косвенныхъ и прямыхъ указаній древнихъ писателей, такъ и своихъ личныхъ наблюденій. Отсутствіе развалинъ объясняется постепен-

[1]) Конспективное изложеніе сообщенія.

нымъ опусканіемъ берега. На мѣстѣ теперешняго Сухума можно видѣть пригородъ, вся же Діоскурія въ водѣ. Доказательства: обрывъ берега у моря представляетъ собой культурныя наслоенія разныхъ временъ, начиная отъ античнаго. Случайныхъ находокъ въ обвалѣ берега было не мало. Въ 1907 г. открытъ водопроводъ. „Старая крѣпость" изъ булыжника на цементѣ построена на древнемъ основаніи, которое ясно видно. Стѣна отъ крѣпости исчезаетъ въ морѣ. Фактъ постепеннаго завоеванія берега моремъ — извѣстенъ всѣмъ жителямъ Сухума. Въ 6 в. отъ Сухума, у рѣки Келасуръ, начинается стѣна, идущая съ перерывами, вплоть до рѣки Ингура. У берега стѣна имѣетъ башню, на холмѣ тутъ же къ ней примыкаетъ укрѣпленіе овальной формы, съ однимъ входомъ. Возможно, что это древняя Трахея, извѣстная по описанію Прокопія войнъ Хозроя съ Юстиніаномъ.

Неглубокая раскопка башни дала типичную культуру: обломки поливныхъ съ узоромъ сосудовъ, не мѣстной работы.

Въ 35 вер. отъ Сухума, въ горахъ, въ мѣстности, называемой Цебельда, на предгорьѣ горы Адаго, круто спускающемся къ р. Кодоръ, А. А. Миллеромъ открыты были развалины древней крѣпости. Крѣпость состояла изъ стѣнъ, башни съ окномъ, фундаментовъ построекъ, цистерны, подземнаго хода и двухъ (совершенно разрушенныхъ), храмовъ. Храмы раскопаны. Находки: фрески византійскаго стиля, каменная рѣзная капитель ранней поры, кадильница, кадильная цѣпь, обломки глиняной поливной и стекляной расписной посуды.

Въ этой крѣпости докладчикъ видитъ древній Тцибилумъ, извѣстный по описанію войнъ Хозроя съ Юстіаниномъ. Въ данномъ случаѣ совпадаетъ и мѣсто, и названіе: Тцибилумъ — Цебельда.

Древнихъ погребеній въ южной части побережья мы не видимъ, по крайней мѣрѣ туземныхъ. Причина: мѣстность эта была со временъ глубокой древности населена абхазцами (апсилы, абаски), которые умершихъ не предавали землѣ. (Свид. древн. писателей и грузинскаго царевича Вахушта). Сѣверная часть побережья имѣетъ иной археологическій характеръ. Развалины храмовъ рѣдки. Появляются дольмены. Типичный дольменъ — изъ четырехъ плитъ, перекрытый пятой. Постепенно этотъ типъ переходитъ въ дольменъ цѣликомъ высѣченный въ скалѣ, сохраняя однако снаружи форму составного. Близь Туапсе дольменъ, высѣченный изъ скалы, накрытъ плитой. На р. Годликъ—дольменъ цѣликомъ высѣченъ изъ скалы.

Древнія погребенія не рѣдки. Погребенія плоскія древнѣе курганныхъ.

При изслѣдованіи могильника близь сел. Карповки (Агой), были вскрыты 24 погребенія. Время—6—7 вѣкъ по Р. Х. Культура: мечи, кинжалы, ожерелья сердоликовыя, янтарныя пасты, бронзовые браслеты, серебряныя серьги, серебряныя прорѣзныя бляшки, типичныя для того времени. Встрѣтились погребенія безъ насыпей и болѣе поздняго времени: появляется въ могилахъ камень. Культура: удила, сабли, серебряныя дутыя пуговицы, громадныхъ размѣровъ наконечники копій (рогатины). Черкесскіе курганы съ камнемъ. Обычай насыпать курганы сохранялся черкесами очень долго,

вплоть до огнестрѣльнаго оружія и магометанства. Изслѣдованы развалины древней крѣпости въ Дузу-Калэ. Южная часть побережья населена абхазцами, древнимъ народомъ. Несмотря на греческія и византійскія колоніи и международную торговлю по побережью, абхазцы остались въ сторонѣ и, не поддавшись, видимо, никакому иноземному вліянію, сохранили до нашихъ дней въ своемъ быту слѣды глубокой старины. Въ послѣднее время, впрочемъ, южная часть Абхазіи (Самурзаканъ) подверглась сильному культурному вліянію мингрельцевъ. Въ участкахъ же Кодорскомъ и Гудаутскомъ абхазцы сохранили вполнѣ свои обычаи и, даже, языческія вѣрованія. Живутъ абхазцы разбросанно, отдѣльными дворами. Дворъ окружается заборомъ. Жилой домъ трехъ типовъ: 1) круглая, плетеная хижина, крытая конической крышей изъ папоротника или кукурузной соломы. Этотъ типъ зданія—старый. Теперь, въ дальнѣйшей эволюціи жилища, онъ отходитъ подъ кухню и замѣняется 2) четырехугольной плетеной хижиной съ четырехскатной соломенной крышей. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ жилищѣ нѣтъ ни трубы, ни оконъ. 3) Деревяный домъ съ окнами, на сваяхъ. Распространился лишь въ послѣднее время, главнымъ образомъ, среди князей. Плотники, строящіе такіе дома—рачиницы, мингрельцы или турки. Обстановка простая: низенькіе скамьи и столы. Утварь деревянная. Глиняная посуда покупается въ мѣстечкахъ у мингрельскихъ гончаровъ. Употребляются черпаки и сосуды изъ тыквъ.

Религіозныя вѣрованія абхазцевъ.

Богъ—творецъ вселенной „Анчьвà“. Ему молятся и приносятъ жертвы (и христіане).

Существуетъ хоралъ-молитва, съ повторяющейся фразой: „О, ты, который съ громомъ спускаешься на землю и съ молніей восходишь на небо, ты, которому извѣстно число песчинокъ на днѣ морскомъ“... и т. д. Кончается восклицаніемъ „ах дау“ (великій Боже). „Анчьва“ приносятъ жертвы во время бездождія. Жертвы—общественныя, по приговору сельскихъ сходовъ. Собираются у рѣки, иногда служитъ молебенъ православный священникъ, затѣмъ старикъ, держа веревку, къ которой привязанъ быкъ, обращается къ Богу съ молитвой. Быка рѣжутъ и варятъ. Надѣвъ на палочку кусокъ печенки и сердца, старикъ вторично обращается къ Богу съ молитвой, послѣ которой всѣ говорятъ „аминь“. На вышку изъ жердей кладутъ куски сердца, печени (жертвоприношеніе). Вареное мясо ѣдятъ на землѣ—на листьяхъ или плетенкахъ. Женщины въ пирѣ не принимаютъ участія.

Во время бездождія совершается и другая обрядность, въ которой нельзя не видѣть выродившагося человѣческаго жертвоприношенія. Теперь эту обрядность исполняютъ только дѣти. Чучело, одѣтое женщиной, несутъ къ рѣкѣ и топятъ. При этомъ бьютъ лягушекъ и поютъ: „Дзивово, Дзивово, дзарикуакуа мркылдыш [1]), царская дочь хочетъ пить, вина она не пьетъ, а ручейки такъ малы. Дай же хоть капельку, хоть капельку!“

[1]) Смыслъ этой фразы теперь уже утраченъ.

Лѣтъ 50 тому назадъ процессія къ водѣ и потопленіе чучела совершались женщинами, одѣтыми въ праздничные костюмы. Чучело везли на ослѣ, покрытомъ бѣлымъ пологомъ.

Что это пережитокъ человѣческаго жертвоприношенія, ясно и изъ другихъ абхазскихъ повѣрій, напр., если идетъ сильный дождь— говорятъ: „кто-то утонулъ". Во время сильной засухи въ Кодорскомъ участкѣ, абхазцы разрыли могилу персіянина и кости положили въ ручей.

Если утонетъ человѣкъ — то принято хоронить его душу. Душу „ловятъ" въ бурдюкъ на берегу, выманивая ее изъ воды пѣніемъ и музыкой. Завязавъ бурдюкъ, душу везутъ на кладбище.

Богъ „Анчва̀", творецъ вселенной, создалъ другихъ боговъ для руководства дѣлами людей и различными явленіями природы.

„Аффы́" — богъ грома и молніи. Если молніей убьетъ быка — это считается посѣщеніемъ бога. Всѣ собираются вокругъ трупа, поютъ, танцуютъ. Хозяинъ быка приноситъ въ жертву Аффы́ другого быка и обращается къ Богу съ молитвой. Трупъ же убитаго молніей быка кладутъ на спеціально установленную вышку, гдѣ и оставляютъ на съѣденіе хищнымъ птицамъ. Любопытно, что такой же обычай практиковался еще недавно по отношенію къ человѣку, убитому молніей. Никто въ этомъ случаѣ не долженъ былъ плакать, но всѣ радовались „посѣщенію" божества. Трупъ убитаго клали на вышку. Въ этомъ обычаѣ можно видѣть пережитокъ древняго абхазскаго погребенія [1]).

„Шашу́-Абжны́ха" — богъ ремеслъ, искусствъ. Мѣстомъ проявленія силы этого Божества считается кузница. Посредникомъ является кузнецъ. Кузнецъ совершаетъ со своей семьей молитву и жертвоприношеніе въ кузницѣ ежегодно подъ новый годъ. Не всѣ кузницы пользуются репутаціей святого мѣста. Извѣстность какой-нибудь кузницы часто переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе; часто кузница развивается, потомки знаменитаго жреца уже не знаютъ этого ремесла, однако старшій въ родѣ продолжаетъ приносить жертвы и приводить къ присягѣ, пользуясь для этого маленькой моделью кузницы, которая нерѣдко состоитъ изъ горна (безъ мѣха), кусковъ шлака въ немъ и нѣсколькихъ металлическихъ предметовъ.

Кусокъ шлака изъ кузницы сохраняетъ въ себѣ божественную силу, если его перенести и въ иное мѣсто. Въ виноградныхъ садахъ часто вѣшаютъ шлакъ—предупрежденіе ворамъ, что „мѣсто свято".

Въ случаѣ разногласій при тяжбахъ и въ другихъ случаяхъ — въ кузницѣ приводятъ къ присягѣ. Если присягавшій заболѣетъ — считается, что онъ ложно присягнулъ. Въ этомъ случаѣ приносится искупительная жертва съ молитвой.

Въ важныхъ же случаяхъ къ присягѣ приводятъ въ Илорскомъ храмѣ (Илор-ныха), Пицундскомъ (Лдзаа-ныха) или на Священной горѣ Дудрюшъ. На верхушкѣ горы Дудрюшъ есть развалины древняго византійскаго храма, истолковываемыя абхазцами какъ гробница Святого. На предгорьѣ — священное мѣсто, у котораго приносятъ жертвы и присягаютъ.

[1]) Умершихъ не предавали землѣ а вѣшали на деревья.

Въ рощѣ, у одного изъ деревъ можно видѣть старыя жертвы: сѣкиру съ арабской надписью золотомъ, шлемъ, ружье, металлическіе сосуды. Привиллегія привода къ присягѣ принадлежитъ дворянской фамиліи Чичба. Обычай приносить жертвы на деревьяхъ былъ очень распространенъ въ Абхазіи, судя по частымъ находкамъ металлическихъ предметовъ подъ деревьями. Этотъ же обычай существовалъ и у Черкесовъ. Онъ очень старъ. У Прокопія (De bello Persico), въ описаніи абхазцевъ, читаемъ:

„Эти варвары, даже до моего времени воздавали почитаніе рощамъ и лѣсамъ, по причинѣ своего грубаго невѣжества считая деревья за боговъ“.

Что касается частнаго случая, Св. горы Дудрюпшъ, то здѣсь мы имѣемъ превращеніе христіанскаго культа опять въ языческій. Вѣдь на вершинѣ горы — развалины древняго храма, по преданію гдѣ-то на горѣ и теперь есть икона Божьей Матери, наконецъ, самое названіе святого мѣста „Ан-кис-ныха-Дудрюпшъ“, въ переводѣ значитъ „Богородица, что на Дудрюпшѣ“.

„Ажвѐпшя — Абн Инчьвахў“ — боги охоты. Передъ охотой приносятъ жертвы. Записана молитва со словъ дворянина Беслана Хварукія. Передъ началомъ облавы Хварукія взялъ въ руку нащипанную у собакъ шерсть и сказалъ: „Абн Инчьваху (богъ охоты), богъ Хварукіи (семейный богъ-покровитель), Ажвѐншя (святые), чтобы Бесланъ не осрамился, чтобы Бесланъ убилъ лучшаго кабана, чтобы всѣ мы съ радостью и большой добычей возвратились домой“. Послѣ молитвы шерсть собакъ брошена была въ огонь.

„Айтаръ“ — богъ скота. Пастухи приносятъ ему жертвы.

Есть богъ земледѣлія и друг. Вѣрятъ абхазцы, также, въ Русалокъ.

Музыка играетъ въ быту обрядовую роль. Есть національные инструменты: „ачерпанъ“, — дудка съ 3 голосными отверстіями, „апхерца“ — двухструнный (строй въ кварту), смычковый инструментъ и „аюмȁ“ — родъ арфы съ 14 струнами.

Аюмȁ теперь исчезла. Въ прежнія времена на ней играли и аккомпанировали, воспѣвая геройскіе подвиги и войны.

„Апхерца“ — инструментъ общераспространенный. На этомъ инструментѣ играютъ, развлекая больныхъ[1]), на пирахъ и т. д. Поютъ во всѣхъ случаяхъ жизни опредѣленные хоралы: при рожденіи, свадьбѣ, на скачкахъ, при выниманіи пули у раненаго и т. д. Танцуютъ подъ аккомпаниментъ пѣнія.

Вообще Абхазія представляетъ собой неисчерпаемое поле для изслѣдователя, какъ въ смыслѣ археологическомъ, такъ и чисто этнографическомъ, представляя большой интересъ какъ своими памятниками, такъ и пережитками въ быту чертъ глубокой старины. Въ этихъ изслѣдованіяхъ цѣнной опорой можетъ служить древняя литература.

Во время сообщенія показаны были нѣкоторые предметы изъ собранной въ Абхазіи для Этногр. отдѣла Рус. Музея Императора Александра III коллекціи модели построекъ, утварь, оружіе и охотничьи принадлежности, музыкальные инструменты.

---

[1]) Нѣкоторыя болѣзни считаются посѣщеніемъ божества.

Наконецъ 26 марта состоялось соединенное засѣданіе Отдѣленія Этнографіи и Статистики, на которомъ *И. С. Левитовъ* прочелъ сообщеніе подъ заглавіемъ: „Бузо-гашишный вопросъ нашихъ окраинъ“.

Къ вопросу объ объякучиваніи русскихъ. Въ № 1 „Сибирскихъ Вопросовъ“ помѣщена небольшая замѣтка г. *В. Васильева*: „Угасшая русская культура на дальнемъ сѣверѣ“, подтверждающая лишній разъ давно уже констатированное явленіе объякучиванія русскаго элемента. Замѣтка касается судьбы русскихъ поселеній на Хатангѣ и Анабарѣ (Енис. губ.), гдѣ „русскій пришлый элементъ, имѣвшій когда-то большое культурное вліяніе на окружающія его инородческія племена, быстро идетъ по пути полнаго сліянія съ ними въ физическомъ типѣ, въ образѣ своей жизни, экономическомъ и духовномъ своемъ бытѣ, привычкахъ, навыкахъ, вплоть до потери родного, болѣе развитаго, богатаго языка; въ области религіозныхъ вѣрованій доходитъ до того, что выдѣляетъ изъ своей среды шамановъ; наконецъ, забрасываетъ свои селенія и разбредается въ тундру“ (стр. 33—34). Всѣ эти положенія авторъ иллюстрируетъ примѣрами изъ собственныхъ личныхъ наблюденій и впечатлѣній. Необходимо оговорить, что, по свидѣтельству самого автора, о полной потерѣ родного языка не можетъ быть пока рѣчи, такъ какъ старики всѣ знаютъ болѣе или менѣе по-русски, и только „люди болѣе молодого возраста обнаруживаютъ полное незнаніе или говорятъ всего понѣскольку словъ“ (стр. 31). Спрашивая себя о причинахъ такого угасанія русскаго элемента и принесенной имъ въ инородческую среду культуры, авторъ ставитъ цѣлый рядъ вопросовъ, долженствующихъ помочь объясненію этого очень сложнаго явленія, слагавшагося, по справедливому мнѣнію автора, подъ перекрещивающимся вліяніемъ самыхъ разнообразныхъ факторовъ антропологическаго, этнографическаго и соціальнаго характера. „Экономическія ли причины, лежащія въ суровыхъ, непривычныхъ для коренного русскаго человѣка условіяхъ сѣвера съ его бродячими промыслами, изолированность ли края, отсутствіе путей сообщенія и связей съ культурнымъ міромъ, физическая и культурная слабость самого колонизаціоннаго элемента или незначительность его въ сравненіи съ болѣе компактной массой туземнаго населенія вліяли тутъ и явились причиною того, что стойкій, въ общемъ, колонизаціонный элементъ не могъ сохранить даже физическихъ чертъ своей высшей народности и подвергся нивеллирующему вліянію менѣе сильной расовой разновидности—якутовъ, наравнѣ съ ниже ихъ стоящими тунгусами, долганами и вымирающими самоѣдами? Во всякомъ случаѣ—заключаетъ г. *Васильевъ*—фактъ стоитъ передъ нами во всей своей поражающей наглядности“ (стр. 33).

Владимірская Архивная Комиссія за 7-й годъ существованія. Въ составѣ Комиссіи за 1905 годъ, по отчету, было 26 почетныхъ членовъ, 112 пожизненныхъ, 138 дѣйствительныхъ и 1 членъ-сотрудникъ,—всего 277 человѣкъ. Въ музей при Архивной Комиссіи за 1905 годъ поступило нѣсколько предметовъ изъ древностей церковныхъ и бытовыхъ, много различныхъ картинъ, фотографическихъ

снимковъ, портретовъ и пр.; въ нумизматическое отдѣленіе—много монетъ, медалей и жетоновъ. Были переданы также и нѣкоторыя вещи изъ ископаемыхъ, окаменѣлостей и пр. Приростъ библіотеки за 1905 г. былъ также довольно значительный: за отчетный годъ поступилъ 1.041 томъ: вмѣстѣ съ прежними все количество книгъ въ библіотекѣ опредѣляется въ 14.334 тома. На приходѣ у Комиссіи было 3.310 р., а въ расходѣ 2.722 р. 64 коп.

С.-Петербургское Городское Присутствіе объ обществахъ и собраніяхъ разрѣшило регистрацію **Общества ревнителей Музея антропологіи и этнографіи имени Петра Великаго** („Рѣчь" 1908, отъ 3 апрѣля).

Хроника составлена *Н. Виноградовымъ*.

Отдѣлъ III.

Критика и библіографія.

Отдѣлъ V.

Смѣсь. Хроника.

ЖИВАЯ СТАРИНА,

ПЕРІОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

XVII годъ изданія 1908	ОТДѢЛЕНІЯ ЭТНОГРАФІИ	XVII годъ изданія 1908

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА,

подъ редакціею Предсѣдателя Отдѣленія Этнографіи В. И. Ламанскаго и члена-сотрудника Н. Н. Виноградова, въ XVII году своего существованія будетъ выходить **четырьмя** выпусками по 10—12 листовъ въ каждомъ (въ февралѣ, маѣ, сентябрѣ и ноябрѣ). При достаточномъ количествѣ подписчиковъ число выпусковъ будетъ доведено до шести.

Програмна журнала: Изученіе внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей расъ, племенъ, народностей Россіи и соплеменныхъ и сопредѣльныхъ съ нею странъ; ихъ взаимодѣйствія въ далекомъ прошломъ и въ настоящемъ; изученіе народныхъ языковъ, нарѣчій и говоровъ, народной поэзіи, быта, — вообще живой народной старины; критическій и библіографическій обзоръ литературы народовѣдѣнія.

Вступая въ XVII годъ изданія, редакція „Живой Старины" пригласила къ участію въ журналѣ многихъ ученыхъ спеціалистовъ и молодыхъ работниковъ по этнографіи и народной словесности и рѣшила обратить особенное вниманіе на полноту и свѣжесть отдѣла критики и библіографіи. При одномъ изъ выпусковъ, въ видѣ приложенія—отдѣльною книжкою, будетъ разосланъ „Указатель" къ журналу за 15 лѣтъ (60 вып.) его существованія.

Подписная цѣна для городскихъ подписчиковъ—5 р. съ доставкою, для иногородныхъ— 5 р. 50 к. и за границу—6 р., для книжныхъ магазиновъ скидка по соглашенію, соразмѣрно количеству требуемыхъ экземпляровъ, **для сельскаго духовенства, учителей и учащихся**—2 р. 75 к. Подписка принимается въ редакціи „Живой Старины" (Спб., у Чернышева моста).

Редакція.

Типографія М. П. С. (Т-ва И. Н. Кушнеревъ и Ко), Фонтанка, 117.

